

РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПОЭЗИЯ

1890—1917

Совetskaya
Pechat

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая
серия

ЛЕНИНГРАД * 1954

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ

(1890~1917)

Второе
издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. Л. Дышница*

ПОЭТЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Русская революционная поэзия с 1890-х годов до исторического 1917 года — это поэзия нового этапа русского революционного движения, центральной фигурой которого стал рабочий класс России, возглавленный и руководимый в борьбе против самодержавия и капитализма великой партией коммунистов. В эти годы зарождается и развивается в России художественное творчество, кровно связанное с революционной деятельностью пролетариата, — поэзия, вырвавшаяся из недр рабочего класса, складывавшаяся под сильнейшим и определяющим идейным воздействием пролетарской партии и печати.

Эта поэзия явилась плотью от плоти рабочего класса. Она внесла в литературу новые темы и образы, запечатлев в своих произведениях жизнь и борьбу русского пролетариата, ставшего во главе всенародного освободительного движения в России и проложившего путь к торжеству социализма. Она росла и развивалась под благотворным влиянием идей марксизма-ленинизма, представляя собой своеобразное художественное выражение революционной практики пролетарской партии, выступая как поэзия боевой социалистической партийности. Она с большой силой страсти выразила мировоззрение своего класса, воспела его самоотверженную борьбу и прославила его высокие коммунистические идеалы. Она сопутствовала героическим боям русских рабочих как активная участница этих славных боев за победу демократии и социализма, и отобразила в своих произведениях характер всех исторических этапов, через которые прошла победоносная борьба рабочих за торжество социалистической революции.

История этой поэзии неразрывно связана с историей пролетарской революции в России, с историей великой Коммунистической партии.

Русский рабочий класс с самого начала своего существования породил свою поэзию, пронизанную особенными и характерными социальными мотивами. Истоки этой поэзии, являвшейся по преимуществу устным художественным творчеством, восходят ко временам далекой предистории русского пролетариата, к XVIII веку, к среде первых поколений «рабочего люда» на предприятиях Урала и Сибири или ткацких мануфактурах центральной России. Уже в раннем устно-поэтическом творчестве русских рабочих, не ставших еще самостоятельной классовой силой, еще не осознавших своего великого исторического назначения, отчетливо звучали мотивы революционного протеста, решительного недовольства режимом кабалы и эксплуатации, которому насильственно подчиняли «рабочих людей» помещики и капиталисты. С дальнейшим развитием рабочего класса, с постепенным превращением его в самостоятельную классовую силу развивалась и его поэзия, крепились ее революционные мотивы.

70-е и особенно 80-е годы прошлого века были годами пробуждения рабочего класса, вступившего на путь борьбы с капиталистами. Передовые рабочие — такие замечательные деятели русского революционного движения, как Виктор Обнорский, Степан Халтурин, Петр Алексеев, Петр Моисеенко и другие, — создают первые рабочие союзы, содействуют развитию рабочего движения, выливающегося в первые стачки и забастовки, направленные против угнетателей. За рубежом возникает под руководством Г. В. Плеханова группа «Освобождение труда» (1883), осуществившая большую работу по распространению марксизма в России и сделавшая первый шаг навстречу русскому рабочему движению. В эти годы происходит процесс дальнейшего стихийного выдвижения литературных талантов из среды рабочего класса, появляются поэтические произведения рабочих, отражающие события революционной борьбы и прославляющие ее цели. Руководитель знаменитой стачки на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве (1885) Петр Моисеенко создает ряд стихотворений, запечатлевающих тяготы жизни рабочих-ткачей и призывающих к борьбе с эксплуататорами. Десятилетием раньше, на страницах народнического органа «Вперед» (1876, № 33), появляется стихотворение неизвестного рабочего, ставшее впоследствии популярной революционной песней. Это произведение, четко выражающее мотивы классового антагонизма и пропитанное боевой революционной романтикой, было прислано в редакцию автором-рабочим с письмом, в котором выдвигалось требование: «Не делайте никаких поправок и изменений». С первых своих строк стихотворение, тесно связанное с традициями народной лирической

поэзии, пропагандировало идею революционной борьбы и революционного возмездия угнетателям рабочих:

Не трава в степи колышется,
Не в дубраве ветер шумит —
Клич удалый, мощный слышится,
В бой с врагом идти велит.

То не кречеты слетаются,
Чуя близость мертвецов, —
Люд рабочий ополчается
Мстить за дедов и отцов.

Не страшат борцов мучения,
Ни тюрьма, ни эшафот,
Полны мужества, презрения,
Смело движутся вперед.

Так восстань же, сила мощная,
Против рабства и оков!
Суд чини, расправу грозную:
Зуб за зуб и кровь за кровь!..

Появление таких произведений свидетельствовало о том, что в среде передовых борцов-рабочих начинало проникать убеждение в исторической миссии пролетариата как решающей силы русской революции. Осознание самостоятельной роли рабочего класса уже тогда приводило первых марксистов к уверенности в том, что социалистический пролетариат, совершая революцию, создаст свою литературу и поднимет на новую ступень художественное развитие человечества. Об этом писал Г. В. Плеханов в заметке «Два слова читателям-рабочим» (1885), предназначавшейся в качестве предисловия к задуманному группой «Освобождение труда» нелегальному изданию — сборнику «Песни труда». «...только рабочий класс, — заявлял Плеханов, — даст поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть истинным представителем идеи труда и разума»¹.

Однако в 70-х и 80-х годах поэтическое творчество рабочих носило характер стихийных, разрозненных явлений, в которых только еще пробивались к жизни отдельные черты складывавшегося пролетарского революционного мировоззрения. Рождение поэзии пролетарской революции в России произошло позднее — в 90-х годах прошлого столетия, когда пролетариат превратился в

¹ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., Гёо. изд. худож. литер., 1948, стр. 487.

серьезную силу политической жизни страны, когда развернулось широкое рабочее движение, когда В. И. Ленин приступил к созданию революционной партии, опирающейся на массы пролетариата. Когда ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — этот зачаток пролетарской партии — стал осуществлять на практике соединение социализма с рабочим движением. В эти годы социалистическая идеология проникла в революционную поэзию, стала ведущей и определяющей силой в ее лучших произведениях. Поэзия передовых борцов рабочего класса получила широкое распространение в народных массах и стала оказывать большое идейное воздействие на устно-поэтическое творчество заводов и фабрик. Борьба за создание марксистской партии в России, развернутая В. И. Лениным, получила свое выражение и в организации первых нелегальных органов социал-демократической печати, на страницах которых использовались, как действенное средство агитации, произведения революционной поэзии. Первые социал-демократические издания — нелегальные газеты, журналы, листовки, печатавшиеся за рубежом или в глубоком подполье, на гектографе, иногда размножавшиеся вручную, — ставили себе целью содействовать переходу от пропаганды марксизма среди небольшого количества передовых рабочих к злободневной политической агитации среди широких масс рабочего класса. Осуществляя свою цель, руководители этих изданий часто помещали на их страницах литературные произведения: перепечатывали стихи и песни русских поэтов-революционеров прошлого (от декабристов до народовольцев), печатали стихотворения молодых поэтов пролетарской партии. Социалистическая печать уже в 90-е годы сделала одним из проводников партийного воздействия на литературу, взялась за дело воспитания своих, пролетарских литераторов из рядов революционных рабочих и марксистской интеллигенции. Таким образом, история поэзии пролетарской революции начинается вместе с историей революционной партии пролетариата. Эта поэзия оформилась идейно под влиянием марксизма-ленинизма, благодаря деятельности подпольных организаций и изданий революционной социал-демократии.

Поэты борющегося пролетариата насчитывались в 90-х годах единицами. Но уже тогда они проявили себя как высокоидейные, преданные своему революционному делу литераторы. С развитием пролетарской борьбы, с укреплением партии и ростом ее печати кадры поэтов рабочего класса выросли неизмеримо. Этим поэтам, которые в большинстве не были литераторами-профессионалами, а создавали свои произведения в ходе практической революционной борьбы, участниками которой они являлись, — приходилось творить

в исключительно трудных условиях. Царская цензура и полиция яростно преследовали их произведения, боролись всеми мерами против проникновения революционного художественного творчества в легальную печать, охотились за изданиями, в которых подпольно печатались стихи революционных поэтов. Если поэтам-революционерам удавалось выпустить книгу стихотворений, на нее тотчас же набрасывались царские опричники, изымали и уничтожали ее. Свою легальную печать большевики могли налаживать лишь эпизодически. Так, в конце 1905 года издавалась «Новая жизнь», в предвоенные годы (1911—1914) выходили «Звезда», «Правда», «Просвещение», после февральской революции 1917 года партия возобновила выпуск «Правды» и организовала ряд новых газет. Но легальность этих изданий была, разумеется, весьма условной. Царская цензура, судебные власти, жандармерия и полиция всячески стремились подавить большевистскую печать. Отдельные номера газет и журналов конфисковывались и уничтожались, редакторы и сотрудники партийной печати подвергались арестам и ссылкам за «крамольную» пропаганду. В период между февралем и Октябрем 1917 года буржуазное временное правительство Гучкова — Милюкова — Керенского, продолжая подлую политику самодержавия, проводило по отношению к большевистской печати ту же практику полицейского террора. Но задушить большевистское слово самодержавие и буржуазия были бессильны. Революционная поэзия получала огромное распространение в народе, она пользовалась горячей любовью масс. Народ слышал в ней голос партии, призывающей к борьбе за свободу и ведущей к победе над врагами. И поэзия партийных изданий, возникшая в революционном подполье и в баррикадных боях с самодержавием, в царских тюрьмах и на каторге, на рабочих митингах и демонстрациях, обошла всю великую народную Россию, согревая сердца рабочих и крестьян, пробуждая в них волю к решительной и непримиримой борьбе против мира насилия, рабства и произвола.

Уже первые произведения революционных поэтов, проникнутые идеями и идеалами социалистического пролетариата, приобрели огромную популярность в народных массах. Народ нашел в них правдивый рассказ о своей многострадальной жизни, услышал боевой призыв к борьбе. Такие произведения (авторы которых остались неизвестными), как «Кто под землей и на земле...», «Ночью в мастерской», созданные в 90-х годах, правдиво показывали облик народа-труженика, протестовали против эксплуатации труда рабочего. С мотивами этих стихотворений перекликались стихи старого рабочего Егора Нечаева, поэта-подпольщика

Александра Богданова-Волжского («На заводе» и др.). В сатирических произведениях («Сказка о попе и черте», «Камаринская» и др.), распространявшихся через подпольную печать революционной социал-демократии, остро разоблачались буржуазия и духовенство, выражались чувства презрения к врагам народа и уверенности в их скорой гибели. Такие песни, как «Машинушка» и др., пропагандировали марксистский взгляд на процесс исторического развития, утверждали роль пролетариата как освободителя всех трудящихся от капиталистического гнета. Лучшие произведения социалистической поэзии 90-х годов укрепляли классовое самосознание рабочих, четко выражали революционные устремления и требования, агитировали за единство трудящихся в их священной борьбе против эксплуататоров. Всем своим существом эта поэзия была направлена против злейшего идейного врага марксизма — народничества 80-х и 90-х годов, против его субъективистских взглядов на историю, против его мешанского оппортунизма.

В ранней социалистической поэзии получила свое выражение марксистская точка зрения на характер исторического развития. В ней воспевается народ как творец истории, вся она пронизана страстной верой в творческие силы масс. Взгляд на исторический процесс, лежащий в основе таких стихотворений, как «Марсельеза», «Машинушка», «Песнь пролетариев» А. Коца и некоторые другие, в корне противоположен реакционным рассуждениям народников об отдельных «героях» как толкачах истории. Революционный оптимизм, выступающий в творчестве первых поэтов пролетарской борьбы, также был направлен своим острием против народников, метавшихся между субъективистским анархизмом и либеральным оппортунизмом. Призыв к массовому революционному подвигу, звучащий в стихах Леонида Радина (талантливого поэта и ученого, погибшего в борьбе с самодержавием), в его знаменитой песне «Смело, товарищи, в ногу...» и в созданных Г. М. Кржижановским обработках польских революционных песен, — был вместе с тем призывом к народу отвернуться от народников, звавших массы на путь «малых дел» и реформистского крохоборчества.

В замечательных произведениях Максима Горького — основоположника пролетарской литературы в России — молодая социалистическая поэзия выступила как искусство глубочайших философских и художественных обобщений. «Девушка и смерть», «Песня о Соколе», «Человек» — воплощали высокий нравственный идеал свободного человека-борца, — такой идеал, который мог возникнуть только на почве революционного социалистического мировоззрения. Презрение к смерти, порожаемое твердой верой в бессмертие на-

родного дела, жажда подвига во имя народного счастья, убеждение во всемогуществе человеческого разума, служащего свободе народа, — все это, выраженное писателем в своеобразной художественной форме, сразу же сделало Горького любимым поэтом народной России. Философия революционного действия, проповедовавшаяся в горьковских стихах и стихотворениях в прозе, также активно помогала марксистам-ленинцам в их борьбе с народничеством, в идейном разгроме последнего. Заключительные строки «Легенды о Марко» били не в бровь, а в глаз «идеологов» мешанского оппортунизма — мнимых друзей народа, скатившихся к либерализму народников.

Вторая половина 90-х годов была временем подъема рабочего движения, временем подготовки к предстоящим боям рабочего класса против самодержавия и капитализма. Агитационные задачи социал-демократии требовали от ее поэтов создания произведений боевого, призывного характера, способных проникнуть в самую гущу масс, внести в сознание широких слоев демократии идеи революционной пролетарской партии. Неслучайно поэтому литераторы, связанные с кругами формирующейся партии рабочего класса, сторонники В. И. Ленина, стоявшие на платформе ленинской «Искры», так много и плодотворно работали в 90-х и начале 900-х годов над созданием массовых песен. Боевой марксист Л. Радин написал «Смело, товарищи, в ногу...», соратник В. И. Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Г. М. Кржижановский дал русские тексты польских революционных песен «Варшавянка», «Красное знамя» и «Беснуйтесь, тираны...», революционер-подпольщик А. Богданов создал «Студенческую марсельезу» и «Песнь пролетариев», целый ряд авторов, оставшихся неизвестными, сложил песни, посвященные майским празднествам рабочих. Поэты активно соревновались и в создании партийного гимна рабочего класса. Вначале с этой целью были предприняты попытки использовать мелодию «Марсельезы», приспособив к ней новый текст. Но очень скоро стало очевидным, что мотив «Марсельезы», превращенной французскими буржуа в гимн буржуазной республики, не может сопровождать текст пролетарского гимна. А уже в 1902 году этот гимн был создан: появился русский текст «Интернационала», написанный А. Коцем — молодым революционером-эмигрантом, в недавнем прошлом шахтером одного из рудников Донецкого бассейна.

Наряду с революционно-призывными, героико-патетическими песнями в 90-х и в начале 900-х годов были написаны и широко распространялись в народе разного рода сатирические песенки

вроде пародии на официальный гимн царской России, написанной А. Богдановым, или «Солдатской песни», сочиненной в связи с разгоном демонстрации у Казанского собора. В период, непосредственно предшествовавший революции 1905 года, в период подготовки к революционным боям, протекавшей в форме многочисленных стачек, забастовок и демонстраций, песенное творчество поэтов партии вступило непосредственно в боевые дела. Этот период подготовки к революционной буре, открывшийся в литературе горьковской «Песней о Буревестнике», ознаменовался выходом массовых песен на улицу, куда понесли их демонстранты-стачечники, на баррикады, на которых рабочие готовились к будущим битвам с защитниками самодержавия. Политические успехи массовой революционной поэзии были в 1901 году отмечены И. В. Сталиным в его статье «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи», напечатанной в газете «Брдзола». «Достаточно человеку выйти во время демонстрации на улицу, — писал И. В. Сталин, — чтобы увидеть мужественных борцов, понять, ради чего они борются, услышать свободную речь, зовущую всех на борьбу, боевую песнь, изобличающую существующий строй, вскрывающую наши общественные язвы»¹.

Соединение рабочего движения с социализмом создало необходимые предпосылки для возникновения социалистической поэзии пролетариата. Победа идеологических принципов В. И. Ленина в борьбе за революционную марксистскую партию и возникновение большевизма, деятельность большевистских газет (старая «Искра», «Вперед» и др.) оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этой поэзии, на укрепление ее коммунистической партийности. В период, предшествовавший революционному 1905 году, поэзия пролетарской революции получила необходимую идейную закалку в борьбе против самодержавной реакции, против изменнического буржуазного либерализма и предательского оппортунизма «экономистов» и меньшевиков. Живая и кровная связь поэтов пролетариата с ленинским руководством пролетарской партии помогла этим поэтам с честью пройти через битвы и испытания сурового революционного 1905 года.

Революция 1905 года началась «кровавым воскресеньем» 9 января. Ее кульминационным пунктом было московское вооруженное восстание в декабре, бои на Красной Пресне. Революционные события 1905 года получили широкое освещение в творчестве поэтов пролетариата. Более того: произведения этих поэтов явились не

¹ И. В. Сталин. Сочинения, том 1, стр. 26.

только горячими поэтическими откликами на события, но стихами, мобилизовавшими волю и энергию масс на борьбу с самодержавием и капитализмом.

Стихотворения, созданные в 1905—1907 годах поэтами пролетарской революции, представляют собой произведения, дающие яркую картину событий этого времени и содержащие страстное политическое осмысление действительности. На «кровавое воскресенье» откликнулись многочисленные поэты — сотрудники партийной печати и рядовые, безымянные авторы — рабочие. Для большинства их произведений типичен общий лейтмотив: характеристика царизма как злейшего врага народа, с которым нет и не может быть никаких компромиссов. Эта мысль показательна для стихов Евгения Тарасова и А. Коца, А. Луначарского и П. Эдмета, для произведений рядовых рабочих поэтов.

Развитие событий в 1905 году полностью подтвердило прогнозы В. И. Ленина и большевиков относительно либеральной буржуазии, которая, испугавшись возможности превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую, проявила себя как контрреволюционная сила и в разгаре революции перешла к союзу с самодержавием. Поэты пролетариата посвятили ряд превосходных произведений разоблачению изменнической сущности буржуазных либералов. С большой силой презрение и ненависть к либералам выражены в стихотворении Евг. Тарасова «Руки прочь» и в стихах рабочего А. Миккульчика. В. И. Ленин высоко оценил написанный А. В. Луначарским стихотворный памфлет против кадетов — «Два либерала». Это произведение надолго запомнилось В. И. Ленину: в 1907 году в письме к Луначарскому Владимир Ильич призывал его создать новые сатирические стихи в духе его талантливого памфлета против либералов: «Не тряхнуть ли Вам стариной, посмеяться над ними в стихах?» — писал В. И. Ленин¹.

Революция показала, что вождем буржуазно-демократической революции может быть только рабочий класс, способный довести борьбу до конца и проложить дорогу к социализму. Осознание этого важнейшего политического урока ярко представлено в подлинно революционной поэзии 1905—1907 годов. С особенной четкостью выступает этот мотив в произведениях, связанных с вооруженными битвами, которые вел пролетариат в конце 1905 года. Стихотворная листовка «На смерть Баумана», лирика А. Белозерова, стихотворение А. Луначарского «К юбилею 9 января», поэтический цикл Евгения Тарасова, посвященный баррикадам Крас-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 34, стр. 322.

ной Пресни, — дают тому яркие свидетельства. В Евгении Тарасове мужественная вооруженная борьба московских пролетариев нашла своего талантливов певца, прославившего подвиги революционеров и оплакавшего павших в бою героев.

В ходе революции с полной очевидностью выяснилось, что победа рабочего класса может и должна быть завоевана только в прочном союзе с крестьянством, что рабочий класс выступает в революции как руководитель всенародного освободительного движения. Поэты пролетариата клеймили презрением мелкобуржуазных ренегатов-меньшевиков, отрицавших ведущую роль рабочего класса в революции, игнорировавших революционные силы деревни и пресмыкавшихся перед либеральной буржуазией («Эпиграмма»). Они написали целый ряд произведений, способствовавших развертыванию активной большевистской агитации в деревне и среди солдат и матросов («Крестьянская песня», «Мы — братья», «К солдату» и др.). Революционная война крестьян против помещиков ярко запечатлелась в некоторых стихах Е. Тарасова. Поэма-памфлет С. Басова-Верхоанцева «Конек-Скакунок» содействовала подъему революционных настроений среди крестьянства.

Характеризуя в начале 1906 года в статье «Две схватки» идейный рост борющегося пролетариата за время, прошедшее с 9 января 1905 года, И. В. Сталин указывал, что песни революции стали все шире и шире завоевывать массы, становясь боевыми спутниками их вооруженных выступлений. «Здесь, — писал И. В. Сталин, — вы уже не увидели бы ни церковных хоругвей, ни икон и царских портретов, — вместо них развевались красные знамена и красовались портреты Маркса и Энгельса. Здесь вы уже не услышали бы пения псалмов и «боже, царя храни», — вместо этого раздавались звуки «Марсельезы» и «Варшавянки», оглушавшие угнетателей»¹. Наряду с революционными песнями героико-патетического характера, в народе широко распространялись сатирические песенки, направленные на обличение лицемерных тактических приемов царского правительства, на борьбу с его террористической политикой. Так, например, сразу после опубликования царского манифеста 17 октября появилась и буквально облетела всю Россию песенка, выражавшая большевистскую характеристику этого провокационного документа:

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым — свобода, живых — под арест².

¹ И. В. Сталин. Сочинения, том 1, стр. 200.

² «История ВКП(б)». Краткий курс, Госполитиздат, 1952, стр. 75.

Тэж, большевистская газета «Пролетарий» (в № 22 от 24 октября 1905 года) в заметке «Всеобщая забастовка в Костроме (3—26 июля)» сообщала, что «среди рабочих стала очень популярна песня, привезенная одним товарищем из Иванова, на мотив «Разлуки»:

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!»

«Песни революционные, — писала далее газета, — переняли даже ребяташки. После забастовки по вечерам рабочий квартал оглашается то там то сям далеко разносящимися по вечернему воздуху звуками «Марсельезы» и «Варшавянки». Поэзия революции 1905 года ярко выражала дух наступления, в первых рядах которого, штурмуя твердыни царизма, шел русский рабочий класс.

1905 год явился для литературы пролетариата годом особенно знаменательным. В этом году на страницах легальной большевистской газеты «Новая жизнь» В. И. Ленин сформулировал принцип социалистической партийности как основу для развития действительно свободной, открыто связанной с пролетариатом литературы. В своей знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин, обобщая опыт партийной печати, определял тип пролетарского литератора, самоотверженно преданного великим идеям коммунизма, характеризовал духовный облик социалистической литературы, к созданию которой призывала партия. «Это будет, — писал В. И. Ленин, — свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»¹.

Зачатки этой литературы, широкое развитие которой стало возможным в условиях победившей революции, появлялись в ходе самой революционной борьбы пролетариата, они создавались литераторами, сплотившимися вокруг партии и ее печати. Число этих литераторов заметно росло, ибо идея социализма, сочувствие трудящимся и примеры героической борьбы русских рабочих привлекали к партии и ее печати новые и новые силы из народа.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 10, стр. 30—31.

Революция 1905 года показала ряду литераторов, далеких в прошлом от передовых пролетарских позиций, пути их дальнейшего прогрессивного развития, вовлекала их в число борцов за народное дело. Резче, отчетливее стали звучать мотивы протеста в поэзии старого рабочего Егора Нечаева. Поэты Ф. Шкулев и М. Савин, ранее находившиеся в мещанском окружении писателей-«суриковцев», появились на страницах боевой революционной печати (и первый из них в скором времени стал автором всенародно известной песни «Мы — кузнецы...»). С. Басов-Верхоянцев решительно преодолел некоторые ранее присущие ему народнические иллюзии. Ф. Гаврилов ушел из-под влияния народнического кружка писателя Н. Златовратского и опубликовал в своей книге «На заре» (М., 1905) несколько навеянных революционными событиями стихотворений. На страницах профсоюзных изданий питерский рабочий Н. Рыбацкий поместил ряд боевых, революционных произведений.

В 1905—1907 годы революционный подъем захватил многих поэтов из среды мелкобуржуазной демократии, искренне сочувствовавших народу, но стоявших вне пролетарской борьбы. Произведения таких поэтов, как Т. Щепкина-Куперник, Д. Цензор, Н. Тан, Скиталец, А. Лукьянов, О. Чюмина и некоторые другие, насыщаются в это время отчетливыми революционными мотивами, приобретают боевое политическое звучание, содействуют борьбе революционных народных масс против кровавого самодержавия. Такие произведения, как «На родине» Т. Щепкиной-Куперник, «Их расстреляли» Д. Цензора, лучшие стихотворения Тана и Скитальца, с большой силой выражали идеи революционного протеста и призывали к непримиримой борьбе против угнетателей народа. Некоторые из этих стихотворений широко пропагандировались подпольной большевистской печатью и с ее помощью приобрели всенародную известность. В последующие годы иные из авторов этих произведений (Тан, Скиталец, Цензор) проявили растерянность перед лицом временно победившей реакции и уже не создавали новых революционных стихов, подобных их лучшим произведениям периода первой революции. Однако их стихотворения, отразившие с глубоким волнением революционный подъем 1905—1907 годов, остались ценным вкладом в русскую передовую политическую лирику.

С другой стороны, развитие революционной борьбы в 1905—1907 годах окончательно прояснило позиции ряда буржуазных писателей, пытавшихся на первом этапе революции стяжать репутацию ее поэтов. Однако их «революционность» никогда не была искренней, она представляла собой пустую фразу, выражение и отражение временной либерально-буржуазной «оппозиции его вели-

честву». Как только революционные события обнаружили рост политической активности масс, как только выяснилось, что революция из буржуазно-демократической может превратиться в пролетарскую, социалистическую, так сразу выявилось отсутствие связей этих писателей с народом, их враждебность народным массам. Вместе с изменнической либеральной буржуазией они свернули на путь реакции и прямой клеветы на революцию. Среди литераторов такого рода были известные поэты-символисты: К. Бальмонт, написавший в 1905 году ряд трескуче-риторических «гимнов» в честь рабочих, Ф. Сологуб, своими политическими сказочками и стихами из книги «Соборный благовест» ставший на время в либеральную оппозицию самодержавию, Н. Минский, безуспешно слагавший стихи о «сознательных пролетариях». Все они скоро и круто повернули на путь контрреволюции.

Перед лицом наступающей реакции, в условиях временного поражения революции, поэты пролетарской борьбы остались единственными подлинно революционными поэтами, вступившими в смелую, неравную и самоотверженную битву, которую большевики повели против реакции. «После поражения первой русской революции большевики не испугались возросших трудностей, — говорится в тезисах Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС к пятидесятилетию Коммунистической партии Советского Союза. — В мрачные годы столыпинской реакции, в условиях разгула царских репрессий и черносотенного террора партия большевиков укрепляла свои ряды, умело использовала легальные и нелегальные возможности для упрочения связи с массами»¹. Эта характеристика, определяющая революционную тактику нашей партии в годы столыпинской реакции, многое объясняет и в отношении судьбы пролетарской поэзии этих лет.

Контрреволюция наложила запрет на партийную печать. Книги некоторых революционных поэтов, напечатанные в условиях революции 1905—1907 годов, были конфискованы и частично (или полностью) уничтожены. Такая участь постигла сборники А. Коца, Е. Тарасова, питерского рабочего-поэта Ивана Привалова и ряда других писателей. Многие поэты были арестованы и сосланы как активные деятели подпольной партийной борьбы. Уходя в подполье, партия постаралась сохранить некоторые возможности для выступлений своих поэтов в легальной печати: целый ряд поэтов продолжал работать на страницах профсоюзных журналов и газет,

¹ «Коммунист», 1953, № 11, стр. 17.

терпя чудовищные притеснения со стороны цензуры. В глухом подполье попрежнему велась боевая литературная работа: выходили нелегальные издания, листовки и т. п. Даже в тюрьмах заключенные издавали подпольные рукописные журналы, писали стихи, переправляя их товарищам на волю. Впоследствии, оглядываясь на эти годы и оценивая мужественную борьбу поэтов пролетариата против озверелой контрреволюции, Максим Горький дал ей удивительно точную оценку. Он написал: «Когда история расскажет пролетариату всего мира о том, что пережито и сделано вами за восемь лет реакции, — рабочий мир будет изумлен вашей жизнедеятельностью, бодростью вашего духа, вашим героизмом»¹.

Это горьковское суждение очень верно определяет революционный оптимизм как ведущую черту пролетарской поэзии эпохи реакции. В то время как буржуазно-помещичья контрреволюция торжествовала свою победу, а ликвидаторы и троцкисты хоронили революцию, народ верил в ее грядущее торжество и воспевал ее устами своих поэтов. Стихи старого революционера А. Богданова, лирика молодого рабочего, узника и жертвы царских жандармов — Алексея Гмырева, стихи А. Поморского, И. Привалова, Ф. Шкулева, ивановского рабочего Александра Благова и других с огромной силой чувства выражали твердую веру в революцию и ненависть к ее врагам. Поэзия пролетариата оставалась верной делу класса, делу партии.

Начало 1912 года ознаменовалось событиями большого исторического значения. В январе месяце на Пражской партийной конференции произошло оформление большевиков в самостоятельную партию. В апреле месяце волна массовых забастовок, митингов и демонстраций, прокатившихся по стране в ответ на кровавую расправу царских жандармов с рабочими Ленских золотых приисков в Сибири, возвестила начало нового подъема революционного движения. Силы революции, которые партия накопила в годы реакции, вышли наружу и заставили считаться с собой власть самодержавия и капиталистов. Царский министр Макаров еще позволил себе ответить на запрос в Думе относительно ленского расстрела наглой фразой: «Так было и так будет!» Но рабочий класс, его партия и его пресса уже снова выходили из подполья, доказывая, что контрреволюция преждевременно праздновала свою «полную победу» над народом. На расправу царских жандармов с рабо-

¹ М. Горький. Предисловие к «Сборнику пролетарских писателей» (1914). Собрание сочинений в тридцати томах. М., Гос. изд. худож. лит., 1953, том 24, стр. 172.

чими Ленских приисков русский пролетариат ответил революционными действиями, его поэты отозвались на новое преступление царизма гневными стихами. Со страниц вновь возникшей легальной печати большевиков прозвучало суровое обвинение убийцам в замечательном стихотворении «Лена», написанном молодым поэтом Демьяном Бедным. Стихотворением «Так было — так будет» дал резкую отповедь обнаглевшему царскому сатрапу поэт Александр Богданов.

22 апреля (5 мая) 1912 года в Петербурге вышел первый номер ежедневной массовой политической газеты партии — «Правды», организованной по указанию В. И. Ленина, по инициативе И. В. Сталина, М. Ольминского и Н. Полетаева. С 1912 года до июля 1914 года (когда «Правда» была разгромлена и закрыта царскими властями) эта газета играла исключительно важную роль в жизни партии, в жизни рабочего класса. Несмотря на постоянную травлю со стороны цензуры и полиции, «Правда» изо дня в день готовила рабочих к новой революции; редакция газеты была центром борьбы за партийность, за воссоздание массовой рабочей революционной партии. «Правда» была теснейшим образом связана с Центральным Комитетом партии, она поддерживала постоянные связи с рабочими заводами и фабриками. Большое внимание редакция «Правды» уделяла воспитанию литераторов из рядов рабочего класса, созданию постоянного актива рабочих-корреспондентов. Работая систематически с молодыми литераторами, выявляя талантливых писателей из народа, давая место их произведениям на своих страницах, «Правда» воспитала десятки одаренных пролетарских поэтов, произведения которых с интересом и любовью воспринимались демократическим читателем. В первом же номере «Правды», в его передовой статье, написанной И. В. Сталиным, подчеркивалась задача воспитания писателей из среды пролетариата. «Пусть не говорят рабочие, — писал И. В. Сталин, — что писательство для них «непривычная» работа: рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее браться за дело: раза два споткнёшься, а там и научишься писать... И так, дружнее за работу!»¹ С первого и до последнего своего номера «Правда» настойчиво, целеустремленно и трудолюбиво работала в области воспитания рабочих-литераторов, в том числе и поэтов.

Очень большую помощь творческому росту поэтов-«правди-

¹ И. В. Сталин. «Наши цели». Сочинения, том 2, стр. 249

стов» оказал Максим Горький. Писатель из-за границы, где он проживал как политический эмигрант, внимательно следил за появлением новых литературных дарований из народной среды, переписывался с молодыми рабочими поэтами, давал им ценные советы и указания. В. И. Ленин в своих письмах к Горькому обращал его внимание на талантливую пролетарскую писательскую молодежь, просил помогать работе литературного отдела большевистского журнала «Просвещение». Горький живо интересовался поэзией «правдистов», а вернувшись на родину в самом конце 1913 года, приступил к составлению сборника произведений пролетарских писателей, главным образом из числа сотрудников «Правды». Из 32 авторов, вошедших в «Первый сборник пролетарских писателей», открывавшийся предисловием М. Горького, 17 литераторов были «правдистами». Горький провел при подготовке сборника к печати чрезвычайно тщательную редакционную работу, направленную на усиление реализма и повышение художественного уровня публикуемых произведений. Выпущенный в свет в 1914 году, этот сборник явился первым значительным коллективным выступлением пролетарских писателей, возмещавшим о вхождении большого отряда поэтов рабочего класса в демократическую русскую литературу. До появления этого сборника пролетарским поэтам, группировавшимся вокруг редакции «Правды» и собиравшимся в рабочих литературных кружках при «Лиговских вечерних классах» и «Народном доме графини Паниной», удалось издать только три маленьких сборника: «Эхо ответное» и два выпуска «Наши песни» (все три книжки вышли в 1913 году; третья, помеченная 1914 годом, на самом деле была отпечатана в конце 1913 года и попала под конфискацию). Издание первых коллективных сборников пролетарских писателей подтверждало верные слова, написанные Максимом Горьким в его предисловии к сборнику 1914 года: «Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал — с великим трудом и огромными жертвами — свою ежедневную прессу»¹.

«Правда», ее предшественница «Звезда», ее соратники большевистские журналы «Просвещение», «Работница» и др. вырастили и воспитали целый ряд талантливых поэтов, кровно связанных с жизнью и борьбой рабочего класса. Среди них выделялись и приобрели известность и любовь читателей такие литераторы, как А. И. Маширов, писавший под псевдонимом Самобытник, Яков

¹ М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. М., Гос. изд. худож. литер., 1953, том 24, стр. 169.

Бердников, А. Поморский, Д. Одинцов, И. Воинов и другие. Многие из их стихотворений стали популярными в народе песнями; их лирические стихи, проникнутые сильными и искренними чувствами, были посвящены темам, живо волновавшим революционных рабочих. Это были темы гражданского долга, преданности идее, верности делу пролетарской борьбы. Поэзия «правдивостов» открывала впервые в литературе мир «будничных» переживаний революционного рабочего, проникнутых его стремлением выполнить свою общественную миссию, честно послужить делу свободы и социализма. Наряду с высокой гражданской лирикой «Правда» охотно культивировала жанр сатирического фельетона, с пролетарских позиций разрабатывавший традиции обличительной поэзии Некрасова и шестидесятников — сотрудников «Искры».

Наиболее значительным талантом среди «правдивостов» и наиболее активным на страницах «Правды» поэтом был Демьян Бедный (Е. А. Придворов), начавший свой писательский путь в годы реакции и впервые проявивший себя как замечательный лирический и сатирический поэт в большевистской «Звезде» (в 1911 году). Демьян Бедный очень быстро вырос в крупного мастера слова и выдающегося политического борца. Его поэтическому развитию активно содействовали В. И. Ленин и И. В. Сталин. Они, как вспоминал впоследствии поэт, руководили его поэтической «пристрелкой». В их статьях и советах Демьян Бедный черпал указания на мишени для своей сатиры, находил боевое идеологическое оружие, помогавшее ему метко разить врагов рабочего класса. В. И. Ленин из-за границы следил за стихами поэта, радовался его удачам, требовал от редакторов «Правды» чуткого, бережного отношения к его дарованию. «Талант — редкость, — писал В. И. Ленин о Демьяне Бедном в редакцию «Правды». — Надо его систематически и осторожно поддерживать»¹. Когда вышла в свет первая книга басен Демьяна, В. И. Ленин обратил на нее внимание Максима Горького². Среди поэтов «Правды» Демьян Бедный был наиболее выраженным и зрелым реалистом. В его поэзии мастерство сатирической типизации сочеталось с политической глубиной и четкостью в разработке темы, острая публицистичность с народным, простым и доходчивым до массового читателя стилем. В своей области — в области поэзии — Демьян Бедный превосходно решал задачи партийной пропаганды и агитации, опираясь на последовательное раскрытие жизненной правды.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 35, стр. 68.

² Там же, стр. 66.

Каждое лирическое или сатирическое стихотворение Демьяна Бедного давало рабочему читателю исчерпывающе ясное освещение темы, несмотря на то, что поэту часто приходилось прибегать в борьбе с цензурой к так называемому «эзопову языку». Реалистическое творчество Демьяна поэтическими средствами отвечало на требование В. И. Ленина, адресованное к редакции «Правды»: «Спокойнее разбирать доводы и повторять *правду* обстоятельнее, проще»¹.

Эпоха старой «Правды» 1912—1914 годов была для пролетарской поэзии временем ее активного и интенсивного роста, эпохой резкого повышения массовости и укрепления художественного мастерства. Из рядов «правдивистов» вышел выдающийся русский писатель Демьян Бедный, поэт-трибун, пламенный агитатор, острый сатирик, борец за дело трудящихся.

Годы империалистической войны были для поэтов пролетариата годами новых тяжелых испытаний. Снова, как в годы реакции, была разгромлена и запрещена рабочая печать. Снова многие писатели пролетариата были брошены в тюрьмы и отправлены в ссылку. Снова рабочие-поэты пытались использовать легальные возможности в профсоюзных изданиях («Вопросы страхования», «Голос печатного труда» и др.) и в провинциальной прессе, но и здесь их притесняла и угнетала военная цензура, опустошавшая целые полосы в газетах и журналах. И снова поэты-революционеры уходили в подполье, сотрудничали в нелегальных изданиях, писали для листовок и рукописных брошюр. В условиях необыкновенных трудностей, в борьбе с царской охранкой и цензурой, пролетарские поэты (Демьян Бедный, А. Поморский, А. Маширов, И. Садофьев, И. Логинов и другие) создали произведения, исполненные антивоенного пафоса, призывающие к превращению империалистической войны в гражданскую, пропагандирующие лозунги борьбы за революцию и интернациональную солидарность трудящихся. Творчество этих поэтов было проникнуто глубоким пониманием ленинских лозунгов, страстной преданностью революционным социалистическим принципам.

В годы мировой войны впервые с огромной социальной силой прозвучал в печати голос великого поэта-революционера Владимира Маяковского. Его сатирические памфлеты этого времени пропитаны яростной ненавистью к буржуазии, негодующим антивоенным протестом, беспощадным, разоблачающим гневом, направленным против виновников войны. Его гениальная поэма «Облако в

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 35, стр. 88.

штанах» овеяна радостным предчувствием неизбежной и скорой революции. Строки этой поэмы содержали и прямые революционные призывы. Маяковский этих лет не был еще вполне идеологически зрым революционером, но творчество его (как и илейная близость к Горькому) говорило о настойчивом стремлении стать боевым поэтом социалистической революции. В военные годы Маяковский решительно вышел на путь, который в революционном 1917 году привел его в ряды борцов за Октябрь, в ряды революционеров-ленинцев.

Февраль 1917 года принес народам России избавление от самодержавного ига, но не дал им полной свободы и подлинной демократии. Власть перешла в руки империалистической буржуазии и ее меньшевистско-эсеровских прислужников. Эта власть не замедлила установить в страхе перед угрозой социалистической революции режим нового антинародного террора, направленного против большевиков, против рабочего класса и революционных элементов в деревне и в армии. Коммунистическая партия возглавила борьбу народных масс за полную победу революции, борьбу рабочих против империалистов, открывающую дорогу к миру и социализму. В рядах партии и вместе с партией боролись за торжество социалистической революции поэты пролетариата.

Вновь возродившаяся большевистская «Правда» объединила на своих страницах старые кадры рабочих-поэтов и молодые поэтические силы, созревшие за годы войны в армии, на заводах, в деревне. «Полного расцвета пролетарское искусство достигнет, конечно, только в социалистическом строе. — писала «Правда» (1917, № 51). — Но уже теперь, когда сброшена часть оков, лежащих на пролетариате, искра свободного искусства должна разгореться в яркое пламя. Этого властно требует момент. Этого требует революция». Лучшие поэты пролетариата ответили на призыв партийной газеты созданием ряда замечательных произведений, насквозь злободневных по материалу и темам, пропитанных боевой социалистической идейностью.

После нескольких лет упорных сражений с царской цензурой и вынужденного отхода от постоянной газетной работы, с новым блеском развернулся в «Правде» сатирический талант Демьяна Бедного, отказавшегося отныне от «эзопова языка» и перешедшего к прямой обличительной и сатирической атаке на врагов революции. А. Богданов, И. Садофьев, Я. Бердников, И. Логинов, Д. Семеновский, А. Поморский и другие активные сотрудники партийной печати выразили в своей лирике народный протест против преступлений Временного правительства, против империалистической

политики войны и террора. Десятки и сотни безвестных (а порой и безымянных) поэтов-фронтовиков и рабочих прислали взволнованные, полные веры в Ленина и большевиков стихи в редакции «Правды», «Солдатской правды», «Социал-демократа», «Окопной правды» и других газет, организованных коммунистами. Многие из этих поэтов-самоучек никогда не возвращались более к стихотворчеству, но в эти решающие дни великой битвы за социализм они взялись за перо, чтобы вслед за своими старшими товарищами-поэтами участвовать пламенной агитацией в деле народной победы. Этот массовый приток поэтов из народа на страницы большевистских газет свидетельствовал о сильном влиянии на массы, которого достигла за три десятилетия своего развития поэзия борющегося пролетариата.

«Русь нуждается в бодрых песнях...», — писал за несколько лет до революции поэту Дмитрию Семеновскому Максим Горький¹. Пролетарская поэзия, родоначальником которой в России явился Горький, зародилась как поэзия труда и борьбы, как поэзия революционного оптимизма. За этот «бодрый тон» Горький хвалил многих ее представителей, поэтов-«правдивых» 1912—1914 годов. Теперь — в борьбе за близкую победу социалистической революции — этот революционный оптимизм возрос с огромной силой в творчестве поэтов пролетариата. Бодрые песни пролетарских поэтов умножали революционную энергию масс. При всем разнообразии талантов, при всем различии поэтического опыта и навыков поэты революции были охвачены общим для них, объединяющим их сознанием — прочной верой в священную правду и скорое торжество идей Коммунистической партии. Их спланивала в единый и сильный отряд эта общность революционного сознания и партийности их творчества. И народный юмор Демьяна Бедного, и гневный пафос Маяковского, и бесхитростные, порой наивные и неуклюжие строки неизвестных авторов — солдат и рабочих — все это было поставлено на службу пропаганде идей социалистической революции — требований мира и социализма, идеологии дружбы народов, демократического патриотизма и революционного интернационализма.

В день последнего и решительного боя за социалистический переворот — в день 25 октября 1917 года — поэзия пролетарской революции была активной участницей победы. Она много лет готовила массы к этому историческому дню, она и теперь помо-

¹ Д. М. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 19.

гала им идти в бой и добиваться успеха. С победой революции она передавала свой боевой опыт и свои славные традиции новой, свободной литературе нового, свободного общества.

Творчество представителей молодой пролетарской поэзии в России чрезвычайно разнообразно по темам и жанрам, по представленным в нем стилистическим тенденциям, художественным традициям и влияниям. Как выражение складывающейся качественно новой поэтической культуры, это творчество еще не достигло общего идейно-художественного уровня: в нем имеются произведения весьма различных писателей, литераторов разных уровней социалистического сознания и масштабов дарования. Однако при всем различии литературных индивидуальностей поэтов революции, связанных с Коммунистической партией и ее печатью дореволюционных лет, у большинства этих поэтов имеются общие, роднящие и объединяющие их, идейно-художественные черты, особенно четко выявленные в произведениях крупнейших представителей новой, социалистической литературы. Эти общие черты являются выражением общности творческих принципов, лежащих в основе поэзии пролетарской революции.

Как уже отмечалось выше, творчество поэтов революционного пролетариата представляет в своих лучших образцах глубоко партийную поэзию, проникнутую социалистической идейностью. Партийность произведений пролетарской поэзии определяет все ее наиболее характерные творческие особенности. Она выражается и в том, что новая, формирующаяся поэтическая культура рабочего класса оказывается тесно связанной с передовыми традициями классической литературы прошлого, и в том, что эта молодая, демократическая культура резко противостоит современной ей упадочнической литературе империалистической буржуазии. Она воплощается и в реалистических принципах и революционно-романтических тенденциях, которые составляют существенные признаки творческого метода пролетарской литературы.

Произведения пролетарской поэзии преемственны по отношению к важнейшим традициям русской художественной культуры прошлого. Знакомство со многими из этих произведений приводит к выводу об их зависимости от русского народного поэтического творчества, о том, что ряд поэтов рабочего класса 90-х и начала 900-х годов продолжает и развивает традиции народной лирической песни и сатирической сказки (см., например, такие стихи, как «Сказка о попе и черте», «Машинушка», «Камаринская» и др.).

Традиция передовой, так называемой «вольной» русской поэзии прошлого представляет также важнейшее творческое наследство, на которое опирались первые поколения поэтов борющегося рабочего класса. В их произведениях часто слышатся отклики гражданской лирики Пушкина и декабристов. Для такого поэта, как А. И. Маширов, характерен подлинный культ Лермонтова. На формирование таланта Демьяна Бедного оказала огромное влияние поэзия Некрасова; поэт многому научился и у сатириков-фельетонистов «Искры» (В. Курочкина и др.). Демьян Бедный творчески обогатил и развил басенно-сатирическую традицию в русской литературе, родоначальником которой явился И. А. Крылов. Используя традиционные басенные аллегории, Демьян Бедный насытил их революционным политическим содержанием, придал басне функцию боевого политического фельетона в стихах. В разработке мотивов труда и борьбы пролетарские поэты использовали достижения своих предшественников — поэтов революционной демократии и раннего, революционного народничества. В их лирике можно обнаружить перекличку с мотивами таких революционных произведений, как «Замучен тяжелой неволей...» Г. Мачета, «Не плачьте над трупами павших бойцов...» Л. Пальмина, «Дубинушка» В. Богданова, «Вольный рабочий» В. Ж. (перевод из Марины Конопницкой), «Восемь часов» П. Я., «Дума ткача» С. Синегуба, стихи В. Фигнер и другие. Отозвались в лирике пролетарских поэтов и некоторые мотивы революционной поэзии Запада. В стихах И. Привалова «По поводу положения о «Думе» и А. Скорбина «Пальто рабочего» отчетливо чувствуется влияние Беранже, «Прядильщики» И. Привалова написаны по мотивам Гейне, в «Майской песне» А. Коца слышатся отзвуки политической лирики Георга Гервега.

Это принципиальное и последовательное стремление лучших представителей поэзии рабочего класса к действительному освоению художественного наследия носило поистине героический характер, если вспомнить о труднейших условиях, в которых приходилось жить и творить большинству рабочих-поэтов. Многие из них пришли к литературному творчеству, не имея никакого культурного багажа, пробиваясь к знаниям через всевозможные препятствия, которые чинило им государство дворян и помещиков, буржуазии и чиновников. Многим поэтам их стремление к свободному слову, к служению поэзией делу революции «оплачивалось» жестокими гонениями: тюрьмой, ссылкой и каторгой. Но поэты рабочего класса не отступали перед трудностями в своем желании создать новые художественные ценности на основе глубокого

овладения традициями прогрессивной культуры. В их борьбе за знания и культуру, служащие делу социализма, за постоянное совершенствование своих поэтических средств также выражался тот неукротимый революционный порыв пролетарских борцов, о котором превосходно сказал в рецензии на «Первый сборник пролетарских писателей» старейший литератор-«правдист» К. С. Еремеев. В этом отзыве, подписанном псевдонимом М. Калинин и помещенном в газете «Рабочий» (одно из переименований «Правды»), К. Еремеев писал: «Много преград на пути современного сознательного рабочего. И редко когда передовому рабочему удается избегнуть тюрьмы или ссылки. Из сотрудников «Первого пролетарского сборника» 15 писателей находятся в тюрьме и ссылке... Ни один класс в современной России не имеет поэтов, пишущих в тюрьмах, на далеком севере, в ссылке... Только пролетариат создает таких борцов и вечно юных и жизнерадостных художников-поэтов. Даже тюремные песни пролетарских поэтов проникнуты не отчаянием, а мощным порывом. Поэты — «рядовые пролетарского строя» — знают, что за ними идут мерными шагами рабочие колонны, что павших в борьбе и уставших сейчас же заменят новые, более свежие и молодые силы...»¹ Такое, партийное отношение пролетарских поэтов к жизни сказывалось и на принципах их подхода к задаче отражения действительности в искусстве.

По своему отношению к действительности, отбору ее характерных особенностей, анализу, раскрытию и оценке жизненных фактов поэзия рабочего класса является принципиально реалистическим искусством. Эта поэзия всегда бралась за освещение главных, узловых, актуальных тем современности и оценивала их с партийных позиций. Типизируя и обобщая существенные явления действительности, она создала в области политической лирики яркие собирательные образы народа и его героев. В лирике пролетарских поэтов выступает прекрасный коллективный образ рабочего класса России — трудолюбивого, стойкого, энергичного в работе и борьбе, независимого, нравственно сильного и героически непреклонного, охваченного неукротимой жаждой знания, действенным отношением к жизни, неуклонным стремлением вперед — к победе социалистических идеалов. Многие поэты пролетариата неслучайно разрабатывали в своей лирике аналогичные темы. Через эти темы раскрывались типически обобщенные характеры народных героев. Так, например, из таких стихотворений, как

¹ «Рабочий», 1914, № 8, 23 июня.

«Клятва» А. Коца, «Песня кузнеца» А. Миккульчика, «Кузнецу» И. Привалова, «Куем» и «Мы — кузнецы...» Ф. Шкулева, «Песня кузницы» Н. Рыбацкого вырисовывается единый образ-тип: рабочего-кузнеца, готового смело восстать против эксплуататоров труда и разбить своим молотом оковы капиталистического рабства. В этом обобщающем образе реалистически воплощалась роль рабочего класса — гегемона революционной борьбы. Целая серия стихотворений: «На левом берегу» Е. Тарасова, «Дорожка» А. Богданова, ряд произведений А. Гмырева, «Если, товарищ...» И. Привалова, «Ни свет зари...» А. Малышкина, «Из каторжных мотивов» А. Хуторова и др. рисует другой характерный образ — арестованного революционера, проносающего через тюремные испытания, ссылку и каторгу свой неистребимый оптимизм политического борца. Это также глубоко типический образ, раскрывающий характер пролетарского революционера-коммуниста, народного героя, олицетворяющего единство партии и рабочего класса.

В ранней социалистической поэзии много места уделено эстетическим декларациям, созданию «стихов о стихе». В этих произведениях выступает перед читателем единый и цельный образ поэта-литератора нового типа, какого еще не знала история. Это поэт, всецело отдающий свой талант на службу революции («Мой стих» Демьяна Бедного). Это борец, устремленный в будущее, каким мы видим его в произведениях Максима Горького и Владимира Маяковского. Это поэт наступающего, революционного класса, «рядовой пролетарского строя» (Вал. Кичуйский — «Поэт»). Это предшественник будущей свободной, социалистической литературы победившего пролетариата («Ты говоришь, что мы устали...» Евг. Тарасова). Это, наконец, создатель произведений, которые оценят грядущие поколения свободных людей, поэт, твердо верящий в бессмертие революционного творчества, посвященного бессмертному и всемогущему народу («Я погибну, но вместе со мной не умрут пролетарские песни мои...» А. Гмырева). Это поэт класса пролетариев и партии пролетариев.

Поэты рабочего класса внесли ценный вклад в развитие русской массовой песни. Созданные Г. М. Кржижановским, Л. П. Радиным, А. Я. Коцем, Ф. С. Шкулевым и другими поэтами песни труда и борьбы пролетариата опирались на длительную революционную песенную традицию, использовали достижения поэтов-песенников революционной демократии в России (Г. Мачтета, В. Богданова, А. Ольхина, С. Синегуба и др.). В произведениях авторов пролетарских песен гневный протест против эксплуататорского строя насытился прочной верой в социалистическое преобра-

зование действительности. Значение этих песен оказалось огромным: они встали на службу делу песенной агитации за социализм. Создание русской массовой социалистической песни было связано у ряда поэтов с освоением мотивов и образов, выработанных в поэзии революционной борьбы во Франции (Эжен Потье), в Германии (Генрих Гейне), в Польше (революционные песни польской демократии). Однако, работая над переводами-переложениями с польского или французского, русские поэты (Г. Кржижановский, А. Богданов, А. Коц) творили глубоко оригинальные, художественно самостоятельные произведения, ставшие песнями и гимнами рабочего класса народов России и в ходе борьбы и побед русского пролетариата получившие великое международное значение. Польские революционные песни, переведенные на русский язык и творчески интерпретированные Г. Кржижановским, «Интернационал» Потье, переведенный и обработанный А. Коцем, приобрели широчайшую международную известность, стали песнями и гимнами интернационального социалистического движения только после того, как они прозвучали в революционных битвах в России.

Пролетарская поэзия очень часто обращалась в своей борьбе с капиталистическим обществом к сатирическим жанрам. Уже в ранних произведениях политической сатиры, появлявшейся на страницах партийной печати, поэты достигали большого искусства сатирической типизации. Так, например, А. Луначарский в стихотворении «Два либерала» превосходно разоблачил политическую тактику презренного буржуазного либерализма, сорвав с либерала маску «демократа» и показав его холуйское пресмыкательство перед самодержавием. В образе кадета Петрункевича поэт изобразил тип либерала, готового за милостивые подачки «сверху» стать палачом революционного народа. Раскрытие социального характера, скрывающегося за лицемерными внешними тактическими приемами, было верным, содействующим политической борьбе с врагами народа принципом сатирической типизации, примененным А. Луначарским. Весьма вероятно, что этот принцип был подсказан А. Луначарскому В. И. Лениным, который незадолго до написания стихотворения «Два либерала» рекомендовал ему именно в таком духе создать памфлет, разоблачающий и клеймящий меньшевиков. «Пригвоздите их за их *мизерный способ войны*, — писал Луначарскому Владимир Ильич в августе 1905 года. — Сделайте из них *тип*»¹. Этот же принцип раскрытия классовой природы,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 34, стр. 288.

лицемерно маскируемой внешним «благолепием», широко применял в своих баснях-памфлетах Демьян Бедный, создавая яркие сатирические образы врагов народа — кадетов, меньшевиков, реакционных думских деятелей и продажных писак из буржуазной прессы. Приемами заострения и преувеличения образов в целях сатирической типизации блестяще пользовался в своих памфлетных «гимнах» Владимир Маяковский («Гимн ученому» и др.), разоблачая различные проявления человеконенавистнической сущности буржуазии.

Реалистическая лирика большинства пролетарских поэтов, проникнутая духом активной борьбы за революционное преобразование общества, была вполне естественно и закономерно отмечена характерными чертами революционной романтики. Эти романтические тенденции находили свое выражение и в поэтическом стиле многих произведений, в их аллегорических образах, героико-патетических рефренах, призывных концовках. В этом отношении на массовую политическую поэзию революции сильнейшим образом повлиял своими ранними рассказами, легендами и стихотворениями Максим Горький. Одним из ярчайших примеров этого влияния может служить романтическое стихотворение П. Эдиета — «Безумству храбрых поем мы славу...», целиком основанное на использовании горьковских аллегорических образов. Высокая, почти ораторская патетика ряда стихотворений, страстные романтические призывы, выступающие в стихотворных концовках и песенных припевах, придавали творчеству пролетарских поэтов значительный агитационный эффект, завоевывали ему массовое распространение.

Поэзия пролетарского этапа революционной борьбы в России продолжала и развивала традиции народности, органически свойственные передовой русской литературе прошлого. Эта поэзия активно содействовала проникновению в широчайшие массы народа самых передовых, социалистических, революционных идей. Агитационные задачи, которые решались поэтами пролетарской революции, требовали от них борьбы за простоту и ясность художественной формы, за ее близость к языку и стилю фольклора, — поэзии, творимой самими массами. Пролетарские поэты разнообразно, но в основном верно осуществляли эти требования художественной агитации. Они прибегали и к прямым, убеждающим, публицистически четким обращениям и к использованию обиходного, разговорного языка; они опирались на стилистику народного поэтического творчества (например, у С. Басова-Верхожанцева в поэме «Конек-Скакунок»).

При всем разнообразии стилистических манер, представленных в творчестве поэтов пролетарской революции, для большинства этих поэтов характерна общность реалистических принципов в отношении к языку поэзии. Эти принципы выражались в отчетливом стремлении продолжать традиции классиков русского реализма в поэзии, воспринять их ориентацию на максимально ясное и четкое выражение мысли в слове, на освоение поэзией богатств живой народной речи. Вместе с тем лучшие произведения поэтов пролетарского этапа развития русской революции существенно обогатили язык русской поэзии, внося в нее новые слова и новые стилистические тенденции, рожденные в практике труда и борьбы революционного рабочего класса. Поэты пролетариата существенно расширили поэтическую лексику и фразеологию, противопоставили условному языку декадентской поэзии язык, выражающий реалистическое мышление народа, его трудовую деятельность и политическую борьбу.

Партийность, реализм, народность творчества поэтов рабочего класса решительно противопоставляли его субъективистской, эстетской литературе буржуазного декаданса. Пролетарские поэты сами подчеркивали свою непримиримость по отношению к политической и «нравственной» сущности реакционного искусства империалистической буржуазии. Максим Горький еще в 90-х годах выступал в печати, доказывая, что символисты и разного рода модернисты убивают искусство, лишают его души — идеи и эмоции, опошляют и оскверняют литературу в угоду извращенным вкусам своего буржуазного заказчика. Демьян Бедный в острых критических заметках резко разоблачал антинародную сущность эстетики символизма. Александр Богданов в стихотворении «Два стана» прямо указывал на классовую враждебность писателей пролетариата «жрецам» буржуазного искусства, глашатаям контрреволюции и духовного вырождения. Однако некоторые молодые революционные поэты обнаруживали в своей практике известное пристрастие к «формальным новшествам» поэзии символистов, наивно полагая, что заимствования из области «поэтической техники» не влекут за собой идейного воздействия декаданса. Эту иллюзию решительно и принципиально критиковал Максим Горький. С ее пагубными последствиями, приводившими к «разрыву» содержания и формы в стихах стдельных молодых поэтов, к засорению их произведений чуждыми народу условно-поэтическими образами и словечками, Горький деятельно боролся, редактируя «Первый сборник пролетарских писателей» и посылая в многочисленных письмах советы начинающим литераторам. Так, например, Дмитрию Семеновскому, грешившему

некоторое время преклонением перед «формой» символистской лирики. Горький писал: «Нужно стремиться быть именно хорошим, серьезным поэтом, а для этого необходимо выкинуть из головы всю современную бутафорию и театральщину, все эти «дали», «Эдемы», «фиалы», дохлых «Прекрасных дам» и прочую дребедень»¹. Против такого рода внешних заимствований из чужеродной литературы предупреждала поэтов революции и сама их жизненная практика: народная масса, к которой они обращались своими произведениями, отвергала такие стилистические выверты, партийная печать последовательно отстаивала чистоту русского литературного языка, созданного народом и классиками нашей литературы. Партийная печать воспитывала своих литераторов, стремясь к тому, чтобы в их творчестве передовые народные идеи находили соответственное воплощение в художественных формах, близких и доступных народу. В большинстве случаев это стремление увенчивалось успехом. Свидетельством тому может служить тот факт, что многие произведения пролетарских писателей были восприняты массами как собственно народное поэтическое творчество. Народ с любовью принял эти произведения, они стали бытовать среди рабочих, крестьян и солдат на правах народных песен. В этом ярко проявился народный характер ряда лучших произведений поэтов пролетарской революции.

Почти тридцатилетний путь развития поэзии пролетарского этапа русского революционного движения вызвал к жизни огромное количество стихотворных произведений, из которых в настоящем сборнике представлена лишь небольшая часть.

Идеи социализма, выступившие в 90-х годах прошлого века также и в поэтической форме, стали быстро овладевать массами рабочих, и в недрах этих масс появились новые поэты, ставшие бсевыми пропагандистами социалистических идей и идеалов. Поэзия русского пролетариата еще в дореволюционные годы оказала исключительно большое воздействие на развитие революционной литературы в творчестве народов, населявших царскую Россию. Активное влияние русской пролетарской поэзии на поэзию других народов обуславливалось ее социалистическим содержанием, ее революционным интернационализмом, ее партийностью и народностью. На Кавказе, где большевистской печатью руководил И. В. Сталин, некоторые произведения русских пролетарских поэтов

¹ Д. М. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 14.

были сразу же переведены на грузинский и другие языки. Революционные поэты сталинской газеты «Брдзола» использовали в поэтической агитации опыт своих русских собратьев по борьбе.

Лучшие стихотворения поэтов пролетарской революции в России получили широкую известность и за пределами нашей родины. Стихотворения Горького, песни и гимны русских революционных поэтов обошли весь мир, стали достоянием всех борющихся за демократию и социализм народов, оказали большое воспитывающее воздействие на миллионы простых людей. Песни русской революции вдохновляли бойцов Китайской Красной Армии, воинов интернациональной бригады, сражавшейся против фашистских захватчиков за свободу испанского народа; эти песни воодушевляют ныне строителей социализма в Чехословакии и Польше, в Болгарии и Венгрии, в Румынии и Албании. Наш народ с любовью поет старые революционные песни, хранит их в памяти как живую и неувядающую традицию революции. Созданный более пятидесяти лет тому назад русский текст «Интернационала» является гимном Коммунистической партии Советского Союза.

Поэзия русского пролетариата, служившая делу социалистической революции, продолжает в ее наиболее ярких и талантливых образцах жить живой жизнью и в наши дни. В этом отношении поэзия социалистической революции в России существенно отличается от ряда произведений песенной поэзии прошлых революций, которые представляют для современности интерес главным образом исторический.

Еще Фридрих Энгельс отметил в письме к Герману Шлютеру от 15 мая 1885 года, что «поэзия прошлых революций, за исключением «Марсельезы», редко производит революционное впечатление в позднейшие времена, так как, для того чтобы воздействовать на массы, она должна отражать и предрассудки масс того времени»¹. Некоторые произведения поэзии социалистической революции в России не лишены исторически преходящих мотивов, но основное направление и лучшие ее достижения уже не отражают социальных предрассудков и иллюзий. Развитие этой поэзии основывалось на научном мировоззрении, на ясном понимании законов истории, на верном предвосхищении будущего.

Долголетие произведений пролетарской поэзии, их неувядающее значение для нашей современности находит себе превосходное объяснение в ценном замечании Карла Маркса, написавшего в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», что революция проле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XXVII, стр. 468.

тариата «не может черпать свою поэзию из прошлого: она должна ее черпать из будущего»¹. Стихи и песни пролетарской революции создавались во имя будущего. Их авторы — боевые поэты рабочего класса — воодушевлялись благородной мечтой о прекрасном будущем освобожденных народов, твердо верили в торжество социалистических идей. Вот почему их творчество так дорого и близко советским людям. Вот почему оно представляет для нас живую традицию.

Александр Дымшиц

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том VIII, стр. 325

СТИХОТВОРЕНИЯ

Максим Горький

ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

Сказка

I

По деревне ехал царь с войны.
Едет — черной злобой сердце точит.
Слышит — за кустами бузины
Девушка хохочет.

Грозно брови рыжие нахмуря,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на девушку как буря
И кричит, доспехами звеня:

— Ты чего, — кричит он зло и грубо, —
Ты чего, девчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и обиде, —
Каково мне глупый смех твой видеть? —

Кофточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:

— Отойди, — я с милым говорю!
Батюшка, ты лучше отойди.

Любишь, так уж тут не до царей, —
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,
Приказал своей покорной свите:
— Нуте-ко, в тюрьму девчонку бросьте,
Или, лучше, — сразу удавите! —
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царицы и вельможи —
Предали девицу в руки Смерти.

II

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе, —
Вель весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.
Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом —
Хочется пожить побесполезней.
Все пред неизбежной с нею встречей
Ощущают только страх нелепый —
Надоел ей ужас человеческий,
Надоели похороны, склепы;
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной и недужной,
Делает она его умело —
Люди же считают Смерть ненужной.
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.
Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем,
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаной!

III

Девушка стоит пред Смертью, смело
Грозного удара ожидая.

Смерть бормочет, — жертву пожалела:
— Ишь ты ведь какая молодая!
Что ты нагрубила там царю?
Я тебя за это уморю!

— Не сердись, — ответила девица, —
За что на меня тебе сердиться?
Целовал меня впервые милый
Под кустом зеленой бузины, —
До царя ли мне в ту пору было?
Ну, а царь, на грех, бежит с войны.
Я и говорю ему, царю, —
Отойди, мол, батюшка отсюда!
Хорошо как будто говорю,
А, гляди-ко, вышло-то как худо!
Что ж?! От Смерти некуда деваться,
Видно, я умру, не долюбя.
Смертушка! Душой прошу тебя —
Дай ты мне еще поцеловаться! —

Странны были Смерти речи эти, —
Смерть об этом никогда не просят!
Думает: «Чем буду жить на свете,
Если люди целоваться бросят?»

И, на вешнем солнце кости грея,
Смерть сказала, подманив змею:
— Ну, ступай, целуйся, да — скорее!
Ночь — твоя, а на заре — убью! —
И на камень села — ожидает,
А змея ей жалом косу лижет.
Девушка от счастья рыдает,
Смерть ворчит: — Иди скорей, иди же!

IV

Вешним солнцем ласково согрета,
Смерть разула стоптанные лапти,
Прилегла на камень и — уснула.
Нехороший сон приснился Смерти!
Будто бы ее родитель. Каин,
С правнуком своим, Искарриотом,

Дряхленькие оба, лезут в гору,
 Точно две змеи ползут тихонько.
 — Господи! — угрюмо стонет Каин,
 Глядя в небо тусклыми глазами.
 — Господи! — взывает злой Иуда,
 От земли очей не поднимая.
 Над горою, в облаке румяном
 Возлежит господь, — читает книгу;
 Звездами написана та книга,
 Млечный Путь — один ее листочек!
 На верху горы стоит архангел,
 Снопик молний в белой ручке держит.
 Говорит он путникам сурово:
 — Прочь идите! Вас господь не примет!
 — Михаиле! — жалуется Каин. —
 Знаю я, велик мой грех пред миром!
 Я родил убийцу светлой Жизни,
 Я отец проклятой, поллой Смерти!
 — Михаиле! — говорит Иуда. —
 Знаю, что я Каина грешнее,
 Потому что предал подлой Смерти
 Светлое, как солнце, божье сердце! —
 И взывают оба они в голос:
 — Михаиле! Пусть господь хоть слово
 Скажет нам, хоть только пожалеет —
 Ведь прошенья мы уже не молим! —
 Тихо отвечает им архангел:
 — Трижды говорил ему я это,
 Дважды ничего он не сказал мне,
 В третий раз, качнув главою, молвил:
 «Знай — доколе Смерть живое губит,
 Каину с Иудой нет прошенья.
 Пусть их тот простит, чья сила может
 Поборошь навеки силу Смерти». —
 Тут Братоубийца и Предатель
 Горестно завывли, зарыдали
 И, обнявшись, оба покатались
 В смрадное болото под горою.
 А в болоте бесятся, ликуя,
 Упыри, кикиморы и черти.
 И плюют на Каина с Иудой
 Синими болотными огнями.

V

Смерть проснулась около полудня,
 Смотрит, — а девица не пришла!
 Смерть бормочет сонно: — Ишь ты, блудня!
 Видно, ночь-то коротка была! —
 Сорвала подсолнух за плетнем,
 Нюхает; любитесь, как солнце
 Золотит живым своим огнем
 Лист осины в желтые червонцы.
 И, на солнце глядя, вдруг запела
 Тихо и гнусаво, как умела:
 — Беспощадною рукой
 Люди ближнего убьют
 И хоронят. И поют:
 «Со святыми упокой!»
 Не пойму я ничего!
 Деспот бьет людей и гонит,
 А издохнет — и его
 С той же песенкой хоронят!
 Честный помер или вор —
 С одинаковой тоской
 Распеваает грустный хор:
 «Со святыми упокой!»
 Дурака, скота иль хама
 Я убью моей рукой,
 Но для всех поют упрямо:
 «Со святыми упокой!»

VI

Спела песню — начинает злиться,
 Уж прошло гораздо больше суток,
 А не возвращается девица.
 Это плохо. Смерти — не до шуток.
 Становясь все злее и жесточе,
 Смерть обула лапти и онучи
 И, едва дождавшись лунной ночи,
 В путь идет, грозней осенней тучи.
 Час прошла и видит: в перелеске,
 Под росистой молодой орешней,

На траве атласной, в лунном блеске,
Девушка сидит богиней вешней.
Как земля гола весною ранней,
Грудь ее обнажена бесстыдно,
И на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,
И — как звезды — кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный Путь,
На тропу синеволосой ночи.

Под глазами голубые тени,
Точно рана — губы влажно-алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.
Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.
— Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом? —
Точно небом — лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей девица смело:

— погоди-ко, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу,
А его — подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала — до Смерти недалеко.
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он — хорош! Ты погляди,
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди,
Вишь цветут, как огненные маки! —

Смерть, стыдись, тихонько засмеялась:
— Да, ты будто с солнцем целовалась,
Но — ведь у меня ты не одна —
Тысячи я убивать должна!
Я ведь честно времени служу,
Дела много, а уж я стара,
Каждую минутой дорожу,
Собирайся, девушка, пора! —

Девушка свое:
— Обнимет милый —
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред Судьбой,
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя — собою радость рада,
И любовь любит себя собой! —
Смерть молчит задумчиво и строго,
Видит — не прервать ей этой песни!
Краше солнца — нету в мире бога,
Нет огня — огня любви чудесней!

VII

Смерть молчит, а девушкины речи
Зависти огнем ей кости плавят,
В жар и холод властно ее мечут,
Что же сердце Смерти миру явит?
Смерть — не мать, но — женщина, и в ней
Сердце тоже разума сильней;
В темном сердце Смерти есть ростки
Жалости, и гнева, и тоски.

Тем, кого она полюбит крепче,
Кто ужален в душу злой тоскою,
Как она любовно ночью шепчет
О великой радости покоя!
— Что ж, — сказала Смерть, — пусть
будет чудо!

Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Ташится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде — на свадьбе и на тризне —
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

ЛЕГЕНДА О МАРКО

В лесу над рекой жила фея.
В реке она часто купалась;
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.
Ее рыбаки испугались,
Но был с ними юноша Марко:
Схватил он красавицу фею
И стал целовать ее жарко.
А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела
И тихо над чем-то смеялась:
Весь день она Марка ласкала;
А как только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марка душа загрустила...
И дни ходит Марко и ночи
В лесу, над рекою Дунаем,
Все ищет, все стонет: «Где фея?»
А волны смеются: «Не знаем!»
Но он закричал им: «Вы лжете!
Вы сами целуетесь с нею!»
И бросился юноша глупый
В Дунай, чтоб найти свою фею...
Купается фея в Дунае,
Как раньше, до Марка, купалась;
А Марка — уж нету...
Но все же
От Марка хоть песня осталась.

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вздыхающее у берега, уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звезд. Кажется, что небо все ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чем шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить неумолчный плеск воды и вздохи пены, — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!.. — тихо вздыхает Надыр-Рагим-Оглы, старый крымский чабан, высокий, седой, сожженный южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращен к морю, волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным

к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращенной к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы, и оба находимся в том настроении, когда все кажется призрачным, одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный богу человек идет в рай. А который не служит богу и пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Темное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нем появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льет свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе все уж рассказал... Больше не знаю... — Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

«Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

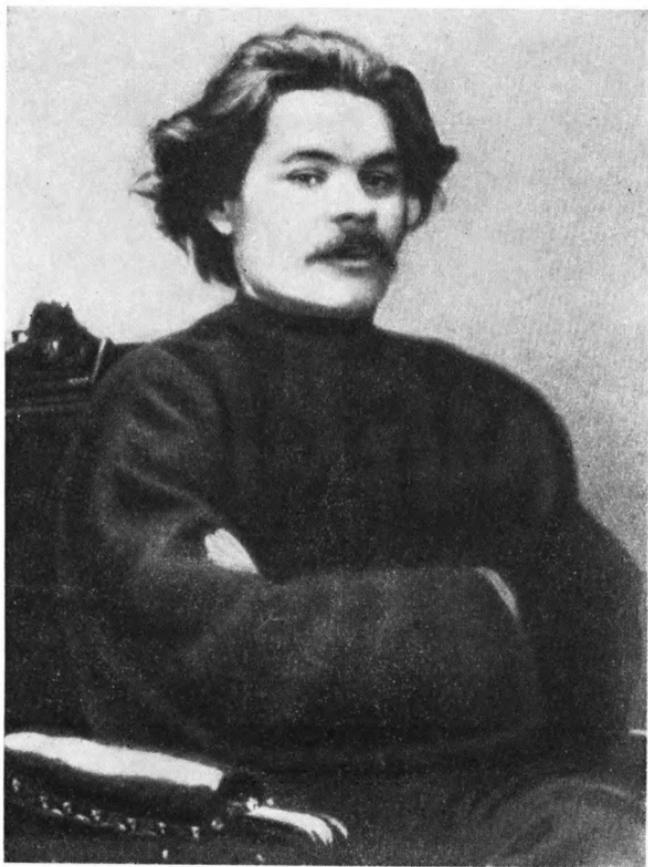
Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди, и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: — А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и поживешь еще немного в твоей стихии.

Максим Горький

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул глазами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья. . .

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным ревом о камень бились. . . И труп птицы не видно было в морском пространстве. . .

II

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденной ползать — летать не может! . . Забыв об этом, он пал на камни, но не убилися, а рассеялся. . .

— Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденьи! . . Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы! . . Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо. . . Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни: «Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей как искры вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

.. Молчит опаловая даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде все больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползет к голове Рагима.

— Куда идешь?.. Пшла! — машет на нее Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Раги-ма, одухотворяющего волны. Все кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, еще не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темносинему небу золотым узором звезд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Все дремлет, но дремлет напряженно чутко, и кажется, что вот в следующую секунду все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут с собой душу высоко в темносинюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звезд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

Е. Нечаев

БЕЗРАБОТНЫЙ

Быть тунеядцем не хочу, —
Я не изнежен барской спячкой,
И чтоб идти просить подачки
 С лукавой лестью к богачу,
 Помимо честного труда, —
 Нет, не решусь я никогда!
Дитя фабричной голытьбы,
По вечерам закрывши глазки,
Не слушал я забавной сказки,
 Как внемлет баловень судьбы,
 Который ласкою согрет,
 Всегда накормлен и одет.
Я с детства подъяремным стал.
Меня ребенком лгать учили;
Как за порок, за правду били.
 И долго я не понимал,
 Где надо ползать, где хитрить,
 Что ненавидеть, что любить.
Беспечный смех был чужд меня.
От боли плакать я стыдился,
Молитв не знал и не молился.
 Удел страдальческий кляня,
 На все с презрением глядел
 И рано к жизни охладел.
О ведьма лысая — судьба!
Страданий тяжких без предела
Ты не одно терзаешь тело
 Тебе подвластного раба:

Ты пьешь за каплей каплю кровь,
Сжигаешь веру и любовь!
Под игом вековых скорбей,
Обвьян вихрями невзгоды,
Я жаждал лишь одной свободы
Для всех униженных людей.
Чтоб сквозь завесы черных туч
И нам блеснул отрады луч.
Насилья грубый произвол,
Пред властью дикой униженье,
Труд непосильный и лишение —
Ужели мало этих зол,
Чтоб не понять, не оценить, —
Так невозможно дальше жить.
И в первый раз надумал я
Пред богачом открыто, смело
Сказать, что в сердце наболело;
Жизнь надломилась моя, —
Он был озлоблен, поражен
И заорал: «Ни слова, вон!»
Мой многолетний труд пропал,
Забылись рабские заслуги. . .
Что ж тем рабочего недуги,
Кто не работал, не страдал,
В ком сердце твердо, как гранит,
Ничьим трудом не дорожит.
Но я с повинной не пойду,
Холопски кланяться не стану
Ни грубой силе, ни карману.
Перенесу свою беду,
Пока есть мощь в моей груди:
Работы много впереди!
Не все же будет гений зла
Служить заплечникам в угоду,
Придет желанная свобода,
Всю нечисть выметет дотла!
И за мытарства долгих лет
Они во всем дадут ответ!

ДУШНО

Душно в гуте... Нудный гомон
Уши режет до ломот;
Я истерзан и взволнован,
Задушил проклятый пот...

Трубка руки жжет до боли,
А стекло жидко, как ртуть.
Затянуть ли песню, что ли?..
Не дает больная грудь...

За окном простор без края,
Ветер режет холодком,
Лишь меня, не оставляя,
Мучит дума об одном...

Торопись, не ждет работа,
Ну, наддай, еще наддай!
О семье твоя забота,
Восемь ртов — на всех давай...

Молод я, моя ль причина,
Что отец покинул нас
И, взваливши все на сына,
Целый год не кажет глаз...

Говорят, сложил он где-то,
В незнакомом мне краю,
За призыв рабочих к свету
Буйну голову свою.

Те же мысли, те же зовы
И меня влекут вперед,
Так приветливы и новы,
И разгульней вешних вод. . .

Ум и сердце рвут на части,
Колокольцами звенят,
Обещают волю, счастье,
Сулят тысячи наград.

Силы нет семью оставить,
Не дает любовь уйти,
Что ж, собирать ребят заставить?
Духа мощь, не допусти! . .

Пусть колодником загину,
С думой солнышка ясней,
А сироток не покину,
Обездоленных детей. . .

Меркнут мысли. . . тише зовы,
Все мрачней ночная жуть,
За дверьми туман суровый
Застилает к свету путь.

ЯЗЫЧНИЦА

Я верила ему от колыбели:
«Он добр, он добр, — мне говорила мать,
Когда меня укладывала спать,
Голодную, склонившись у постели. —

Он справедлив, голубка, и над нами
Взойдет заря и осчастливит нас. . .
Ты запоешь, как птичка в ранний час
Поет, резвясь, согретая лучами.

Ты расцветешь, как ландыш белоснежный,
Как василек на ниве золотой. . .
Болезная, с горячею слезой
Молись ему душою безмятежной».

Я верила. . . В нужде изнемогая,
Чуждаясь слов, зачем и почему,
Несчастливая, я верила ему,
Всю горечь зла в молитве забывая?

Прошла пора. Мечтам моим бесплодным —
Увы! — теперь не верю, как и снам.
Я поняла: он не поможет нам,
Рабам нужды, забытым и голодным.

Он изваян жрецом честолюбивым,
Одетый в шелк. И, золотом залит,
Он бедняку страданием грозит,
А рай земной он отдает счастливым.

Повсюду зло. . . Кровь неповинных льется,
И с каждым днем мучительней, слышней,
Несется стон измученных людей,
Мольба ж к нему бесплодной остается. . .

Довольно лгать! Я не могу склониться
В мольбе пред тем, кто близок богачу,
А бедным чужд. . . Довольно! Не хочу
И не могу я более молиться!

А. Богданов

НА ЗАВОДЕ

В глазах помутилось от долгой работы...
Вот черные, красные круги пошли...
Мелькают, как петли, колес обороты,
Чудовища злые метнулись в пыли...
 Вертись, колесо, не жалея
 Усталых, голодных людей!..
 Вертись, вертись, вертись!..
 Товарищ, смотри берегись!
Усталый товарищ задет шестерней,
Несчастному руки ломает,
Ударило в крепкий чугун головой,
Со скрежетом тело швыряет...
 О небо, жестокое небо!..
 Кусок окровавленный хлеба
 Так дорого стоит в борьбе...
 Проклятье, проклятье тебе!..
Ни стонов ответных, ни крика, ни слез...
И смерти тиски не разжались...
Прилипшие к рубищу клочья волос
С колесами кверху поднялись...
 Смотреть мне на пытку невмочь...
 Видения страшные, прочь!..
 Тени погибших одна за другой
 В сетке приводов несутся, как рой...
Грохочет машина, кружатся ремни,
Как змеи свиваясь, летят...
По мертвом поют отпеванье они,
Пронзительно-злобно свистят:

«Костей перемолотых прах
Покоится в крепких зубах...
Под черной стальной плитой
Вечный, вечный покой!..»
Все смолкло... Греть перестал маховик...
Недвижно висит шестерня...
Сошлись товарищи в горестный миг,
Молчание скорбно храня...
О небо, жестокое небо!..
Кусок окровавленный хлеба
Так дорого стоит в борьбе...
Проклятье, проклятье тебе!..

БОСЯК

*М. Горькому —
автору рассказа «Челкаш».*

Мой дом просторен и велик.
Вокруг леса, овраги, горы.
У ног по мхам бежит родник,
Подснежники ласкают взоры.
Над головой не потолок
Лучами жалких люстр играет.
Нет, — лучшие огни зажег
Мне мир... и звездами сияет...

Богатству убранных дворцов
Ужель завидовать я стану?
Ужель беднее ширь лесов,
Где я приют всегда достану.
Где я — «свободный» гражданин,
Главы пред сильным не склоняю
И на тропах лесных долин
Следы преступные скрываю.

Что мне в сокровищах других?
Мои сокровища — иные.
Бесстрашье, силы молодые
Дороже слитков золотых.
Мне стулом служит каждый пенёк.
Опорки рваные, в заплатках.
А из вещей, в дорогу взятых, —
Огниво, трубка и кремьч.

Эй, прочь унынье и недуг! . .
В крови здоровье хмелем бродит.
Веселость — неизменный друг —
И в ад и в рай меня проводит.
Глубокой ночью у костра
Меня не потревожит сыщик,
И буду спать я до утра,
Пока зорянка не засвищет. . .

Но вот зима. . . Я снова там,
Где город хмурый и враждебный. . .
Как зверь, крадуся по углам,
Довольствуясь лишь коркой хлебной.
Вы, трутни жизни, богачи!
Несу вам ужас и смятенье.
Внезапно к вам явлюсь в ночи
Как вестник гибели и мщенья. . .

Вы в страхе гоните меня
С заводов, с улиц, как заразу.
О, после бунтовского дня
Стал ненавистен вам я сразу. . .
И я брожу, как волк. . . «Босьяк! . . .»
Пути иного нет, — поверьте.
Зато для вас я злейший враг,
Непримиримый враг до смерти.

Л. Раднн

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ...

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.
Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой!
Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!
Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей,
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?
Все, чем держатся их троны, —
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.
Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

СНОВА Я СЛЫШУ РОДНУЮ „ЛУЧИНУ“...

Снова я слышу родную «Лучину».
Сколько в ней горя, страданий и слез, —
Видно, свою вековую кручину
Пахарь в нее перенес.

Сидя за прялкой, в осеннюю вьюгу,
Пела, быть может, крестьянка в тиши
И поверяла той песне, как другу,
Жгучую скорбь наболевшей души.

Полно! Довольно про горе ты пела...

Прочь этот грустный, унылый напев,

Надо, чтоб песня отвагой гремела,

В сердце будила спасительный гнев!

Зреет в народе могучая сила,

Край наш стоит на широком пути,

То, что страдалица-мать выносила,

Сын-богатырь не захочет снести.

Мысли живой не задушит в нем голод,

Сил молодых не надломит борьба.

Смело возьмет он тяжелый свой молот

И разобьет им оковы раба.

СМЕЛЕЙ, ДРУЗЬЯ, ИДЕМ ВПЕРЕД...

Смелей, друзья, идем вперед,
Будя в сердцах живое пламя,
И наше дело не умрет,
Не сломят бури наше знамя!

Победы уж недолго ждать,
Проснулась мысль среди рабочих,
И зреет молодая рать
В немой тиши зловещей ночи.

Она созреет... И тогда,
Стряхнув, как сон, свои оковы,
Под красным знаменем труда
Проснется Русь для жизни новой!

Г. Кржижановский

ВАРШАВИКА

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут.

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Г. М. Кржижановский

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

Мечь беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час.
На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

(Польская рабочая песня «Czerwony sztandar»)

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть наконец,
Нам будет счастьем труд свободный
И братство даст ему венец.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте?
Чья власть на свете так сильна?

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

БЕСНУЙТЕСЬ, ТИРАНЫ...

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозитесь свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть телом поправны,
Позор, позор, позор вам, тираны!

Пусть слабые духом трепещут пред вами,

Торгуют бесстыдно святыми правами;

Телесной неволи не страшны нам раны,

Позор, позор, позор вам, тираны!

За тяжким трудом, в доле вечного рабства,

Народ угнетенный вам копит богатства,

Но рабство и муки не сломят титана!

На страх, на страх, на страх вам, тираны!

В рудниках под землей, за станком и на поле,

Везде раздаются уж песни о воле,

И звуки той песни доходят до тронов,

На страх, на страх, на страх всем тиранам!

Сверкайте штыками, грозите войсками,

Спасти вас не могут казармы с тюрьмами,

Ваш собственный страх не сковать вам цепями,

И стыд, и страх, и месть вам, тираны!

От пролитой крови заря заалела,

Могучая всюду борьба закипела,

Пожаром восстанья объяты все страны,

И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!

Неизвестные авторы

ВПЕРЕД!

Друзья! Мы забыты, нас давит неволя;
Мы терпим нужду, и обиды, и гнет;
Так будем бороться за лучшую долю!
Так будем же смело стремиться в п е р е д!

Пóтом и кровью, тяжелой работой
Мы роскошь, богатство и блеск создаем;
За что же мы сами в нужде и заботах,
В лишениях и горе весь век свой живем?

Восстанем, товарищи, дружно и смело,
Чтоб свергнуть нужду, и обиды, и гнет!
За наше святое рабочее дело,
За счастье, свободу, за правду — в п е р е д!

•

* * *

Прогнили основы, и рушиться зданье
Сегодня иль завтра должно;
Бессильны его поддержать все старанья:
Свой век отслужило оно!

Преданье осталось: строители зданья
В работе своей вековой
Цементом скрепляли его основанье,
Пропитанным кровью людской.

Но время тяжелой своею рукою
Весь дом расшатало почти;
Проходят рабочие дружной толпою,
Чтобы ветхое зданье снести.

То смехом, то стоном в ушах отдается
Удар по стене вековой...
Обломок летит — и кровь алая льется:
Работник упал молодой!

И дрогнуло все; на мгновенье работа
Как будто совсем замерла...
Но время не ждет, не терпит забота,
Живому — живые дела.

Падет еще не один под ударом
Обломков стены вековой...
Да, видно, тот дом был построен недаром
На крови горячей людской!..

ТЫ ВЕДЬ НЕ РАЗ УЖ ВСТРЕЧАЛСЯ С ЗАКОНОМ...

Ты ведь не раз уж встречался с законом, с милостью
царской знаком!
Знаешь, что в досталь для нас он имеет и казаков
и солдат;
Что они в женщин, в детей безоружных нагло из ружей
палят.
Что за подобную доблесть публично царь благодарность
им шлет.
Верно, монарх наш уж понял отлично, что ему страшен
рабочий народ,
Что эта сила растет с каждым годом, что от нее не уйти
Всем, кто глумится над бедным народом, всем, кто
развитью стоит на пути.
Встань же, усталый, пойми, обездоленный, что все
спасенье в тебе,
В ясном сознании условий, в союзе, в дружной
и стойкой борьбе.
Эта борьба уж дает результаты, уж на уступки тиран
наш идет!
К светлой победе, к свободе и счастьем дружно и смело
вперед!

«МАРСЕЛЬЕЗА»

1

Есть песнь одна, ее с любовью
Везде рабочие поют,
Ее крестили люти кровью
И «Марсельезою» зовут. (bis)
Она во Франции родилась,
Весь мир оттуда обошла,
И вот приют себе нашла:
В сердцах рабочих поселилась.
 «К оружию, народ!
 Сомкни свои ряды!
 Вперед, вперед!
 Пусть кровь врагов
 Замочит их следы!»

2

Ярмо тяжелое рабочий
Истомы и трудов несет,
И лишь когда нет больше мочи,
Он «Марсельезу» запоет. (bis)
И хоть на время песня эта
Его страданья облегчит,
Больные силы подкрепит,
Не бросит сердца без привета.

«К оружию, народ!
Сомкни свои ряды!
Вперед, вперед!
Пусть кровь врагов
Замочит их следы!»

∴

Когда же, бросивши заводы,
На стачку дружно он идет,
Пусть раздастся песнь свободы ---
Он «Марсельезу» запоет. (bis)
И песни звуки боевые
Тесней ряды его сомкнут,
Могучей силы придадут
Не гнуть перед врагами выи.
«К оружию, народ!
Сомкни свои ряды!
Вперед, вперед!
Пусть кровь врагов
Замочит их следы!»

∴

И в час, грядущий без сомненья,
Когда избавится народ
От гнета и порабощенья, —
Он «Марсельезу» запоет. (bis)
И под мелодью чудных звуков,
Освободившись от оков,
Низвергнув в прах своих врагов,
Мир возвестит для наших внуков:
«К оружию, народ!
Сомкни свои ряды!
Вперед, вперед!
Пусть кровь врагов
Замочит их следы!»

∴

И лучшее наступит время —
Любви и братства без вражды,

Когда свободный труд — не бремя
И в «Марсельезе» нет нужды! (bis)
И лишь тогда, когда не будет
Вражды на свете роковой,
Тогда лишь звуки песни той
Народ рабочий позабудет.
 «К оружию, народ!
 Сомкни свои ряды!
 Вперед, вперед!
 Пусть кровь врагов
 Замочет их следы!»

ПРАЗДНИК 1-ГО МАЯ

Праздник светлый и свободный,
Славься, первый майский день!
Наш союз международный
Новым блеском ты одень!
 Уж приходит год десятый
 С той поры, как целый свет
 Облетел призыв крылатый:
 В этот день работы нет!
Пусть же грянет на просторе
Мировому хору вслед —
Через горы, через море —
Дружен, громок наш привет!
 Над Уралом и Кавказом,
 Над Невой и над Днепром
 Пусть наш клик раздастся разом,
 Как весенний первый гром!
Пусть хозяева-жандармы
Второпях забьют в набат;
Пусть выводят из казармы
Против нас ряды солдат.
 Нас угрозой не принудишь,
 Наш ответ готов давно:
 В этот день работ не будет,
 Все решили мы одно.
Смело, братья, общей ратью! ..
Все в ряды! .. Плечо в плечо! ..
Стоит только встать нам дружно —
Все враги нам нипочем!

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днпром
Пусть наш клик раздастся разом,
Как весенний первый гром.

СКАЗКА О ПОПЕ И ЧЕРТЕ

В церкви, золотом залитой,
Пред оборванной толпой
Проповедовал с амвона
Поп в одежде парчевой.

Изнуренные, худые
Были лица прихожан,
В мозолях их были руки...
Пол был гладок и румян.

«Братье! — он взывал к народу, —
Вы противитесь властям,
Вечно ропщете на бога,
Что, живется плохо вам?!

Это дьявол соблазняет
Вас за грешные дела,
В свои сети завлекает,
Чтоб душа его была.

Вот зато когда померете,
Вам воздастся по делам:
В пламень адский попадете
Прямо в общество к чертям!»

Мимо церкви в это время
Черт случайно проходил,
Слышит — черта поминают,
Уши он насторожил.

Подобрался под окошко
И прислушиваться стал.
Все, чем поп народ морочит,
Черт все это услышал.

Повалил народ из церкви;
Наконец выходит поп.
Черт к нему... Сверкнул глазами
И попа за рясу — цоп!

«Ну-ка, отче толстопузый,
Что про нас ты в церкви врал?
Отвечай, какие муки
Беднякам ты обещал?..

Чертом вздумал ты пугать их,
Страшным адовым огнем!..
Что им ад?.. Они и в жизни
Терпят тот же ад... Пойдем!..»

Поп — бежать... Но черт за ворот,
Как шенка, его поймал
И, подняв с собой на воздух,
В даль туманную помчал.

Он принес попа к заводу.
В дымных, мрачных мастерских
Печи яркие горели;
Адский жар стоял от них.

Молот тысячепудовый
По болванке ударял
И фонтаном искр горящих
Всех рабочих осыпал.

А машины грохотали,
Точно в небе июльский гром:
Стены толстые дрожали,
Все ходило ходуном.

И куда наш поп ни взглянет,
Всюду жар, огонь и смрад:
Сталь шипит, валяются искры,
Духота... Уж чем не ад?!

У попа дыханье сперло,
Жметя, мнетя — сам не свой.
Слезно к черту он взмолился:
«Отпусти меня домой!» —

«Что ж!?. Так скоро надоело?!
Хочешь скоро так назад?!
Посмотрел ты очень мало:
Это ведь еще не ад!»

Вновь схватив попа за ворот,
Черт взвился под облака
И в другую мастерскую
Опустил он толстяка.

Здесь, средь мрака и шипенья,
Из огромного котла
В приготовленную форму
Лава яркая текла.

Вдруг большими языками
Лаву стало вверх кидать...
Люди в ужасе смертельном
Попытались убежать.

Но напрасно... С страшной силой
Клокотал чугун в котле:
Обгорелые стонали,
Корчась в муках на земле.

Поп, от страха замирая,
Полы рясы подобрал
И быстрее косоного зайца
Из завода тягу дал.

КАМАРИНСКАЯ

Эх, и прост же ты, рабочий человек!
На богатых ты гнешь спину весь свой век.

У Морозова у Саввушки завод,
Обирают там без жалости народ;
Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости;
Чтоб не вышло препирательства,
За иные надувательства
Канцелярия составила
Для рабочих пункты-правила:
Положила кары грозные,
Наказания серьезные,
Обирает по-законному,
Прижимает по-ученому.
Эх, у Саввушки палатушка ума,
Оттого-то, знать, толста его сума.
Загорелся раз у Саввушки завод,
Разбегаться стал испуганный народ;
Управляющий огонь тушить велит,
А рабочий люд на улицу валит.
Дали Савве знать об этом в телефон;
Как ошпаренный примчался мигом он.
«Что ж, имущество должно мое сгореть?
Эй, немедленно ворота запереть!»
Не пускать велит с завода ни души,
Там уж хочешь иль не хочешь, а туши!
Эх, уж Саввушка умен, умен, умен,
И начальством он за это отличен:

Почитается как знатный дворянин,
Принимается как важный господин.
Савва жирная скотинушка,
В три объёма животинушка!
Он живет себе с отрадою,
Умывается помадою,
Злой кручинушки не ведаёт,
По три раза в день обедает.
Призапасся гувернантками,
Черномазыми тальянками,
Разговору непонятного,
Обхождения приятного;
На гроши наши трудо́вые
Они ходят точно павушки,
Удовольствие для Саввушки. . .

Собирали как-то деньги на собор,
На заводе велел Савва сделать сбор:
«Подавайте с каждой хари четвертак,
Все равно снесете деньги вы в кабак!»

Подчинились приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки,
Понастроены все сорок-сороков
От покорности убогих дураков.
Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося,
А для нашего спасения
Поучает в воскресенье,
Чтоб безропотно трудилися,
Да молитвою кормилися,
Чтоб не ели в пост скоромного,
Поведенья были скромного,
Чтоб начальству подчинялися,
Да иконам поклонялися.
За усердие чудесное
Въедем в царствие небесное!
Эх, наставники духовные!
Проповедники церковные!
С виду — божие угодники,
Втихомолку — греховодники;

У вас брюхи слишком пухлые,
Ваши речи очень тухлые.
Эх, ребяташки, живей, живей, живей,
Соберем колокола со всех церквей,
Из них пушку мы большую отольем,
Духовенством эту пушку мы набьем,
Знатно выпалим попами в небеса,
Уж посыплются к нам с неба чудеса!

Служим потом, служим кровью
Мы купецкому сословью;
А и царское правительство
Покрывает все грабительство,
Издает законы многие,
Для рабочих очень строгие,
Да без всякого стеснения
Учиняет притеснения.

На купце стоит теперича земля,
Нету силы против батюшки-рубля!
Ох уж эти-то купцы, купцы, купцы,
Обиратели они и подлецы!

Вы, ребяташки фабричные,
К обирательству привычные,
Уж найдите вы управушку
На Морозова, на Саввушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество!
Подымайся как единый человек,
Давай клятву нерушимую вовек:
Дружно, крепко за товарищей стоять,
Ни на шаг один назад не отступить.

РАЗВЕРНУВШИ_ЗНАМЕНА_ПОБЕДНЫЕ...

Развернувши знамена победные,
Прошумите над миром грозой...
О, вперед! угнетенные, бедные,
Чтобы не был мир больше тюрьмой!

Написавши на знамени красном
Боевые свободы слова,
Поклянемся друг другу бесстрашно,
Что умрем за защиту труда!

Через трупы борцов угнетение
К торжеству никогда не придет,
На могилах их вырастет мщение
И свобода для всех расцветет.

Разворачивай красное знамя,
Угнетенный рабочий народ,
О, горит уже бранное пламя,
Призывая бесстрашных вперед!

КТО ПОД ЗЕМЛЕЙ И НА ЗЕМЛЕ...

Кто под землей и на земле,
В полях и в рудниках
Проводит жизнь свою в труде,
А мрет в нужды когтях?
Кто строит, жмет, из-под земли
Богатства достает,
Другим за жалкие гроши
Всю роскошь создает?
Спины не может разогнуть,
Спокойно жить и спать?
 Да это ты, рабочий люд,
 Голодный, бедный брат!
Кто потом, кровию труда
И храмы и дворцы воздвиг,
Построил города —
Сам чужестранец в них?
Палаты, роскошь — для других,
Чердак, подвал — себе,
Ученье в школах дорогих
Не детям, не тебе?
Кто, чтобы жить, продав свой труд,
Все силы вынужден отдать?
 Да это ты, рабочий люд,
 Ты, угнетенный брат.
Твоим трудом весь мир живет,
Другим ты все отдал,
Себе ж, обманутый народ,
Ты цепи лишь сковал!

Оружье сделано тобой —
Обращено против тебя...
Проснись, народ, пусть жребий твой
Твоя же выкует рука!
Пора свое тебе вернуть,
Себе свое забрать!..
 Проснись, проснись, рабочий люд,
 Иди на бой, голодный брат!

ПАМЯТИ ДРУГА

О смерти твоей услышал я в тюрьме,
Товарищ и друг мой несчастный,
Да будет же вечная память тебе
И мир после жизни злосчастной.

В холодной Сибири, вдали от людей
Погиб ты, замучен неволей,
Но плакать ли нам над могилой твоей,
Над горькой, нерадостной долей?

О, плакать бы стоило, если б могло
Из слез наших мщенье родиться.
Тираны и деспоты, время пришло,
Пора вам, пора расплатиться!

Давайте же, друга-борца схоронив,
Теснее, покрепче сплотимся,
За дело народное в битву вступив,
С щитом иль на нем возвратимся.

И пусть нас по тюрьмам сажают,
Ломают, калечат и гнут,
Мощь наша растет, вырастает,
Окрепнет и скоро сломает
Оковы неправедных пут!

НОЧЬЮ В МАСТЕРСКОЙ

Взял я для песни мотив невеселый,
Да и веселье мне что-то невмочь.
Думаю петь вам про труд наш тяжелый,
Про труд наш в «рабочую ночь».
Вот мастерская завода. Мелькает
Под потолком паутина ремней,
Свет электрических ламп освещает
Грязные лица усталых людей. . .
Всюду станки нагромождены тесно,
Переплетаясь, как нити канвы. . .
С привода ремни спадают отвесно,
С силою быстро вращают шкивы.
Визг и шуршанье станков. Дребезжанье
Толстых железных цепей и колес.
Грохот машин, шестерней грохотанье,
Звуки упавших железных колес —
Все это слилось в один непрерывный,
Гулкий, тупой, оглушительный шум;
Точно метели напев заунывный,
Он притупляет и чувства и ум.
Вертится быстро станок мой токарный,
Суппорт¹, поставленный на самоход,
Двигается плавно, и стружка забавно
Вьется под острым резцом и поет.
Слышится брань. Беззастенчиво-нагло
Мастер ругает кого-то из нас;

¹ Часть токарного станка.

Кто-то в углу притаился и жадно
Пьет из бутылки принесенный квас.
Вот на мгновенье, вес шум заглушая,
Вопли о помощи слышатся мне.
Мастер бежит к машинисту, ругаясь,
Что мы работаем «будто во сне».
С этой минуты станок мой все тише
Начал вращаться и вот наконец
Остановился совсем. «Еще дышит!» —
Слышу я крики. «Очнись, молодец!
Дайте носилки живее! В больницу
Нужно сейчас же отправить его.
Экий дубина! Попал между слицами,
Точно не знает станка своего!»
«Что же, готово? Пускать, что ль, машину?» —
Слышатся крики с другой стороны.
«Ладно, пускай!» — И сейчас же картина
Вновь изменилась под сводами тьмы.
Снова слышались прежние звуки,
Снова доносятся пара толчки,
Снова стучат и грохочут станки;
Им неизвестны страдания, муки, —
Нервы у них заменяют ремни.
Поздно! . . Четвертый уж час на исходе.
Скоро, уж скоро завоюет гудок.
Слишком устал я. И быть на свободе
Хочется мне, но не кончен урок.
Невесела ты, ночная работа!
Только смирение и терпит тебя.
Только о хлебе насущном забота
Гонит усталость и сон от меня.
Вертится быстро станок мой токарный,
Песню унылую тянет резец,
Вьется попрежнему стружка забавно
В виде блестящих спиральных колец.
Дурно! . . Колеблется пламя коптилок,
Сажа и дым застилают глаза.
Кажется, кровь не вмещается в жилах,
В воздухе будто повисла гроза.
Тщетно стараюсь я, сон отгоняя,
Бодро стоять, избегая покоя!
Трудно бороться с дремотой. Шатаюсь,

Еле держусь за станок я рукой...
О, неужели же ночь бесконечна,
Как бесконечен ужаснейший сон?
Голод, нужда безысходная вечно ли
Будет царить над свободным трудом?
Скоро ли явится проблеск сознанья
В мире усталых, забытых людей?
Вечно ли в жизни одни лишь страданья
Будут утехой от тяжких скорбей?
Нет, мне не надобно рабских сомнений!
Видал я много примеров борьбы.
Чувства святые — не в мире забвенья.
Плесень еще не покрыла умы.

МАШИНУШКА

(На мотив «Дубинушки»)

За годами года проходили чредой,
Изменилась родная картина,
И дубина с сохой отошли на покой,
Их сменила царица машина.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины,
Правит русский купец золотою рукой,
Мужика превратил он в машину.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Знать, английский урок не пропал — пошел впрок,
Поумнел наш российский купчина,
Наш рабочий порой восклицает с тоской:
Тяжелее сохи ты, машина!

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Без дворян и бояр очутился наш царь,
Кто поддержит тебя, сиротину,
Кто опорой тебе будет в новой судьбе,
Кто заменит тебе дворянина?

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Но наш царь не сплошал, он купца обласкал,
И купец ему ныне опора.
А наш русский мужик, он к машине привык,
Его грабит купецкая свора.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Но страшись, грозный царь, мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе,
И, как в бурю волна, пробуждаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Мы разрушим вконец твой роскошный дворец,
Только пепел оставим от трона,
А порфиру твою мы отыдем в бою
И порежем ее на знамена.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Фабрикантов-купцов, твоих верных сынов,
Мы как ветер развеем по полю,
И наместо вражды и суровой нужды
Установим мы братскую долю!

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Максим Горький

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах. . . Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон

бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома — чуткий демон — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем, то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

СОЛНЦЕ ВСХОДИТ И ЗАХОДИТ...

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно.
Как хотите стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю —
Цепь порвать я не могу.

А. Богданов

ПЕСНЯ ПРОЛЕТАРИЕВ

Кто добыл во тьме рудников миллионы?
Кто сталь для солдатских штыков отточил?
Воздвиг из гранита и мрамора троны,
В ненастье и холод за плугом ходил?
Кто дал богачам и вино и пшеницу
И горько томится в нужде безысходной?
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?
Кто с ранней зари и до поздней полночи
Стонал, надрывался под грохот машин,
Тяжелым трудом ослеплял себе очи,
Чтоб в роскоши жил фабрикант-господин?
Кто мощно вертит колесо мировое
И гибнет бесправным, как червь непригодный?
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?
Кто гнету насилья века обрекался,
В оковах неволи боролся и жил,
Под знаменем красным геройски сражался
И кровь неповинную жертвенно лил?
О вестник победы!.. Титан непреклонный!
Ты молнии бросил из сумраков ночи...
Вперед — на борьбу, пролетарий, рабочий!..
Пусть пламя борьбы разрастется пожаром
И бурей пройдет среди братьев всех стран!..
Твердыни насилья мы рушим недаром...
Могуч и един наш воинственный стан...
Пусть враг нас встречает предательством черным, —
Победа за нами, за силой народной!
Победа близка, пролетарий голодный!..

СТУДЕНЧЕСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Ты нас вызывал к неравному бою,
Бессердечный монарх и палач.
Над поверженной в горе страной
Материнский разносится плач. . .

Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знание!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Был нам дорог храм юной науки,
Но свобода дороже была.
Против рабства мы подняли руки,
Против ига насилья и зла. . .

Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знание!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Долетели ужасные вести,
Что расстрелян товарищ-солдат. . .
Другу, матери, брату, невесте
Прямо в сердце пустили заряд.

Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знание!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Кто смирится с насилием казни,
Равнодушно снесет этот срам?

Только тот, кто исполнен боязни,
Кто позорно изменит борцам. . .
Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знанье!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Пусть нас ждут офицерские плети,
Казематы казарм и сухарь,
Но зато будут знать наши дети,
Как отцы их боролись встарь.
Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знанье!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Пусть нас ждут пересыльного замка
Кандалы, ненавистный конвой,
Роковая казенная ляжка,
Крест на шапке и штык за спиной. . .
Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знанье!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Не двоих, не троих расстреляют,
По этапам заставят идти. . .
Мы не знаем, что нас ожидает,
Как последнее скажем «прости!»
Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знанье!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Чтоб рассеять свободы заразу,
Царь всю Русь расстрелял бы давно,
Но стреляет он робко, не сразу,
Но всю Русь расстрелять мудрено.
Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знанье!

Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Русь, откликнись на зов молодежи!
Как могли мы дышать до сих пор?!
Неужели на службу царизму
Нас заставят идти? . . . О, позор! . . .

Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знание!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Наш позор не на долгие годы,
Станьте, смелые, честные, в ряд!
Со штыками под знамя свободы
Выйдет каждый студент, как солдат. . .

Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знание!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

ПЕРЕД ЗАВОДАМИ

Вот за мреющим туманом,
В очертаньях бледных дня,
Город грозно встал титаном...
 Царство стали и огня,
 Дымных горнов, труб, свистков,
 Пара, стука молотков...
Словно пушек красных жерла,
Труб высокий частокол
Город грозно вверх навел...
 А внизу скрежещут сверла,
 Не смолкая ходят пилы,
 Мерно лязгают зубила...
Бродят люди, бродит злоба...
В чреве каменного гроба
Мщенья плавится металл.
 Кто-то крикнул... застонал...
 В сетках окон звук дробится...
 Кто-то бури ждет... томится...
Кто-то верит... Буря грянет...
Крепкий молот ждать не станет.
Домна весело вздохнет.
 Домна вольно бросит пламя
 И над гордыми дворцами
 Знамя красное взвьет.

«БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ...»

Боже, царя храни!
Деспоту долгие дни
Ты ниспошли.
Сильный жандармами,
Гордый казармами,
Царствуй на страх сынам
Руси бесправной,
Царь православный,
Царствуй на страх глупцам!
Враг просвещения,
В царстве хищения
Мирно живи!
Всех, кто свободу
Ищет народу,
Бей и дави!
Твой голодающий,
Вечно страдающий
Бедный народ
В храмах моления,
Благословения
Всё тебе шлет.
Время настанет,
Солнце проглянет —
Разбудит борцов...
Пользуйся временем!
Царствуй над племенем
Жалких рабов!

ОПРИЧНИКИ

Опричники не умерли! Опричники живут!
На площади с нагайками чинят кровавый суд.
Враждой нечеловеческой горит бесстыдный взор,
Псы царские, псы алчные врываются в собор.

Опричники не умерли! Трубят они поход,
Расправы дикой, варварской с тревогой ждет народ!
И гибнут, гибнут честные, что ринулися в бой,
Святою кровью юности царь мнит купить покой.

Опричники не умерли!.. Умрут они! Умрут!..
Настанет день возмездия. Свершится правый суд.
На плитах окровавленных в грозе иных времен
Растут полки народные, — их будет легион...

18 АПРЕЛЯ (1 МАЯ) 1901 ГОДА

Печально день вставал холодный, бледнолицый,
Свинцовый полумрак свивался над землей,
Кружились облака чудовишною птицей,
Наш праздник омрачив загадочною мглой...

Сквозь переплет окна смотрели мы с тревогой,
Как злобились дворцы, как ветер бушевал,
И падал мокрый снег над грязною дорогой,
Где часовой с ружьем докучливо шагал.

Волна рабочего движения и шума
Врывалась в окно, звеня, как ледоход...
И всех одна тревожила нас дума:
Что́ этот майский день с собою принесет?

Собрались ли друзья на светлый праздник Мая?
Кто уцелел из них, кто угодил в тюрьму?
Кто шел по Невскому, знамена развевая?
Иль праздник неудачен? Почему?

В ответ безмолвствует и хмурится природа...
Вдруг чудодейственно разорван полог туч,
Приветливо блеснул весны янтарный луч,
Зовет на путь борьбы. И грезится свобода!

ПЕРВОЕ МАЯ (1903 г.)

Эй, в колонны, рать стальная!
Целый год в стенах завода
Ласки дня и света солнца
Мы, как гномы, лишены.
Завтра — светлый праздник Мая!
Завтра зори небосвода
Красным парусом заплещут,
Вещим парусом весны!

Эй, в колонны, рать стальная!
Пусть подвалы наши темны,
Выгружаем мы невольню
Плавень, уголь и руду. . .
Завтра — светлый праздник Мая!
Завтра в небо бросят домны
Пламя алое полотнищ,
Гимны вольные труду.

Эй, в колонны, рать стальная!
Целый год челны сновали,
От работы стонет тело,
Ломит руки, давит грудь. . .
Завтра — светлый праздник Мая!
Наши мышцы крепче стали. . .
Шаг чеканьте! Выше древко!
Пробивайте смело путь!

Эй, жена, сестра родная!
Дружно с братскою семьею
Под знамена, шаг ровняя,
Вслед за мужем и отцом!

Завтра — светлый праздник Мая:
Взлеты чаек краснокрылых,
Переключка мировая,
Мировой весенний гром.

СВОБОДНОЕ СЛОВО

В безвременье черном подстреленной птицей
Мы тяжко влачили неволи оковы,
И только как молот звучало в темнице
Подпольное слово, рабочее слово.

О, если б вы знали те горькие чувства,
Что пламенем гнева сердца нам сжигали,
Когда в мастерскую труда и искусства
Опричники наглой ордою вступали!

Но мы не молчали. И в дни непогоды
В упорной борьбе пред врагом не смирились:
Мы смело и дружно за знамя свободы
В рядах пролетариев бились!

Тюрьма или ссылка! Что нам? Наши звуки
Призывно неслись к деревням и заводам,
Мы струнили песни к фабричным приводам
Затем, чтоб восстали и дети и внуки!

Награда! О жалкое, лишнее слово!
Ее не искали. Ее мы не знали.
Безвестно мы песни в подполье слагали,
Безвестными гибли. Но снова и снова
На смену безвестным другим вставляли.

А. Коц

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(С французского)

Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разруем
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...
Кто был ничем, тот станет всем.
 Это будет последний
 И решительный бой:
 С Интернационалом
 Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!
 Это будет последний
 И решительный бой:
 С Интернационалом
 Воспрянет род людской!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Так разве солнце перестанет
Сиять огнем своих лучей? . .
 Это будет последний
 И решительный бой:
 С Интернационалом
 Воспрянет род людской!

ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЕВ

(На мотив «Марсельезы»)

Мы Марсельезы гимн старинный
На новый лад теперь споем —
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом!
Пусть песни, мощной и свободной,
Их поразит, как грозный бич,
Могучий зов, победный клич,
Великий клич международный:
 Пролетарии всех стран,
 Соединяйтесь в дружный стан!
 На бой, на бой,
 На смертный бой
 Вставай, народ-титан!

Веками длится бой упорный...
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй...
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный:
 Пролетарии всех стран,
 Соединяйтесь в дружный стан!
 На бой, на бой,
 На смертный бой
 Вставай, народ-титан!

Силен наш враг — буржуазия!
Но вслед за ней на страшный суд,
Как неизбежная стихия,
Ее могильщики идут.
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть позорной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной. . .
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Не устрасит нас бой суровый. . .
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир!
Дрожите ж, жалкие тираны!
Уже подхвачен этот зов:
Под красным знаменем борцов
Уж поднимаются все страны! . .
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

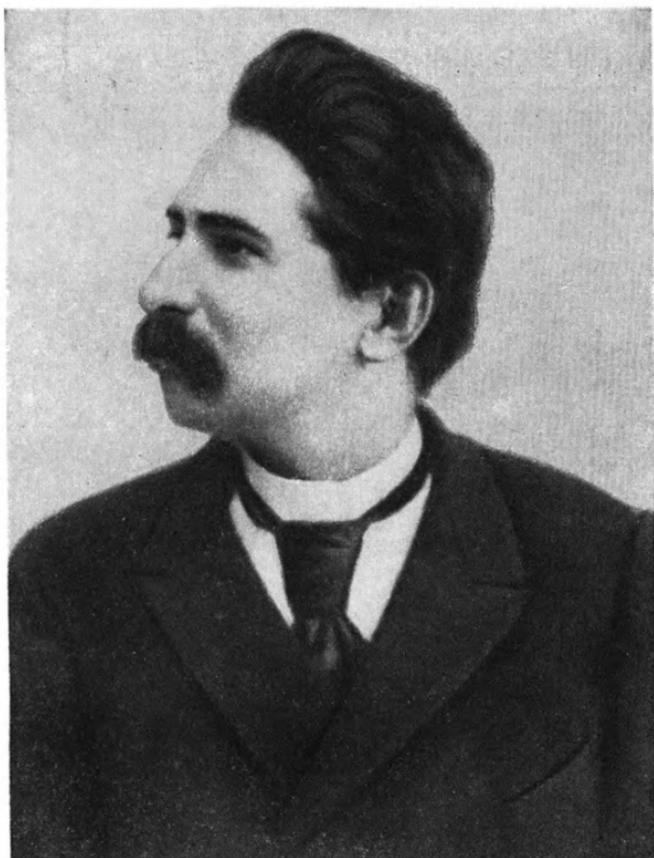
В стране, подавленной бесправьем, —
Вам слышно ль? — близок ураган:
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан.
Перед зарею пробужденья
Уже бледнеет ваша тень. . .
Вперед, на бой! Пред нами день —
Великий день освобожденья. . .
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Я СЛЫШУ ЗВУК ЕГО РЕЧЕЙ...

(Посвящается Л. Н. Толстому)

Я слышу звук его речей...
Среди всеобщего смятенья
Великий старец наших дней
Зовет на путь непротивленья.
«Зачем насилье над врагом,
Победа, купленная кровью?
Не лучше ль нам в борьбе со злом
На зло откликнуться добром,
На ненависть — любовью?
Пусть силен враг, пусть долог путь,
Но верю я, настанет время —
И расцветет когда-нибудь
Любовью брошенное семя...»
Простые, ясные слова...
И кто проникся их лучами,
Как бы коснулся божества
И говорит его устами.
Пред этой истиной простой
И я склонял свои колени...
Но предо мной встают толпой
Другие образы и тени:
Там, где пред грозным палачом
Народ смиренно спины клонит
И под ярмом и под бичом
Бессильно падает и стонет,
Там, где страданьям нет числа,
Где попираются от века

Пятой ликующего зла
Права и чувства человека,
Где мысль униженно молчит,
Сложив беспомощные крылья,
И дух восстания убит
Отравой рабского бессилья, —
Там — нет, не мир и не любовь, —
Там нужен мощный клич восстанья,
Там нужно немощную кровь
Зажечь огнем негодованья,
Там нужно ненависть борца
Вдохнуть в заснувшие сердца,
Давно привыкшие к смиренью,
И в час возмездья роковой
Забить в набат и звать на бой —
К освобождению!

А. Я. Коц

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Первое мая — праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны...

Празднуйте Первое мая!

Гимн вдохновенный могучим борцам,
Клич дерзновенный усталым сердцам.

Празднуйте Первое мая!

Все, кто готов в беспощадном бою
Грудью стоять за свободу свою,

Празднуйте Первое мая!

Словно по взмаху рабочей руки,
Смолкнут машины, котлы и станки...

Празднуйте Первое мая!

Дрогнут все темные силы кругом
Перед своим ненавистным врагом...

Празднуйте Первое мая!

Первое мая — праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны...

Празднуйте Первое мая!

Дерзостный вызов рабочих полков
Миру насилья, цепей и штыков...

Празднуйте Первое мая!

ГИМН СВОБОДЕ

Мы в одну дерзновенную думу сольем
Затаенные думы свои
И свободе великой мы песню споем,
Вдохновенную песню любви.
И, вольна и звучна,
Разольется она
Над простором полей и лесов,
И могуч и широк,
Как весенний поток,
Будет хор молодых голосов.

Мы у ветра подслушали этот напев,
У свободного ветра степей,
И звучат в нем отвага, и пламенный гнев,
И удары разбитых цепей...
И несется призыв,
Словно ветра порыв,
Подымая упавших борцов
И отвагой бойца
Зажигая сердца
У немых и покорных рабов...

О, как жадно прильнем мы к горячим устам
Долгожданной свободы своей!
И прорваться дадим накипающим слезам,
Позабыв наши муки по ней!
И, свободно дыша,
Встрепенется душа,

Обагрённая в свежей крови,
И безумно велик
Будет радостный крик
Нашей первой победной любви!..

О, лишь только б окрепнуть свободной груди,
Лишь бы вольною грудью вздохнуть!
Мы расправим орлиные крылья свои,
Чтоб последние цепи стряхнуть.
И на клич боевой
В этот день роковой
Мы пойдём как на праздничный пир
И оковы труда
Разобьём навсегда —
И в тот день завоюем весь мир!

А. Белозеров

ИЗ ПЕСЕН ТРУДА

1

Стук машин, ударов грохот,
Визг пилы, приводов хохот
И станков немолчный ропот,
 Пламя буйное огня...
Под напев безумно грозный
Раздается звук тревожный —
 Скалит зубы шестерня...

И колеса под напором
Все кружатся стройным хором
И сверкают перед взором
 Бледнорадужной звездой...
От восхода до захода
Краны бродят средь завода
 Плавно-мерной чередой...

Плач и стон — хаоса звуки —
Заглушают вопль и муки...
Тут и там мелькают руки
 Темнопризрачных теней.
Это в вечно страшном чуде
Пробегают гномы-люди
 Между тысячей смертей...

Прочь с дороги! — Вал заставит,
Иль проглотит, иль раздавит,
Праха, пепла не оставит,
 Похоронит навсегда...
Как в бреду, в волшебной сказке,
Все слилось в безумной пляске
 Царство грозное труда!

2

Под шум стоголосый и грохот завода
Мы, вестники бури, железа рабы,
С утра и до ночи с мечтою: «свобода»
 Ковали оружие борьбы...

Заботы о хлебе, страданья и муки
Тонули в надеждах о счастье детей;
И, грозно подняв наши черные руки,
 Дробили мы звенья цепей...

И с каждым победно звучащим ударом
О черный, гигантский упругий станок
Пылали сердца наши мести пожаром,
 Острее становился клинок...

И светлые думы в душе нашей зрели:
Мы жаждали света, горели борьбой,
И твердо к намеченной двигались цели,
 Рядами спешили на бой...

Кипела борьба. Приближалась свобода;
Привет ей! Заря ее блещет огнем.
Под шум стоголосый и грохот завода
 Мы новую жизнь вам куем!

Евг. Тарасов

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ

Там, где холодом облиты,
Сопки высятся кругом...

П. Я.

Там, где суд стоит окружный,
Есть огромный хмурый дом.
Уж давно семьею дружной
Мы томимся в доме том.
И к соседу от соседа
Там несется вечный стук:
Это мы ведем беседы
Монотонным тук-тук-тук...

Перед нами путь суровый,
Настоящее темно,
И вернуться к жизни новой
Далеко не всем дано.
И пока волна прилива
Сбросит путы с наших рук —
Мы стучим нетерпеливо,
Мы стучим лишь: тук-тук-тук...

Ветра бурного дыханье
Увлекает стук с собой
И в упрек напоминанья
Превращает над землей.

Там не все оцепенело,
Там услышат этот стук —
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: тук-тук-тук!

Неизвестные авторы

НА ЗАРЕ НОВОГО ВЕКА

Смело, друзья, за свободу вперед!
Ждать нам наскучило доле...
Долго страдал наш рабочий народ,
Долго томился в неволе...
Чаша страданья до дна испита...
Есть и предел для терпенья:
Грозная битва уже начата,
Близится час избавленья!
Смелую, грозную, стойкую рать
Русь высылает для боя...
Скоро придется тиранам узнать
В русском рабочем — героя.
Рабские цепи мы дерзко сорвем,
Месть кровопийцам народа!
Лучшую долю в борьбе мы возьмем,
Счастье для всех и свободу...
Пусть же цветет наш рабочий союз,
Братьям пример подавая.
Вестником грозным для вражеских уз
Будет день Первого мая.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту усмирять,
Ох, смуту усмирять!

Рано утром нас будили.
Не кормили, а поили
Водкою одной,
Ох, водкою одной!

Много силы у солдата,
Но давить родного брата
Можно лишь спьяна,
Ох, можно лишь спьяна!

Подготовив понемногу,
Повели нас в путь-дорогу;
К Невскому пошли,
Ох, к Невскому пошли!

Тут в дворы нас засадили
И настрого запретили,
Чтобы не орать,
Ох, чтобы не орать!

Не по нас была засада,
Земляков брала досада

На такой приказ,
Ох, на такой приказ!

Долго ль, мало ли сидели,
Не шумели, не галдели,
Слышь, команда нам,
Ох, слышь команда нам!

Выходите на тревогу,
Фараонам на подмогу,
Клейгельс ослабел!

Мигом вышли на свободу,
Видим тысячу народу:
Тут и статский, и военный,
И бродяга, и поштенный,
Весь народ шумел,
Ох, весь народ шумел!

Сперва зачали студенты,
Подхватили тилигенты,
Подсобил народ,
Ох, подсобил народ!

Драка, свалка началась,
Бросились и мы.
Молоток пошел тут в дело,
Офицеришку влетело,
Кровью залился,
Ох, кровью залился!

Храбрый Клейгельс-генерал
Все подальше удирал
И с коня кричал,
Ох, и с коня кричал!

А Вяземский-генерал
Тот на Клейгельса кричал:
«Ваше-ство, не смейте драться,
Ваше-ство, не смей мешаться
Не в свои дела»,
Ох, не в свои дела!

Как пришли домой мы в роту,
Принесли одну заботу
О своем грехе,
Ох, о своем грехе!

Ох, отцы вы командиры,
Опоганили мундиры,
Чистые досель,
Ох, чистые досель!

МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК

1

Лик твой, облитый потом кровавым,
Смело, рабочий, вверх подыми!
Пахарь ли, ткач ли, токарь ли бравый,
Красное знамя в руки возьми!
Славься, светлый праздник майский,
Развевайся, красный флаг,
Перед силой пролетарской
Обратится в бегство враг.

2

Пасмурных буден кинем заботы,
Звук позабудем наших цепей,
Каторгу бросим наемной работы,
Майский мы праздник встретим дружей.
Славься, светлый праздник майский,
Развевайся, красный флаг,
Перед силой пролетарской
Обратится в бегство враг.

3

Время настало для темной России,
Смело рабочий уж выступил в бой;
С трепетом слышит буржуазия
Моря народного грозный прибой.

Славься, светлый праздник майский,
Развейся, красный флаг,
Перед силой пролетарской
Обратится в бегство враг.

В ПОГОНЕ ЗА МИЛЛИОНАМИ

Порядок водворен — мятежники смирились,
И кровью куплено спокойствие царя,
И снова в тьме кромешной скрылась
На миг блеснувшая заря.

И он, счастливый царь несчастного народа,
Дождавшись, чтобы стих последней битвы звук,
Во Францию, — туда, где царствует свобода,
Он едет наполнять свой денежный сундук.

Каторга, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейских, шпионов. . .

Нужны нам сотни миллионов.

И Франция, своих казнившая тиранов,
Тирану русскому холопски бьет челом,
И стая Делькассе, Вальдеков, Мильеранов
На задних лапках пляшет пред царем.
И Николай второй с улыбкою надменной
Вождам республики по ордену дает,
А Витте с ловкостью и быстротой отменной
С французской публики золотую шерсть стрижет.

Каторга, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейских, шпионов. . .

Много нам нужно миллионов.

И он вернется к нам с набитою мошною,
Богопомазанный порфиноносный шут.
И снова засвистит над бедною странюю
В руке державной подлый кнут.

И будет хищникам — бичам земли голодной —
Он с царской щедростью добычу раздавать,
Чтоб нам из золота республики свободной
Покрепче кандалы сковать.
 Чтоб заглушить всенародные стоны,
 Нужны миллионы, миллионы...

ТЯЖКО МНЕ. . .

Тяжко мне. . . Но не хочу я
С злой судьбой моей мириться!
Я один. . . Но не могу я
С силой темною не биться!
Я погибну. . . Ну так что же?
Коль мое погибнет тело,
Будет дух мой так же биться
Все за то ж святое дело!
Я желал бы сон нарушить,
Сытых счастье разрушить,
Мрак развеять, разогнать;
Всем униженным, скорбящим,
Всем о счастье молящим
Я хотел бы счастье дать!
Я хотел бы это счастье
С бою взять народной властью,
Слабых духом поддержать,
Унижающих — унижить,
Обижающих — обидеть,
В мертвых снова жизнь вдохнуть,
Весь ваш мир возненавидеть,
Весь ваш строй перевернуть!

Вы, забытые, болящие,
Вы, во тьме и зле живущие,
Вы, о счастье молящие
И его напрасно ждущие, —

Бросьте ваши ожидания!
Прочь скорей оцепенение:
Не придет конца страданию,
Коли нет конца терпению!..

КТО В РУДНИКАХ ТАИТСЯ...

Кто в рудниках таится,
Кто медь и сталь кует,
Кто весь свой век трудится,
Кто шелк и бархат ткёт,
Кто всем богатым хлеб даёт
И в горькой сам нужде живёт?
 Все это люд рабочий,
 Все пролетариат.

Кто день и ночь свой крест несёт,
Кто для чужих людей
Богатство, роскошь создаёт,
Довольство жизни всей,
Кто в мире все дела ведёт
И сам без прав во тьме живёт?
 Проснися, люд рабочий,
 Встань, пролетариат!

Кто с первых дней седых времен
Тиранами-людьми
Был рабством скован, угнетен,
Лишился прав, семьи?
Ах, это ты, народ, народ,
Всегда тиран тебя гнетет!
 На битву, люд рабочий,
 В бой, пролетариат!

Ты будешь грозен и велик,
Лишь стой в борьбе дружной;
«За волю» — пусть гремит твой клик,
На бой, на бой смелей!
Вперед направь свой бодрый шаг,
Хоть дик в бою твой лютый враг,
Тогда свободен будешь
Ты, пролетариат!

ПЕСНЯ

Кто шьет одежды наши,
Прикованный к труду,
Кто плугом землю пашет,
Кто достает руду,
 Кто хлеб свой потом обольет,
 А сам весь век в нужде живет?
 То наш народ рабочий,
 То пролетариат!

Кто в тягостной работе
Томится день-деньской,
Кто весь в слезах и поте
Для прихоти людской,
 На ком покоится весь свет,
 Кому ни прав, ни воли нет?
 То наш народ рабочий,
 То пролетариат!

Кто гнетом тирании
Порабощенным был
И за царей России
Кровь как воду лил?
 Пойми, народ, что ты во всем
 Всегда обманут был кругом.
 Проснись, народ рабочий,
 Проснись, голодный люд!

Добейся лучшей доли,
Оковы сбрось долой,
Вперед, не медля боле,
Иди в кровавый бой!

И знамя красное бери,
Алее утренней зари!
Вперед, народ рабочий,
Вперед, голодный люд!!!

НА УЛИЦУ!

На улицу, на улицу! На наш могучий зов
Пусть рать тотчас откликнется товарищей-борцов;
Пусть братьев, спящих в юдоли, как громовой раскат
Пробудит к битве праведной призывный наш набат!

На улицу, товарищи! Мы площадь, как волной,
Зальем и негодующей и бурною толпой.
В порыве протестующем сольем свои сердца
И станем мы за ненависть и мщенье без конца!

На улицу, на улицу! Всю месть свою за кровь
Замученных злодеями товарищей-борцов.
Всю ненависть к тирании, к народным палачам
Мы выльем в крике мстительном на страх своим
врагам.

На улицу, товарищи! В ком честь еще жива —
Пусть встанет за священные народные права!
Свободы знамя красное высоко над толпой
Подыдем мускулистую рабочею рукой!

На улицу, на улицу! Пускай на нас враги
Нашлют все силы темные, нагайки и штыки —
Протеста всенародного царю не заглушить,
Пожара кровью праведной тирану не залить!

ПЕРВОЕ МАЯ

(Прочтено в тюрьме, в общей камере)

Братья-товарищи! Праздник весны,
Светлый наш праздник свободы,
Празднуем здесь, и веселья полны
Эти тюремные своды!
Братья-товарищи! В этих стенах
Мы поневоле собрались, —
Только бессилен над нами наш враг...
Братья на воле остались!
И, что ни год, все растет наша рать,
Крепнут и множатся силы...
Сладко за правое дело стоять,
Знамя нести до могилы!
Братья, вот знамя святое труда,
Красное знамя свободы!
Близок уж час долгожданный, когда
Встанут под ним все народы!
С гнетом-бесправием наша борьба
Кровью не раз отмечалась.
Наших героев-страдальцев судьба
Всем нам примером осталась.
Братья-товарищи! Каждый из нас
Пусть в этот час вспоминает
Всех, в ком огонь боевой не погас,
Всех, кто за правду страдает.
Всех, кто в бесстрашной и славной борьбе,
С пламенем мщенья в груди,
Не поддаваясь жестокой судьбе,
Волю прозрел впереди!

Душно, нам душно в тюремных стенах,
Хочется радостной доли!
Пусть эти стены разрушатся в прах:
Воли нам! Воли нам! Воли!

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

(С польского)

Вот настал уж май веселый,
Зеленеет все вокруг.
Прекратим мы труд тяжелый,
Забастуем всюду вдруг!

Вся природа молодеет,
Все цветет, все зеленеет.

Здравствуй, май, юный май!
Пусть же старый мир томится,
А мы будем веселиться.

Гоп-гоп!

Пусть везде, где солнце светит
И рабочий люд живет,
Первый день он мая встретит
Без трудов и без забот.

Праздник этот чтить всем вместе
Порешили мы на съезде.

Здравствуй, май, юный май!
Пусть же старый мир томится,
А мы будем веселиться.

Гоп-гоп!

Пусть природы возрожденье
Знаменует для всех нас,
Что и мира обновленья
Недалек великий час.

Он пробьет для всей вселенной!
Клик раздайся наш победный:
Здравствуй, май, юный май!

Пусть же старый мир томится,
А мы будем веселиться.

Гоп-гоп!

Пусть зимы холодной царству

Настает конец весной,

Мы оковы сбросим рабства

И пойдем смелее в бой!

За свободу наших братьев

В бой пойдем мы дружной ратью.

Здравствуй, май, юный май!

Пусть же старый мир томится,

А мы будем веселиться.

Гоп-гоп!

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Наш праздник рабочий пришли мы справлять —
Да здравствует Первое мая!
Товарищи, станем борьбу прославлять,
К свободе народ призывая.

Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!

Горячее солнце на землю глядит
И к жизни зовет всю природу,
Огнем лучезарным в нас песня горит,
Та грозная песнь про свободу.

Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!

Сегодня гуляет рабочий народ.
Восстав из-под ига неволи,
Людских унижений и всяких невзгод, —
Он в счастья требует доли.

Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!

Во всех чужеземных далеких краях,
Где брат под работою гнется,
Миллионами душ и на всех языках
Сегодня та песня поется.

Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!

Победу и счастье мы людям несем,
Мы всем завоюем свободу
И, кончив с врагом, одним радостным днем
Ее отдадим мы народу.

Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!

За мир, за свободу, за счастье людское,
За радости жизни, за братство святое
Мы дружно сомкнемся в бою.
Ударим же песню свою!

Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!

ПРОЧЬ С ДОРОГИ...

Прочь с дороги, мир отживший,
Сверху до низу прогнивший,
Молодая Русь идет
И, сплоченными рядами
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет.

Прочь с дороги всё, что давит,
Что свободе сети ставит...
Зла, насилия жрецы,
Вам пора сойти со сцены,
Выступаем вам на смену
Мы, отважные борцы,

Мы, рожденные рабами,
Мы, вспоенные слезами,
Мы, вскормленные нуждою,
Из тюрьмы, из злой неволи
Рвемся все мы к лучшей доле,
Рвемся мы с неправдой в бой.

Дети родины опальной,
Шьем мы саван погребальный
Палачам родной страны.
В тюрьмах, в ссылке отдаленной
Гимн слагæем похоронный
Царству зла, насилья, тьмы.

Крепче стали наши руки,
Не страшны нам смерть и муки,
 Не боимся мы цепей.
Мы не дрогнем, не отступим,
Мы ценой кровавой купим
 Счастье родины своей.

К нам под знамя боевое,
К нам, все честное, живое,
 К нам, бойцов отважных рать!
Грянем бурей-ураганом,
Будем мы на страх тиранам
 За свободу воевать!

Прочь с дороги, злые силы,
Вас давно уж ждут могилы...
Молодая Русь идет
И, могучими рядами
Выступая в бои с врагами,
 Песни новые поет!

ДУМА РАБОЧЕГО

Когда работаю я в душной мастерской,
Средь пыли, грохота и шума,
Одна мучительная дума
Тревожит ум забитый мой.
Я думаю: несчастный наш народ,
За что ты обречен на вечные страдания,
За что так тяжело твое существование
И сбросишь ли когда ты свой тяжелый гнет?
Взгляни ты на своих мучителей-царей:
Их пиром каждый день встречает,
Твой пот и кровь их насыщает,
И топчут в прах они замученных людей.
Ты строишь им роскошные дома,
Ты создаешь богатство, капиталы,
Тебе ж уделены лишь грязные подвалы,
Холодная Сибирь и мрачная тюрьма.
Проснешься ль наконец, народ наш угнетенный,
Раздастся ли когда могучий голос твой?
И замахнешься ли своей рукой
На трон, насильем огражденный?

ПРИЗЫВ

(Из листка воронежского комитета РСДРП)

Нас много, нас много! . . Вставайте же, братья!

Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы. . .

Проклятье насилью, вставайте же, братья,

И будем борцы — не рабы!

Глядите — заря занялась свободы! . .

В ком сердце отзывно и ум не погас?

Кто весь исстрадался за черные годы?

Сходитесь, вставайте под знамя свободы;

И время и правда за нас! . .

Пусть кровь наша льется, пусть в злобе

бессильной

Державный убийца нас смертью казнит. . .

Но рабства позором, но тишью могильной

Ему не сковать уже волюшки сильной

Того, кто отмщеньем горит!

За счастье народа, за свет и познание

Подыдем мы много мозолистых рук! . .

Проснулось работников-граждан сознание. . .

Довольно мертвящей нужды и страданья,

Довольно и крови и мук! . .

Что создано потом, что кровью омыто,

Над чем, надрываясь, не спали ночей, —

Довольно вам, хищники, грабить открыто,

Веками вы кровь нашу пили досыта

Под гнетом жестоких царей! . .

Нас много, нас много! . . Вставайте же, братья!

Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали, вставайте же, братья,
И будем борцы — не рабы!..

Евг. Тарасов

..ВОЗНИКЛА В ГЛУХУЮ ЯНВАРСКУЮ НОЧЬ...

...Возникла в глухую январскую ночь
В сердцах, не дождавшихся чуда.
Шепнула: «Отбросьте терпение прочь —
Терпенье и вера не в силах помочь,
Не ждите чудес ниоткуда».

Шепнула и смолкла. И скрылась, и вновь
В сердцах появилась виденьем,
И в них разбудила горячую кровь,
И многие поняли слово «любовь» —
И тянутся руки к камням.

Ей имени нет. Но повсюду, куда
Зброшены бледные люди,
Где жизнь — только стон нищеты и труда,
Где высятся трубы, где есть города,
А в них истомленные груди, —

Повсюду она: то виденьем встает,
То канет в толпу метеором.
Возникнув на севере, всюду зовет
И строит рядами, и кличет вперед,
И жжет загоревшимся взором.

И клич этот громкий как звучный упрек
До чутких сердец достигает.
Смолкают машины, смолкает станок,
И север, и запад, и юг, и восток
Могучими «здесь!» отвечают.

То гром переключки гремит над страной,
То смотр всенародной дружине,
Все дальше, все шире катится волной
«Мы здесь!», «Мы готовы!» — и близится бой,
И стелется дым по равнине.

РУКИ ПРОЧЬ!

Вы к нам пришли и говорите:
«Нам всем идти одним путем.
За нами вслед! Ряды сомкните —
Мы вас к победе поведем.

Враг изнемог. Мы наготове.
За нами вслед! Но вот одно —
Не надо жертв, поменьше крови:
Что ясно нам — для вас темно».

Но кто же вы? Мы вас не знали,
Мы вас не видели внизу,
Где долго искры раздували,
Чтобы в сердцах разжечь грозу.

Где были вы перед рассветом?
Вы не пришли, чтоб нам помочь.
Но вы пришли с своим приветом,
Когда зарей сменилась ночь.

Где ж были вы, когда нас гнали,
Когда в подполье жили мы,
Когда ножи тайком ковали
Под кровом жуткой полутьмы?

Где были вы, когда подполье
На перекрестки вышло вдруг,

Когда в ответ ему за колья
Схватились пальцы грязных рук?

Где были вы, когда мы бились
Под алым знаменем борьбы
И кровью нашей расплатились,
Победу вырвав у судьбы?

Теперь вы здесь: мы вас не знаем,
Вы к нам пришли — не верим вам.
Мы лишь того вождем признаем,
Кто с нами шел, кто близок нам.

Зовете нас идти за вами,
Хотите нам в борьбе помочь —
Но до сих пор вы шли не с нами:
Вы нам враги и — руки прочь!

ПРОЙДИ СТОРОНОЙ

Зови лишь того, кто безумен в любви,
Кто сердцем не раб, а бестрепетный воин;
А тех, кто душою трусливо спокоен,
Оставь, не зови...

Пройди стороной: им дороже всего
Безбурная пристань их жалкого счастья.
А если порою в них вспыхнет участие —
Так что ж из того?

Они нам чужие. Им нас не понять.
Они и в порывах расчетливо скупы.
Пройди стороной: эти люди как трупы,
Им жизни не знать.

Не знать им, что жить — значит верить звезде,
Творить беспокойным, сверкающим словом,
Быть чутким, как сталь, и — как сталь же —
суровым,
Быть цельным везде.

А им — только был бы красивый покой.
А им — было б сердце довольно и радо.
Оставь, не зови их. Не надо, не надо.
Пройди стороной.

ДЕРЗОСТИ СЛАВА

Жить в потемках мы устали.
Мы проснулись, мы восстали —
Слишком долго боя ждали,
 Жаждем жизни молодой.
Прочь беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
 Больше дерзости святой!

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб слепых и черных
В наших домнах, в наших горнах
 Полосой сверкнул металл.
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
 Чтоб металлу дать закал.

Выше факел подымайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь, но держайте:
 Пролетит веков гряда —
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
 Будет взято навсегда.

СМОЛКЛИ ЗАЛПЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ...

Смолкли залпы запоздалые.
Смолк орудий гром.
Чуть дымятся лужи алые,
Спят кругом борцы усталые,
Спят нездешним сном.

Вечер веет над скелетами
Павших баррикад.
Над телами неотпетыми
Гимны скорбными приветами
В сумраке звучат.

Спите, братья, с честью павшие, —
Близок судный час.
Спите, радости не знавшие, —
Ночь в руках у нас.

Все, что днем у нас разрушено,
Выстроим во мгле.
Жажда битвы не задушена
В раненом орле.

Ночью снова баррикадами
Город обовьем.
Утром свежими отрядами
Новый бой начнем.

Спите, братья и товарищи!
Близок судный час —
На неслыханном пожарище
Мы помянем вас!

БРАТЬЯМ

Новый год я встречаю не гордыми, мощными гимнами.
Новый год к нам подкрался среди стынущих тел
мертвецов.

Но молчать не могу. Буду плакаться с вьюгами зимними
Над могилами павших — нам близких и милых — борцов.

Будь я сердцем суровой — лишь мезтью святою
звучала бы

Эта песня моя, увлекая вперед и вперед.

Но неверен мне голос. Протяжной, медлительной
жалобой

Провожая кровавый — для многих не конченный — год.

Сердце слишком полно неотмщенными злыми обидами,
И молчать не могу, — для молчанья не стало бы сил.

Но простите, коль песни мои прозвучат панихидами
Над холмами несчетных — нам близких и милых — могил.

ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО МЫ УСТАЛИ...

Ты говоришь, что мы устали,
Что и теперь, при свете дня,
В созданных наших нет огня,
Что гибкий голос твердой стали
Обвит в них сумраком печали
И раздается, чуть звеня.

Но ведь для нас вся жизнь тревога...
Лишь для того, чтоб отдохнуть,
Мы коротаем песней путь.
И вот теперь, когда нас много,
У заповедного порога
Нас в песнях сменит кто-нибудь.

Мы не поэты, мы — предтечи
Пред тем, кого покамест нет.
Но он придет — и будет свет,
И будет радость бурной встречи,
И вспыхнут радостные речи,
И он нам скажет: «Я — поэт!»

Он не пришел, но он меж нами,
Он в шахтах уголь достает,
Он тяжким молотом кует,
Он раздувает в горне пламя,
В его руках победы знамя —
Он не пришел, но он придет.

Ты прав, мой друг, — и мы устали,
Мы — предрассветная звезда,
Мы в солнце гаснем без следа.
Но близок он. Из гибкой стали
Создаст он чуждые печали
Напевы воли и труда.

ПЕСНЯ О СВИНЦЕ

За днем нескончаемым ночь полусонно
Надела свой звездный венец,
К нам в окна глядит, говорит изумленно:
«Когда же работе конец?»
Конца ей не будет. В густые колонны
Мы строим угрюмый свинец.

Мы света не видим, мы с детства калеки,
Мы отданы в плен одному.
Мы — пленники голода. Голод навеки
Швырнул нас в глухую тюрьму.
И если поднимем усталые веки,
Мы встретим кругом — полутьму.

Мы чахлы и бледны, и пылью свинцовой,
Как ядом, отравлены мы.
Но сгинув в тюрьме, возрождаемся снова:
Нас сотни, нас тысячи, тьмы —
И мы в миллионы крылатое слово
Бросаем из нашей тюрьмы.

И слово зажжет миллионы усталых,
Но рвущихся к воле сердец,
И здесь, на развалинах стен обветшалых,
Воздвигнет роскошный дворец.
Под сенью знамен ослепительно алых
Да здоровствует враг наш — свинец!

НА ВОЛГЕ

За изгибом, над песками встали старые утесы.
Наклонились. Спят иль дремлют? Сказку видят или
быль?

Равнодушен тихий голос полусонного матроса.
Торопливые колеса сеют радужную пыль.
Вновь изгибы. Берег круче.
Нам навстречу мчатся тучи.

То доверчивый, то злобный — громче дробный стук колес:
«Буря близко. Ждать недолго.
Будет буре рада Волга.

Слишком много горя стало. Слишком много в Волге
слез!»

Вьются чайки в темных тучах. Тише ход в опасном
месте.

Выше, сумрачней утесы на нагорном берегу.
Смотрят — хмурятся сурово: получили злые вести
Или думают о мести вековечному врагу?
Солнце в тучах утонуло,
Злобно молния сверкнула.

То крикливый, то напевный — громче гневный стук колес:
«Ждали бури слишком долго.
Будет буре рада Волга.

Слишком душно стало людям. Слишком много в Волге
слез».

МЕЖ ХЛЕБОВ

Я бродил бесконечными нивами,
Меж хлебов, от межи до межи, —
Тех цветов, что зовутся счастливыми,
Я не встретил в поникнувшей ржи.

Убегали волнистые линии
Утомительно пыльных дорог...
«Где вы, милые, нежные, синие,
Не знававшие темных тревог?

Васильки, что зовутся счастливыми,
Отчего средь колосьев вас нет?»
Многознающий ветер порывами
На лету прошептал мне ответ:

«В эти годы меж зрелыми жатвами
Не ищи — не найдешь васильков.
Нивы скованы чьими-то клятвами
И не помнят лазурных цветов.

Зреют медленно грезы неясные,
Нивы жаждут иной красоты,
И в хлебах распускаются красные,
Напоенные кровью цветы».

СТАРЫЙ ДОМ

Воздух к вечеру прозрачен.
Ветер тише. Пыли нет.
Старый дом тревожно-мрачен.
В старом доме поздний свет.
Кто-то щурится пугливо,
Кто-то ходит за окном...

А ведь было: спал счастливо,
Спал спокойно старый дом.
Спали лапчатые ели,
Спали мощные дубы.

На деревне песни пели
Истомленные рабы.
Песни пели. Песни плыли,
Разливались по реке.
Дни за днями проходили
Здесь — неслышно, там — в тоске.
Завтра так же, как сегодня,
А сегодня — как всегда.

Что же — станет посвободней?
Если станет — так когда?
Было время — миновало
И травую поросло.
Старый дом глядит устало.
Птица бьется о стекло.
Тихий парк в ограде древней

По ночам не может спать.
За рекою на деревне
Звонких песен не слышать.
Странно-чуткою дремотой
Все охвачено вокруг.
На деревне ждут чего-то,
Что-то ярко вспыхнет вдруг.

Где-то тень летучей птицы
Промелькнула, замерла.
В старом парке стало тише,
Всюду трепет, всюду мгла.
В старом доме бродит кто-то,
Окна мертвы. Свет погас.

На деревне ждут чего-то.
Ждут, когда свершится час,
Ждут, когда прольются росы,
Звонких песен не поют.
На деревне точат косы,
Эй, вставай, крещеный люд!

БЫТЬ УРОЖАЮ

С каждым днем весны сияющей,
С каждой ночью отлетающей
 Больше жизни по полям.
Меньше пятен снега талого —
Там и здесь как будто алого, —
Чуть живого, запоздалого
 По оврагам, по низам.

Скоро съест его туманами,
Съест его лучами пьяными
 Беспощадная весна.
Легкой дымкой пар потянется —
В поле пахарь не оглянется,
Как от снега не останется
 Даже тени, даже сна.

Только там, где в зиму мглистую
Был он смочен кровью чистой,
 Глянут пятна потемней.
Только там, где в землю талую
Кровь прошла то каплей малою,
То струей, когда-то алою,
 Будут озими пышней.

Колос гуще там подыметя,
Колос с колосом обнимется,
 Думать станет заодно.

От раздумья невеселого
Там колосья склонят головы
И тяжелое, как олово,
Затаят в себе зерно.

ЗАБЫТЬ НЕ МОГУ

Я могу опьяняться немой красотой
Убегающих в темные дали полей,
Я могу задремать многокрылой мечтой
В полумраке столетних тенистых аллей,
Я могу быть недвижимым с недвижимой грядой
Облаков, что горят все светлей и светлей.

Но забыть, что цветы лишь от горечи слез
Так красивы, так ярки на свежем лугу,
Но забыть, что аллеи столетних берез
Рабским потом залиты на каждом шагу,
Что пожары заката — предвестники гроз, —
Никогда я не мог, никогда не смогу.

БУДЕМ СМЕЯТЬСЯ

Смеха не надо бояться.
Слишком мы долго молчали,
Слишком отвыкли смеяться —
Смех благородней печали,
Смеха не надо бояться.

Смейтесь же радостным смехом,
Смейтесь и будьте как дети,
Будьте отзывчивым эхом,
Эхом в горах — на рассвете.
Смейтесь отзывчивым смехом.

Смейтесь в печалях — сквозь слезы,
Слезы желанными станут.
Если далекие грезы
Рано солгут и обманут —
Смейтесь и смейтесь сквозь слезы!

Смейтесь светло над врагами,
Смейтесь, в бою умирая.
Дрогнут враги перед вами —
Трупы врагов попирая,
Смейтесь светло над врагами.

Смех ваш сердца им отравит
Жгучим и медленным ядом,
Смех ваш к земле их придавит.
Смейтесь словами и взглядом —

Смех ваш их ядом отравит.
Справьте поминки им — смехом.
Будет с нас темной печали.
В путь — по испытанным вехам!
Слишком мы долго молчали —
Смейтесь безоблачным смехом!

А. Коц

9 ЯНВАРЯ

Обнажите головы! В этот скорбный день
Над землею дрогнула долгой ночи тень.
Пала вера рабская в батюшку царя,
И зажглась над родиной новая заря...

.....
На устах с молитвою, с верою в груди,
С царскими портретами, с иконой впереди,
Не на бой с противником, не в раздумье злом —
Шел народ измученный бить царю челом.
«Гой ты, царь наш батюшка! Оглянись вокруг:
Нет житья, нет моченьки нам от царских слуг.
От купцов-разбойников, от заводчиков,
От дворян-помещиков и от кулаков...
Все сердца народные выжжены грозой,
Все глаза изъедены горькою слезой,
Мрем в цепях и с голоду... Некуда уйти...
Ты один заступник наш, ты нас защити!..»
Ой, горька ты долюшка, доля мужика,
Да щедра на милости царская рука:
Царь народ свой выслушал с важностью такой,
Ничего не вымолвил — и махнул рукой...
Сорвались с цепей своих стаи царских слуг,
Затряслась от грохота вся земля вокруг,
И покрылась трупами площадь пред дворцом:
Пал народ, накормленный пулею-свинцом.
Ой, затея царская больно хороша!

Наигралась досыта царская душа
И ее опричники. Только с той поры
Чудо сотворилось от такой игры:
Где гроза свинцовая пролилась дождем,
Там, где кровь народная пролилась ручьем, —
Там из каждой капельки крови и свинца
Мать земля-кормилица родила бойца!

КЛЯТВА

«Пролетарии, вперед!
Снаряжайтесь к походу:
Бьет тот час, когда народ
Умирает за свободу...
Пусть же вызов боевой
Только тот подымет смело,
Кто клянется головой
Постоять за наше дело!»
Но в ответ перед вождем
Прогудело по народу:
«Все клянемся, все пойдем!
Грудью ляжем за свободу!»
Из толпы старик один
Молвит, мрачный и суровый:
«С малых лет и до седин
Я влачил свои оковы...
Я поля своих господ
Орошал слезой и потом,
Я весь век, как мой народ,
Изнывал под тяжким гнетом.
С гнезд родимой стороны
Нас опричники согнали,
Для тюрьмы и для войны
Сыновей моих забрали, —
Я молчал... Но в глубине,
Сердце радуя невольню,
Зрела, выросла во мне
Дума крепкая... Довольно!
Наши слезы, кровь и пот
Пролились зловещей тучей,

Принесли свой поздний плод —
Пламя ненависти жгучей.
И клянусь я сединой,
В час кровавой непогоды
С первой ринусь я волной
В бой под знаменем свободы!..»
И, как бури дальний гром,
Прогудело по народу:
«Все клянемся, все пойдем!
Грудью ляжем за свободу!»
«Я кузнец, — сказал другой, —
И душой и телом молод...
Любо мне, когда дугой
У меня играет молот.
В этот миг, сдается мне,
Я спешу на подвиг ратный...
Сам как сталь и весь в огне,
Я кую свой меч булатный...
Пролетарии! Меж нас
Все родились кузнецами...
Бьет наш молот раз за раз
Вместе с нашими сердцами.
Но в тот час, когда рабы
Им куют себе оковы, —
Мы, борцы, лишь для борьбы
Подымать его готовы!..
Как чудовищный паук,
Гнет опутал нас сетями,
Давит тысячами рук,
Рвет железными когтями...
Но из самых недр его
Мы железо вырывали,
Мы свой молот из него
В жарком пламени сковали...
И когда ударит час
Сбросить гнет орды татарской,
Задрожат сердца у нас
Гневом клятвы пролетарской!
И лишь только боевой
Кликнут клич всему народу,
Мы подыдем молот свой
И скуем себе свободу!..»

А. Белозеров

ПЕРВОЕ МАЯ

Братья рабочие! В мире труда,
В этом стихийном горниле кипучем,
Грозно-великом, победно-могучем,
Где раскаляются медь и руда,
Где не смолкают станки никогда,
Есть годовщина для всех трудовая —
 Это рабочее Первое мая!

Первое мая — паденье оков,
Гимн вдохновенный труду и свободе,
Песня о новой заре — о восходе,
Радостный пир пролетарских рядов,
Дерзостный вызов насилью врагов;
Праздник труда — наша воля святая;
 Празднуйте Первое мая!

В этот день, точно по знаку руки,
Смолкнут в заводах везде, без изъятья,
Ропот и стоны, мольбы и проклятья,
Смолкнут фабричные звуки-гудки,
Домны, машины, котлы и станки,
Дрогнет вся сила врагов роковая:
 Празднуйте Первое мая!

Первое мая — праздник весны,
Братский призыв одиноким, усталым,
Клич дерзновенный рабам и отсталым,

Мощный прибой пролетарской волны
Всею необъятной великой страны.
Пусть же несется от края до края:
 Празднуйте Первое мая!

ВОПЛИ МАТЕРЕЙ

(Из военных мотивов)

Довольно, довольно! Мы долго молчали;
Есть скорби конец и терпенью предел.
Вся жизнь наша — чаша скорбей и печали,
Всю жизнь с наших уст лишь проклятья
звучали, —

Таков нашей жизни удел. . .

Смотрите, тираны: от слез наши очи
И блекнут и гаснут, как солнечный день,
Мы плакали днями, мы плакали ночи;
Утеряны силы, — нет более мочи,
И лица бледнее, чем тень. . .

Довольно, довольно! Мы требуем мира,
Конца беспросветной, мертвящей нужды,
Ужель вы не слышите целого мира
Горячий упрек против «Красного пира»
И против позорной вражды? . .

Вы взяли без спроса, отняли насильно
Последнюю радость, надежду, любовь —
Детей наших взяли, терпящих бессильно
И голод и холод, где льется обильно
Людская горячая кровь. . .

Мы слышим, да, слышим их скорбные звуки
В полярных пределах суровой страны.

Мы чувствуем близко их адские муки;
Они простирают к нам трепетно руки...
Отдайте! — то наши сыны.

Напрасно сердца наши бьются так больно;
Напрасно злой голос нам шепчет: «Усни».
Из груди проклятья крик рвется невольно:
Отдайте, отдайте! Довольно, довольно
Безумно-ужасной кровавой резни!..

ПЕРЕД БОЕМ

— Товарищи, вперед! Сомкнись, назад ни шагу!
Проносится сигнал в построенных рядах.
И каждый клятву дал: «Скорей костями лягу,
Чем дать себя на поруганье палачам!»

И шли они... Росли невидимо отряды;
В глазах огонь, и в сердце зрела месть.
А к полудню воздвигли всюду баррикады, —
Сразятся здесь борцы за родину и честь...

Как символ братской крови — алые знамена
Зардели пламенно на поднятых шестах.
Готовы все; ни звука радости, ни стоны,
И только странная улыбка на устах...

Но вот полки врагов. Еще одна минута —
И властно разрешит суровая судьба:
Иль разорвутся навсегда насилья путы,
Иль снова тяжкая, геройская борьба...

— Товарищи, вперед! Сомкнись, назад ни шагу! —
Торжественно звучит по сомкнутым рядам.
И каждый клятву дал: «Пускай костями я лягу,
Чем без свободы жить в позоре и цепях!»

НА БАРРИКАДАХ

День к вечеру клонит, а треск и пальба
Звучат не смолкая. . . Кипит их борьба.
Хоть пушки грохочут, как гром в облаках, —
Стоят они твердо с оружием в руках.
 Под грохот и шум канонады
 Растут, все растут баррикады!

Лежат на дорогах кареты, столбы. . .
Восстали, проснулись рабы. . .
И грозной лавиной, могучей стеной,
Все идут и идут на праведный бой.
 И жертвы не страшны народу, —
 Ведь гибнут они за Свободу!

Их выгнала злая неволя сюда —
Суровый режим-произвол и нужда.
И с криком отчаянья: «Братья, вперед!»
Идет на борьбу возмущенный народ.
 Кругом занимается пламя
 И высится Красное знамя.

Не страшен им лес заостренных штыков,
Не страшны им пули враждебных полков.
Борцы с каждым часом растут и растут
И родине в жертву надежды несут. . .
 Пусть кровь пролилася народа —
 Все ближе святая Свобода!

УЗНИК

Заперты двери железным засовом;
Крепко закованы резвые крылья;
Всюду бряцают со звоном суровым
Цепи насилья. . .

Холодом дышат тюремные своды,
Жуткой тревогой, тоскою могильной;
Все ж не забыл я мечты о свободе,
Узник бессильный. . .

Гордо смотрю я в решетку оконца:
Хмурятся грозно небесные кручи;
Меркнет во мраке горячее солнце;
Сходятся тучи. . .

Если не будет злодейской измены,
Факел надежды борьба не потушит.
Знаю я — эти проклятые стены
Буря разрушит! . .

А. Микулчик

ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Я угрюмый кузнец,
И бедняк и певец;
Я кузнечный огонь раздуваю:
Тяжкий молот судьбы
Для последней борьбы
Я о звонкий чугун накаляю.
 И клинки я точу,
 Я свободы хочу
И за светлую правду сражаться.
Я работать не прочь
И в холодную ночь,
И в могучем бою не сдаваться.
 Я кую и пою, только искры летят
 И, как звезды, блеснув, исчезают.
Я работать хочу для голодных ребят,
 Что в холодной избе умирают.
 Эх, рука, размахнись, чтоб дрожало плечо,
 Не жалеи ни зубила, ни стали,
 Да ударь посильнее еще и еще,
 Чтоб под молотом искры сверкали.

Не верь врагам — они изменчивы, как гады;
Как змеи подлые, и жалят и шипят;
Ломай все старое и разрушай преграды,
Что на пути подгнившие стоят.
Девятый вал идет, последний вал несется,
Он все негодное, все старое снесет, —
Обманутый народ на бой последний рвется
И скоро все оковы разорвет.

Хоть вяжи не вяжи, а все путы свои
Разорву... быть рабом не желаю.
И дави не дави, сильны руки мои,
Я насилие слабых сломаю.
Что ты шутишь со мной, лиходейка-судьба, —
Я без слез, без рыданий страдаю.
Научила меня, закалила борьба:
Я врага, как змею, растерзаю.

А. Богданов

В ПОДПОЛЬЕ

Тов. А. А. Жулковскому.

Свет подпольный, потаенный и скупой, —
День иль ночь вверху — не все ли нам равно?
Глубоко в земле, в камнях, подвал слепой, —
От ишеек скрыто наглухо окно. . .

День иль ночь вверху — не все ли нам равно?
Без разгиба мы работаем тайком,
Строим плотными колоннами свинец.
Наберем, сверстаем, снова разберем —
Что ни буква, то испытанный боец. . .

Близ завода мы работаем тайком. . .
Дружно, мерно буквы строятся в полки.
Торопись, друг, быстрее набирай!
К спеху надобны рабочие листки —
Только раз в году бывает месяц май!

Эй ты, армия труда, не уставай!
Сколько смелых, огневых, разящих слов,
Сколько дум таит убористый петит!
Мы зальем завод потоками листов,
В каждой букве, в каждой строчке — динамит! . .

Больше, больше огневых разящих строк!
Свет подпольный, ров подземный прячут нас. . .
Не нагрянули б в подполье невзначай!
Торопись же, не смыкай в работе глаз,
Только раз в году бывает Первый май!
Эй ты, армия труда, не уставай!

ПОСЛЕ БОЯ

Декабрьский день... Пожаром даль объята.
В морозном воздухе так внятен каждый звук —
Вот лопнула свистящая граната
И жадно смерть рассыпала вокруг...
В пороховых дымках мелькают смутно люди,
На шпильях и крестах трепещут багрецы.
Устали, сражены рабочие-бойцы,
И не смолкает гул грохочущих орудий,
Неутолимых жерл чугунный вой и зык...
Погибли те, что тьму геройством озарили,
Чей в смерти и в борьбе еще прекрасней лик.
Москва — великая в своей кровавой были!
Как скорбно сумрачен вид баррикад пустых!
Кровь, щебень и песок смешались на них,
Но зверем рыщет враг, насилуя и мстя:
На окровавленных и оснеженных плитах
Среди вечерних жертв, холодных, непокрытых, —
Сраженное безвестное дитя...
Вы, палачи, властители земли,
Облекшиеся в пурпуры и злато!
Как вы посмели, как могли
Вонзить свой штык в трудящегося брата?
Вы, наводящие на все живое трепет!
Как смели вы прервать невинный детский лепет
И погасить лучи лазурных кротких глаз?
Проклятьем вечности я проклинаю вас...

Ш. Эдиет

НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ...

(Памяти жертв 9 января)

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И целует болотный туман...
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки одну за другою
С мертвецами носили сюда,
Как от брошенных тел под землю
Расступалась со свистом вода.
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок,
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног...
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),
Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...

Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютились — счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган.
Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..
На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полет;
Как, измучившись тяжкой борьбою
И неравной, — толпа подалась,
Как кровавое знамя родное
Казакom было втоптанo в грязь...
Но зловещие птицы узреют —
И близка уже эта пора! —
Как кровавое знамя завеет
Над вершиной родного холма!..

БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ ПОЕМ МЫ СЛАВУ...

Нас много! Как волны морские
Идет за миллионом миллион...
И блещет горячее солнце
В изгибах кровавых знамен...

Нас много! Милльон за миллионом
Идем мы вперед и вперед!..
Нам трусость могилы вещает,
Свобода ж победно поет:

«Смелее! Не падайте духом,
Скорбя о своих мертвецах,
Пусть ярче и ярче пылает
Отвага в безумных сердцах!..»

Пусть ярче и ярче пылает
Огонь вдохновенных очей
И крепче сжимают ладони
Железо разящих мечей!..»

Смелее! Мы к цели великой
Стремимся, опасность презрев, —
Колышутся красные волны,
И грозный несется напев!

И — дети Свободы — к Свободе
Идет за миллионом миллион...
И блещет безумное солнце
В изгибах кровавых знамен!..

И. Привалов

НЕ ТАЛАНТОМ МЕНЯ НАДЕЛИЛА СУДЬБА...

Не талантом меня наделила судьба,
А тяжелой, суровою долей.
Сын крестьянина я, крепостного раба,
Рано свыкся с кручиной-неволей.
На господских полях хоть спины я не гнул,
Но с нуждою с пеленок сроднился.
Присучальщика с детства я лямку тянул,
Я и грамоте кой-как учился:
Время крал от труда да от темных ночей,
Пробивая к сознанию дорогу;
При охоте да помощи добрых людей
Научился писать понемногу.
Не затем я пишу, чтобы славу добыть
Иль на черные дни сбить копейку.
Я пишу для того, чтобы гнет позабыть,
Позабыть и судьбу-лиходейку.
И как только мне станет работа невмочь,
Грусть-кручину не хватит несть силы
И заглянет в окно непроглядная ночь,
Я берусь за перо и чернила,
И всю скорбь, и всю боль, и всю горечь тоски
На бумаге я все изливаю.
Часто плачу... Бумагу я рву на куски
Или тут же на свечке сжигаю.

ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНИЯ О ДУМЕ

(6 августа)

Нас в Думу обошли —
С соизволения трона
Блюстители закона
Нас лишними нашли.
Ну что же, не беда!
Ведь нам не привыкать,
Что нужно силой брать:
Мы милостей — да, да —
Не ждем ведь как подачку,
А требуем. Протест
Пошлем с работы, с мест,
Не то — заявим стачку.

Примеры на глазах,
Слепой их лишь не видит.
Нет, власть нас не обидит:
Пусть в горе мы, в слезах,
Но все сознали мы
Борьбы значенье правой.
И равенство и право,
Чтоб выйти нам из тьмы,
Не бросят как подачку,
Да мы ведь и не ждем,
Сейчас протест пошлем,
Не то — заявим стачку.

Что ж! Пусть нам в Думу дверь,
Как лишним и ненужным,
С спокойствием наружным
Закрыла власть теперь.
И пусть мы не любимы
Ни властью, ни судьбой, —
Мы все возьмем борьбой,
Что нам необходимо!
Не верим мы в подачку,
В борьбу мы верим, в труд,
Что ж, в Думу пусть идут,
А мы заявим стачку.

ДРУЗЬЯ! ДОВОЛЬНО СЛЕЗ И СТОНА...

Друзья! Довольно слез и стопа...
Довольно... Все на бой пойдем.
И дружно, смело, неуклонно
Свободу вырвем иль умрем!
Нам все равно. Нет больше силы
Так жить, сносить ярмо невзгод,
Нам, право, легче прах могилы,
Чем эта жизнь, чем этот гнет.
Вперед! К чему теперь сомненья?
Одно осталось нам решить:
Нам нужно, чтоб стряхнуть стесненья,
Иль умереть, иль победить.

Мы много ждали... Долго жили...
Давил, теснил нас капитал.
Побои, голод — всё сносили.
Теперь довольно — час настал.
Пришла пора. Законной мести
Взошла багровая заря.
Друзья! Умрем, быть может, вместе
Иль вырвем право у царя.
Во имя равенства и братства
Одно осталось нам решить:
Нам нужно, чтобы сбросить рабство,
Иль умереть, иль победить.

Вперед, друзья! Вперед без страха!
Отбросим гнет; исчезнет тьма.

Нам ни почем ни смерть, ни плаха,
Вся наша жизнь ведь как тюрьма:
Вдали от света, от природы
Мы, словно пасынки судьбы,
Живем без права, без свободы,
Всегда под страхом, как рабы.
Чтоб равным быть, чтоб жить свободно
Одно осталось нам решить:
В борьбе великой, всенародной
Иль умереть, иль победить.

ПРЯДЬЩИКИ

*Написано после 9 января
(Подражание Гейне)*

Не плачем мы, нет, не поможешь слезами,
Стоим у машин и скрежем зубами,
Укоры шлем небу и горькой судьбе.
Россия, проклятие шлем мы тебе,
Тройное проклятье, как мачехе, шлем,
Прядем мы день целый, прядем!

Прядем не затем, чтобы шли наши нитки
Франтихам-кокеткам на тальмы-накидки;
Затем мы прядем от зари до ночи,
Чтоб саван покрепче соткали ткачи;
На саван, Россия, тебе мы прядем,
И сучим, и крутим, и крепко мы вьем!

Проклятие небу, обмануты мы...
Оно не спасло нас от пуль и тюрьмы,
Нам не дало помощи в час роковой,
Напрасно к нему обращались с мольбой:
К подавленным, бедным нет жалости в нем.
Прядем мы день целый, прядем!

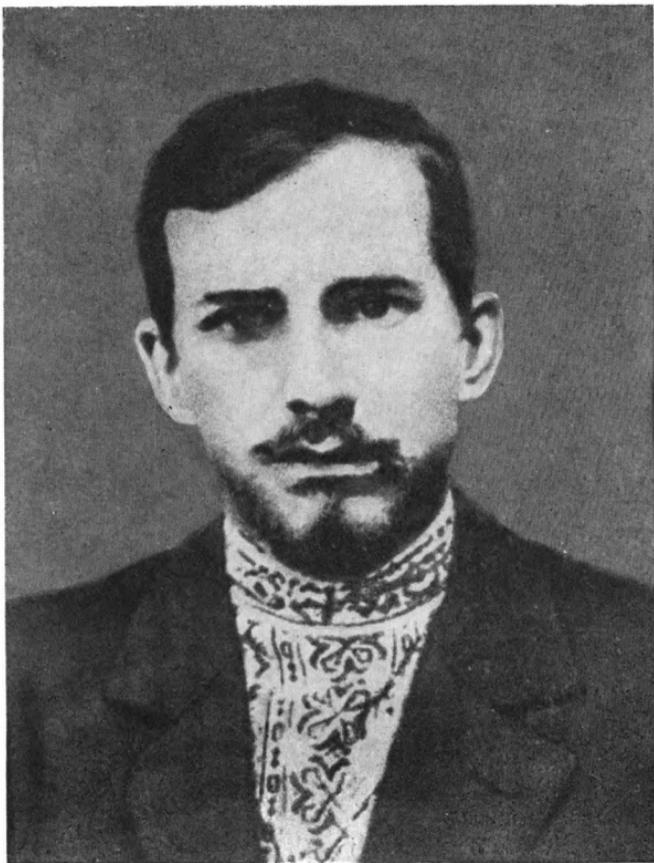
Проклятье царю всех довольных и сытых,
Он нас не жалеет, нуждою забытых.
Последний кусок отнимает у нас,
Стрелять в безоружных он отдал приказ,

Знать, голод-то выжечь хотел он огнем.
Прядем мы день целый, прядем!

Проклятье купцам, фабрикантам, богатым,
Всем этим сутягам и скрягам проклятым,
Что наши копейки, гроши обирают,
Век целый теснят нас, с сумою пускают
И нашим живут непосильным трудом.
Прядем мы день целый, прядем!

Проклятье тебе, о наш край лицемерный,
Где царствует голод да гнет беспримерный,
Где правит нагайка, а властвует кнут,
Где горек, печален, невыгоден труд,
Где стонет рабочий и ночью и днем.
Прядем мы день целый, прядем!

Машины прохочут, поют веретена,
Подняв кверху нитки, как будто знамена,
Не песню поют они — марш похоронный.
России кабальной, бесправной, стесненной.
Тройное проклятье, как мачехе, шлем.
Прядем мы день целый, прядем!

А В. Луначарский

БЕЗРАБОТНЫЙ

(Посвящается Петербургской городской думе)

.
Работы дайте мне, работы!
Работы жду как манны с неба,
Живу, как зверь лесной, без хлеба.
И истомленный и голодный,
В каморке тесной и холодной
Я сохну, вяну день от дня...
Нет больше силы у меня
Так жить среди горя да заботы.
Работы дайте мне, работы!

Подачки вашей мне не нужно,
Прикрытой жалостью наружной;
Билета нищих и калек
Не нужно мне — я человек,
Культуру в сердце я ношу,
Я требую, а не прошу,
К труду я предъявляю счеты.
Работы дайте мне, работы!

Я ловок, смел, к труду приучен.
Я безработицей измучен
И доведен до иступленья.
Ковать, точить, сверлить каменья,
Сгружать зерно на берегу,
Пилить, рубить — я все могу,
На все сил хватит и охоты.
Работы дайте мне, работы!

И я такой же сын страны,
И я лелею в сердце сны,
Сны жизни радостной и правой.
Я, как никто, имею право
На труд, на счастье и на радость.
Без времени узнал я старость,
И гнет нужды, и гнет заботы.
Работы дайте мне, работы!

Я век трудился без конца,
Хлеб добывал в поту лица,
Сносил и штрафы и муштровки.
Я обречен на голодовки
Тупую властью. Может быть,
Она не хочет позабыть,
Что стал сводить я с нею счеты.
Работы дайте мне, работы!

От власти требую себе,
Назло богатым и судьбе,
И уваженья и участия.
Ведь я — кузнец добра и счастья,
Свободы друг и сын борьбы,
Кормлю всех баловней судьбы,
Им тку парчи и позолоты.
Работы дайте мне, работы!

Не все ж без хлеба мне томиться!
Я жить хочу, хочу трудиться,
Свободным, честным кончить век.
Ведь я не зверь, я — человек,
Культуру в сердце я ношу,
Я требую, а не прошу,
К труду я предъявляю счеты.
Работы дайте мне, работы!

КУЗНЕЦУ

(А. П—ву)

Куй, кузнец, борись с невзгодой,
Куй назло судьбе!
Куй, выковывай свободу
Да права себе!
Куй! От долгого сна
Пробудилась страна.

Народ в битву с произволом
Шлет за ратью рать.
Пока красное железо,
Надобно ковать.
У горна стой, кузнец,
. ;

Как работник-боец!
Обновленья ждут в заводе,
Ждут и у сохи.
Не давай железу стынуть,
Раздувай мехи!
Нагревай, раздувай!
Остывать не давай!

Кузнеца нужна работа,
Его важен труд.
Грей краснее, бей сильнее!
После разберут:

Каждый стук молотка
Ценить будут века.

Куй, кузнец, борись с невзгодой,
Куй назло судьбе!
Куй, выковывай свободу
Да права себе!
Молотком ты стучи,
День и ночь куй мечи.

А. Луначарский

К ЮБИЛЕЮ 9 ЯНВАРЯ

Отец был набожный старик:
«Нам бог одно спасенье! —
Бывало скажет. — Без него
Снести ли все мученья? ..
Эх, паря, царь забыл про нас!
Царю живется сладко...
А перед богом — вот горит
В углу моя лампадка...
Без хлеба я готов сидеть —
В лампадке было б масло,
Пойду и в рваных сапогах,
Лампадка б не погасла.
Затем, что, паря, за народ,
За все его страданья
Горит пред господом в углу
Лампада упованья.
И верю я: придет тот день,
Господь царя пробудит
И скажет: «Глянь-ка на народ!
Его-то кто ж рассудит?!»
И царь придет на помощь нам,
По правде все устроит:
Заводчиков посократит,
Рабочих успокоит».
И смотрит в угол мой старик,
Где образа сияют...

«Да, будет день... Да вот когда?
Про то на небе знают...»

По воскресеньям он ходил
В рабочее собрание;
Хвалил попа, который там
Им делал увещанья.

«Хороший поп — отец Гапон,
И нам добра он хочет...
За нас теперь перед царем
О чем-то там хлопочет».

Однажды он пришел домой
Серьезный, величавый:
«Ну, парень, — говорит, — теперь
Восстал на кривду правый!..

Выходит так: невольно!

Народ-то измотался... .

И вот идти к царю с попом

И с просьбой догадался.

Царю хотим мы бить челом,
Чтоб больше дал свободы,
Чтоб дал рабочему вздохнуть:
Загрызли нас невзгоды.

Сверх сил работаешь, как вол,

Пока силен да молод,

А вот измыкался, ослаб —

И в дверь стучится голод.

Кругом обсчет, кругом обман,
Еще тебя ж ругают.

А стачкой станут — казаки

Рабочих избивают...»

Задумался седой старик:

«Тебе-то тоже надо,

Хоть ты парнишка молодой,

Идти со всей громадой.

Иные, правда, говорят,
Что в виде обороны

Прикажут в нас палить войскам, —

Да как палить в иконы?

Отец Георгий впереди

Пойдет с крестом, при этом

Хоругви тоже понесем

С царевым со портретом.

Уж если б стали в нас стрелять,
Сам бог бы грянул с неба!
За что? Что батюшку царя
Мы просим дать нам хлеба?..»

И вот настал тот страшный день.
Коль был бы бог на деле,
То тучи, кровью налиты,
Всё небо бы одели.

Но день был ясен, в куполах
Сияло солнце, чистый
Сребристо-белый снег лежал
Постелею пушистой.

И стройно пел рабочий хор,
Хоругви колебались;
Был важен вид у всех мужчин,
А бабы улыбались.

На сердце гордо и легко:
К царю пошли честь-честью,
И с правдой-маткою пошли,
А не с придворной лестью.

Старик отец идет с сынком:
«Народа глас — глас божий!
Царю напомним о себе,
И бог напомним тоже...»

Эх, парень! Сила ведь народ!..
На сердце даже сладко...
Терпел-терпел, да и пошел
К царю он с правдой-маткой!

Теперь мы лучше заживем,
Как скажем государю
Что приходилось нам терпеть.
Уж легче будет, паря!..»

Вдруг крики: «Стой, честной народ!
Ведь впереди застава,
Стоит готовая на все
Казацкая орава».

Вперед выходит из толпы:
«К царю хотим с поклоном...»
«Пускать не велено к царю:
Смириться пред законом!

Приказано вам разойтись
Немедленно и смиренно...»

С царем, как барам, говорить
Вам будет слишком жирно!»
И засмеялся генерал,
Нагайкою махая,
И ропот слышится в толпе
И ненависть глухая.
 «Постой, парнишка, погоди,
 Неладно, вижу, что-то...
 Прислали кучу казаков...
 Вот с ружьями пехота...
Нет, надо им растолковать:
Не зря идем, не спьяну».
И вот вперед идет старик
К расшитому кафтану.
 «Послушай, милый человек,
 К отцу идем как дети,
 Затем, что больше невтерпеж
 И жить нельзя на свете...»
«Поговори, поговори! —
Кричит тот негодуя. —
Вот прикажу в тюрьму сволóчь
За бороду седую!
 Назад скорей, не смей чинить
 Своим властям помехи,
 А то узнаете — вкусны ль
 Свинцовые орехи!»
Старик в слезах пред наглецом
Склонил свои колени:
«Пусти народ к царю-отцу,
Услышь мои моления!..
 Я стар и скоро уж помру,
 Мне бунтовать не к летам,
 Но жить нельзя — к царю пусти
 За хлебом и советом!»
Рожок в ответ ему сыграл
Зловещие сигналы:
За ружья взялись казаки,
Смеются генералы.
 «Вперед-ка, братцы, не робей! —
 Кричит старик. — Все шутка!
 А ну-ка, выстрели в портрет?
 В икону бацни? Ну-тко?! .

Чтоб православная рука
Поднялась на святыню?!
Тогда сам бог испепелит
Безбожную тордыню!»
И светел, весел он идет,
И с ним сынишка рядом,
За ним толпа... Вдруг грянул залп!
Сыпнулись пули градом...
И белый снег, пушистый снег
Залился кровью красной,
И крики боли, злобы вопль
Раздался жгучий, страстный...
Упал старик, сраженный в грудь, —
Убит царем кровавым,
И бог не мстит с своих небес
Своим рабам лукавым!..
Повсюду кровь, смятенье, смерть,
Звучат угрозы, стоны,
А на краснеющем снегу...
Разбитые иконы.
А небо ясно и глядит
С веселостью бездушной...
И понял в этот миг отец,
Что ложь твердил послушно.
А сын склонился над отцом,
Весь трепетом объятый:
«Послушай, сын, не други нам
Ни бог, ни царь проклятый!
До правды ты таки дойдешь!
Не удержать народа...
Иди вперед — там ждет тебя
Рабочая свобода!..»
Прошло полгода — и смотри,
Как вырос мальчик скоро, —
Серьезно, смело он глядит
И ждет конца позора.
«Не ныне — завтра, все равно
Придет пора восстанья.
Час мести, мой веселый час, —
Исполнятся желанья!
Мы не иконы понесем,
Пойдем мы не с портретом,

А бомбы, ружья, динамит
Вам запремят ответом!
И не хоругвь над головой
Завеет златотканый —
Мы знамя красное взовьем,
Великий стяг наш бранный...
И не псалмы мы будем петь,
А «Марсельезу» грянем:
Социализм — наш идеал,
И мы его достанем!..
Оставим небо воробьям,
Но землю завоюем
И на развалинах темниц
Толпами заликуем.
И падших братьев помянем,
Отцов, в бою сраженных,
И им колонну отольем
Из пушек побежденных!»

ДВА ЛИБЕРАЛА

По Невскому с видом уныло-больным
Шли медленно два либерала,
Убитые мыслью, что в бороду им
Правительство вновь наплевало.

«Мой друг Петрункевич! — сказал Трубецкой. —
Нас царь околпачил прескверно,
И земцы и думцы смущенной толпой
Нас встретят укором, наверно.
Предчувствую я: социал-демократ
Начнет зубоскалить над нами,
И Струве, наш верный и мудрый собрат,
В Париже зальется слезами.

Довольно приличен был царь на словах,
За завтрак я сел с аппетитом
И с радостью в княжеском сердце... но, ах!
Надежды жестоко разбиты!
В бумажке печатной царь все переврал,
Лишил свои речи значенья...
О, плачь, Петрункевич, о, плачь, либерал!
Исчез этот миг упоенья».

В ответ Петрункевич, качнув головой,
Сказал: «Не в слезах наша сила!
Ты видишь — рабочий поднялся на бой
И буря в деревне завывала.
Пусть веет дыханье народной грозы
На парус ладьи либеральной, —
Тогда-то, юля на манер егозы,
Проникнем мы в порт феодальный.

Хоть страшен и земцам анархии взрыв,
Но трону страшнее он вдвое,
И, только союз меж собой заключив,
Мы властвовать можем в покое.

Верховная власть это скоро поймет

И сделает шаг нам навстречу;

И я либерал, но в душе патриот,

На скидочку скидкой отвечу.

Тогда мы стихию смирим, Трубецкой,

Наступят иные порядки!

Недаром лакей из дворцовой людской

Поднес мне вот эти перчатки;

Ежовых прошли времена рукавиц,

И в этой перчатке лакейской

Уйдем мы теперь необузданных лиц

Манерой уже европейской.

Да, царь призовет нас, я верю, к себе:

Нас ждут министерские кресла!

Тогда препояшут и мне и тебе

Мечом либеральные кресла!

Порядок строжайший мы будем хранить

Совместно с второю палатой:

Прогресс должен медленным, медленным быть, —

Так мыслит помещик богатый.

Мать прочности — медленность! — вот что

гласит

Смысл всех вековых конституций,

И то же в твореньях своих говорит

Китайский философ Конфуций.

Не бойся же, княже! Не пал либерал

От царственной лжи безобразной, —

Я даже и в «Искре» на днях прочитал:

«Власть будет всегда буржуазной!»

Е. Нечаев

МОЙ ХРАМ

Мой храм — не мраморное зданье
С изображением богов,
Куда жрецы на покаянье
Зовут обманутых рабов,
Твердя упорно о терпении,
Зеленым ладаном куря,
Где замогильным веет тленьем
От потных стен до алтаря.

Мой храм — не в пряной чаше бора,
Не в сени дремлющих дубрав,
Не на полях среди простора,
Где четок шепот сочных трав;
Не под чепцом забытой хаты,
Соседом срытой за долги;
Не в мозаических палатах —
Покоях царского слуги.

Мой храм не блещет украшеньем
На диво сотканых шелков
И одаренной вдохновеньем
Работой славных мастеров.
Мой храм — убежище разутых
И обезличенных нуждой,
Гигант-шалаш дырявый — гута,
Начальных песен ключ живой!

ГУТАРЯМ

(Н. Д. Лытневу)

В адском пекле, в тучах пыли,
Под напев стекла и стали,
За работой, на заводе,
Песен звонких о свободе
Мы начало положили.

А мотивы к песням этим
На рассвете
Нам дубравы нашептали.

Чем дышали и болели,
Проливая пот и слезы,
Выход к светлому простору,
Что орлам лишь видеть впору,
В единеньи усмотрели. . .

А идти стальной стеною
Смело к бою
Против зла — внушили грозы.

С. Басов-Верхоляцев

ИЗ ПОЭМЫ „КОНЕК-СКАКУНОК“

.. Как во городе столичном,
Во дворце живет отличном
Царь страны той Берендей
(Пятьдесят под ним царей).
С ним живут и две царицы,
Две Заморские Синицы:
Берендея мать — одна,
А другая-то — жена.
Есть еще у них приплод —
Сын-наследничек растет.
Все живут — который год
Без печали, без забот,
Сладки вина попивают,
Виноградом заедают.
На готовом царь живет,
И идет ему доход:
Получает он зарас
Сорок тысяч рублей в час.
Не берет совсем бумажек —
Ни рублевок, ни сотняжек,
А берет он только злато
(Знать, страна его богата),
Корабли им нагружает,
В банк за море отправляет.

В этом царстве есть преданье,
Что в тот день, как на престол

Берендей царем взошел,
Вышло будто предсказанье:
«Девять лет он в тишине
Будет царствовать в стране,
На десятом же году
Повстречает он беду».
А как раз десятый год
С той поры уже идет.
Мудрено ль, что Берендей
Стал ночей не досыпать
И с супругою своей
Поздно ложе покидать.

Было так и в этот раз.
Не успел продрать он глаз,
Как услышал донесенье:
«Царь, в столице возмущенье.
На дворец толпа идет —
Правды требует народ...»
Царь что скатерть побледнел,
На чердак бежать хотел.
Заметался царица,
Как подстреленная птица:
«Ахти, батюшки, беда!
Что нам делать, господа?»
Глядь, дворцовый воевода
Им кричит уже от входа:
«Ты не бойся, наш властитель,
Не возьмут твою обитель:
Я на тех бунтовщиков
Приготовил казаков
Да поставил за ворота
Роту гвардии — пехоты».

Посмелел тут царь немножко,
Глянул он в свое окошко:
В самом деле, у сеней
Видно множество людей, —
Не дворяне, не купцы,
Поголовно простецы:
Хлеборобы да ткачи,
Кузнецы да копачи,

С. А. Басов-Верхойнецв

Слесаря и токаря,
Пушкари и пекаря, ---
Все хотят узреть царя.
И юнцы и бородаты,
От трудов своих горбаты,
Собралось народу — страсть!
Негде яблоку упасть.

Эх, напрасно ждать царя!
Ничего не говоря,
Берендей глазком мигнул,
Белой ручкой шевельнул —
Налетели гайдуки
И донские казаки,
С криком врезались в народ.
Всадник плеточкой сечет,
Конь его зубами рвет.
От казачьих тех наград
Врассыпную стар и млад.
А казак один Ивану
Задал сабелькою рану.
Да Иван не растерялся,
В лапы кол ему попался.
Вот и стал он тем колком
Поворачивать кругом.
Кол пришел ему с руки, —
Берегитесь, казаки!
Ваня в сторону махнет —
Целу улицу метет,
А в другую повернет —
Переулочек кладет.
Казаки тут отступали
И Ивана пропускали.
Кое-кто еще за ним
Вышел с поля невредим.
Да немногие успели
Без увечья убежать.
Вскоре ружья загремели:
Царь велел в народ стрелять.
Час, не больше, пролетел,
Навалили груды тел.

Заиграл рожок отбой.
Царь доволен сам собой,
На крыльцо к войскам сходил
И работу похвалил:
«Ой, гвардейцы и донцы,
Вы, ребята, молодцы!»
Всем поднес по чарке водки,
На закуску дал селедки.
А по площади потом
Все дозор ходил кругом:
Перебитых подбирали,
Кровь песочком затирали.

Вот прошло деньков немало,
И, очухавшись, народ
Вновь сбираться стал на сход.
Многих душ не доставало:
Тот на кладбище лежал,
Тот в больнице умирал,
А иной попал в острог
И кормил там царских блох.
Крик пошел, как на базаре:
«Виноваты-де бояре, —
Кто не знает? — с давних пор
Ими полон царский двор.
Их проклятая порода
Обижает люд простой.
Берендей же для народа
Рад стараться всей душой.
Коли б он про все мог знать,
Вышла б тут иная статья».
Час и два галдит народ,
Дело все на лад нейдет.
Кто кричит: «Без промедленья
Настрочить царю прошенье!»
Кто советует опять
Ходоков к нему послать.

Был на сходке и Иван
(Излечился он от ран).
Слыша, как галдит народ,
Он и ухом не ведет,

Знай свистит себе в кулак,
Будто это надо так.
Говорят ему: «Ванюша!
Если знаешь что, так слушай, —
Ты нас толком научи,
Без пути же не кричи».
На забор Иван взмогился
И к народу обратился:
«Был я, братцы, на заводе
(У меня с ума не сходит),
Крылся там у старика,
По прозванию Кулика!
Ну Кулик!

Ростом мал, умом велик.
Ведь простой заводский токарь,
А послушать — он те во как
Растолкует все права.
Золотая голова!

Эх, братва!
Будет горла-то вам драть!
Надо дело начинать.
Вот вы всё других вините,
Несудом бояр браните —
Нынче то же, что вчерась.
Плюньте вы на эту мразь
И признайтесь, ребята,
Что вы сами виноваты.
Кто на службе у господ?
Кто ж? — да мы, простой народ!
Воевода ведь не сам
Дал намедни трепку нам.
Гайдуки и казаки —
Это те же мужики.
Да куда ни повернись
И за что ты ни возьмись —
От лачужки до хором
Свет устроен на одном —
На крестьянской на породе,
На рабочем на народе:
Он и пашет и кует,
Всем идет с него доход —
И царю, и его сыну,

И купцу, и дворянину;
Лезет поп к нему ж на спину.
Забастуй он — сразу, брат,
Господишкам выйдет мат!
Да и царь наш Берендей
Примет нас тогда скорей
И узнать он пожелает,
Отчего народ страдает».

Словно прорвало тут сходку,
Закричали в одну глотку:
«Вот что верно, так уж верно!
Воевода сам, примерно,
Не сумеет шей сварить,
А не то что нас побить!»
Порешили в тот же час
Забастовку сделать враз.
И с завода на завод
Всех пошли снимать с работ.

Стали фабрики, заводы,
Поезда и пароходы.
Ни капусты, ни муки
Не подвозят мужики.
Пекарь булок не печет,
Дворник улиц не метет.
У царя, у Берендея,
Разбежались все лакеи:
Ни кваску испить подать,
Ни лучины нащепать.
И стоит его дворец
Что неубранный мертвец.

От бунтарских тех затей
Взвыл на троне Берендей.
От одной бессонной ночи
У него ввалились очи.
Войск в столице было мало, —
Знать, начальство оплошало.
Что тут делать, как тут быть?
Чем тут горю пособить?

У царя в то время жил
Злой кудесник: с низу — поп,
С головы — царев холоп.
Царь им сильно дорожил.
Колдуну уже сто лет,
Лыс и худ, как скелет.
Берендей к нему бежит,
Крепко в дверь его стучит:
«Ты скажи-ка нам, отец,
Аль приходит наш конец?»
Чародей в то время в келье
Кипятил в кастрюле зелье.
Дверцы он приотворил
И царю проговорил:
«В этот раз беда пройдет.
Больно темен твой народ;
Дури в нем еще нет сметы...
Есть хорошие приметы:
Над кастрюлей пар клубится,
А в кастрюле кровь варится...
Бой на улицах пойдет,
Брат на брата нападёт...
А теперь к себе ступай,
Доварить мне зелье дай;
Сядь на трон свой драгоценный,
Собери совет военный».
Царь домой несется вскачь,
Инда пол под ним горяч.
На совет военный тот
Он сенаторов зовет,
Генералов, воевод.

Сам его преосвященство
Прикатил от духовенства.
«Ой, графья мои и слуги!
Я позвал вас для послуги:
Надо, братцы, нам смекнуть,
Как народ в дугу согнуть.
А не то ведь он как раз
В шею выгонит всех нас,
Вместе с свет моей царицей,
Со Заморскою Синицей.

Да и вам не сдобровать,
Коль начнет он бунтовать».
Посудили, порядили, —
Ни на чем не порешили.

Вдруг поднялся воевода,
По прозванию Сысой.
Он незнатного был рода,
Только чин имел большой,
А в такую честь попал
Потому, что надувал
Лучше прочих воевод
Берендеевский народ
И бессовестно божился.
Вот царю он поклонился
И повел такую речь:
«Смуту можно враз пресечь,
Пресветлейший Берендей!
Манифест издай скорей:
Объяви всему народу,
Что даешь ему свободу.
Пусть про верных слуг твоих,
Про чиновников лихих,
В деревнях и в городах
На письме и на словах
Говорит, что знает всяк —
Будь он умный, будь дурак, —
Не боясь за то попасть
В волостную али в часть.
Этим родом, посмотри,
В две недели али в три
Ты узнаешь, кто буян,
Кто мятежник, кто смутьян.
Пусть себе кричат они,
Ты лишь время протяни
Да гляди не оплошай,
Войск поболе собирай.
Мы же той порой смекнем,
Как управиться со злом».
Просветлел лицом тут царь,
Стал он весел, как и встарь.

«Ой ты гой еси, Сысой,
Воевода славный мой!
Вижу, служишь ты мне верно,
Не ударил в грязь лицом.
Награжу тебя примерно:
Графским чином и крестом».

Порешили дело в час,
И подписанный указ
Повезли во все концы
Государевы гонцы.
Царь писал: «Отныне мы
Отрекаемся от тьмы.
Девять лет из года в год
Притесняли мы народ,
А теперь конец мытарству,
Пусть везде у нас по царству
Всякий смело говорит,
Что душа ему велит,
Про царевых воевод.
Знайте все, что наперед
За такие обличенья
Вам не будет утеснения, —
Станем царствовать законно.
Наша воля непреклонна,
И порукою мы в том
Слово царское даем».
А указу в подкрепление
Тут же вышло повеленье:
Хочет, дескать, Берендей
Видеть выборных людей —
От сословий, областей.
Эту выборную рать
Будут Думой величать,
Чтоб царю зимой и летом
Бегать в Думу за советом,
А без Думы той согласья
Не царить и одночасья.

Только лишь простой народ
Про указ прослышал тот,

Все ожило, встрепенулось,
Царство сонное проснулось.
В ход пошли опять заводы,
Запыхтели пароходы.
Паровозы громко свищут,
Пассажиров к себе кличут.
Пекарь булочки печет,
Дворник улицу метет.
И на радости такой
Стал народ как бы шальной.
Люди в кучи собирались,
Как в христов день целовались
И ходили до полночи,
Протирая себе очи,
Манифест царев читали
Да «вра» царю кричали,
И чтоб часу не терять,
Стали в Думу выбирать;
А в числе других Иван
Депутатом был избран.

Вот прошло две-три недели,
В небе тучки зачернели,
А черней свинцовой тучи
Берендей сидит могучий.
Он сидит в своем дворце,
На престоле и в венце.
А с ним рядом две царицы,
Две Заморские Синицы,
Словно облачки грустны,
Слезки в их очах видны.
Что же так царя тревожит?
Что его сердечко гложет?
Что! Конечно, не безделка!
Вышла в войске перестрелка:
Полк один стал за народ,
А другой — за царский род.
«Что ж так долго нет Сысоя?
Жду его к себе давно я!» —
Закричал в досаде царь.
Каблучком пристукнул о пол
И ладошками захлопал:

«Эй, гонец, скорее жарь,
Разыши ты мне Сысою
И доставь в мои покои!»

Только молвил, глядь — Сысой
Объявился сам собой,
Словно лист перед травой.
«Гой ты, раб лукавый мой,
Воевода наш Сысой!
Обманул ты нас с царицей,
С свет Заморскою Синицей,
С нею весь наш царский род. —
Взбунтовал ты нам народ!
И, что вовсе уж не гоже,
Взбунтовал и войско тоже.
Ведь я слышу за стеной
Нам кричат: «Долой, долой!»
Уж вломились депутаты
В наши царские палаты,
Говорят, что мы не в воле
Никого казнить уж боле.
Дай же мне теперь ответ:
Царь я больше али нет?»

Воевода не смутился,
Царю низко поклонился,
На него глаза возвел
И такую речь повел:
«Пресветлейший Берендей!
Верен я семье твоей —
И тебе и двум царицам,
Двум Заморским тем Синицам,
И всему их верен роду.
Не мирволил я народу,
Я ночей не досыпал,
Войско, гвардию собирал.
Не грусти, надежа царь!
Веселися, как и встарь,
И возьми себе ты в толк —
Усмирен мятежный полк;
Остальные же полки,
Наши верные стрелки,

За тебя в огонь и в воду,
Где ж осилить их народу!
Все назад ты можешь взять,
Что ему изволил дать».
«Вот люблю такую речь!
Как гора свалилась с плеч!» —
Закричал тут Берендей
И добавил поскорей:
«Да и Думу тож пора
Гнать метлою со двора». —

«Государственную думу
Мы разгоним, царь, без шуму».

Тут же отдали приказ
Написать другой указ.
В час все было уж готово.
Вот указ тот слово в слово:
«Войску выступить в поход,
Усмирить везде народ.
Крикунам плетей отвесить,
Всех ораторов повесить,
Депутатов же схватить,
По острогам рассадить».
А в конце рукой своей
Царь поставил — «Берендей».

И не прежние гонцы,
А жандармы-молодцы
Разносили под полой,
Да и то ночной порой,
Новый тот указ парев,
Чтоб никто из мужиков
Не проведал, не узнал,
Что сам царь его писал. . .

М. Савин

ХОЗЯЕВА И РАБОЧИЕ

1

Замышляют свой союз
Пекаря-купчины.
Только ждет их здесь конфуз,
Горький рок судьбины.
Все рабочие твердят:
«Не пойдем к буржуям,
В западню нас не поймать.
Чуем, чуем, чуем!»

2

Если волк сенца дает
Ласково барану,
Все равно его сожрет,
Поздно или рано.
Волчьи штучки здесь под стать
И купцам-буржуям,
Но нас этим не поймать.
Чуем, чуем, чуем!

3

Миновали времена —
Вспомнить их позорно, —
Когда гнулася спина
У рабов покорно,

Когда лились реки слез
Пред крутым буржуем.
Зреет новый здесь вопрос.
Чуем, чуем, чуем!

4

Занимается заря
Светлая в отчизне,
Пробудились пекаря
К новой, лучшей жизни.
К старине не воротить
Их тупым буржуям.
В них протест огнем горит.
Чуем, чуем, чуем!

Неизвестные авторы

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

Братья, в ком сердце застыть не успело,
Кто еще молод душой,
К нам на защиту великого дела
Шествуйте гордой стопой!

В битве за благо родного народа
Смело прольем свою кровь,
Нашим девизом да будет «свобода»,
Знаменем светлым — любовь.

Родина наша изныла от муки,
Скован неволей народ.
Братья, сомкните в объятия руки,
Двинемся дружно вперед.

Если устанем мы в битве с врагами,
Если наш дух упадет,
Тени погибших поднимутся с нами,
Мертвый — живому оплот.

Враг не щадил безоружных, и пали
В волны кровавой реки
Женщины, дети... их пули пронзали,
Рвали на части штыки.

Гнев закаляет отвагу и силу,
Павшие к мести зовут.
Горе убийцам! Святые могилы
Их призывают на суд.

Слава погибшим! Мы им, как молитву,
Песню свободы поем.
С песней свободы в кровавую битву
Мы без боязни пойдем.

Братья, поверьте, победа за нами.
Правда, как солнце, сильна!
В тьме, над кипящими злобой волнами,
Вестница утра видна.

Хищники ночи бессильны при свете. . .

Если ж нам смерть суждена,

Вспомнят добром нас счастливые дети,

Вспомнит родная страна.

Смело же, братья! Пусть враг наготове,

Правый всегда победит!

Капля невинной пролившейся крови

Гибельней пули разит!

СТРАШИТЕСЬ, ПАЛАЧИ! . .

Страшитесь, палачи! Расплаты близок час!
Велик и грозен гнев восставшего народа.
Вчерашние рабы уж требуют у вас
Своей поруганной свободы.

 Пред кем вчера еще курился фимиам,
 Кто окружал себя продажными льстецами,
 Внимал и верил лишь бездушным палачам
 И кровь народную преступно лил реками, —
Предстанут скоро все перед народный суд.
Всесильные цари, земные полубоги,
Оставив рухнувшие троны, побегут
В безумном страхе и тревоге.

 Страшитесь, палачи. Напрасно вы молить
 Пощады будете, как нищий подаянья, —
 Вам дорогой ценой придется заплатить
 За пролитую кровь, за горе и страданья!
За жертву каждую, за каждый вздох и стон,
За каждый миг мучительства и гнета —
За все, стряхнув с себя многовековый сон,
Народ у вас потребует отчета!

 Страшитесь, палачи! Расплаты близок час,
 Грядет народный суд, как рок неумолимый!
 Народ проснувшийся освободит от вас
 Многострадальный край родимый. . .

СМЕРТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Он долго томился в изгнании, вдали
От милой отчизны. . . Все думы свои,
Все тайные грезы он ей посылал
И ждал безутешно, все ждал. . .
Вдруг вести одна за другой потекли,
Суровые вести с родимой земли:
«Пылает весь край. На решительный бой
Твой брат поднялся. . . Самовластье долой!
Везде баррикады. Погибнуть в бою
Готовы борцы за свободу свою. . .»
Огнем эта весть ему грудь обожгла,
Потухших очей засветилась мгла.
Под именем ложным в полуночной тьме
Он бодро шагал по родимой земле. . .
И тихо, со всех подползая сторон,
Повсюду с ним двигался жалобный стон.
Порою казалось, что недра земли
В себе эти странные звуки несли. . .
И стон этот в сердце ему проникал
И звал его, жалобно звал. . .
И тени забрызганных кровью друзей
Вставали в сиянии лунных лучей
И шли перед ним, шли в нестройных рядах
Без крови, без жизни в прозрачных чертах.
«Отчизна, — он молвил в ночной тишине, —
Такую ты встречу готовила мне? . . .»
Весь пригород вымер. . . Бесплодны, пусты
Все улицы, площади, лавки, мосты.

Не слышно ни шума, ни стука машин,
И в синее небо труба-исполин
Глядит, не дымится. Рядком воронье
Уселось сонливо на крае ее.
И только сурово и мрачно глядят
Неровною цепью ряды баррикад...
Вдруг тихо, волнуясь как море, вдали,
Сомкнувшись, толпа показалась в пыли.
И красные в утреннем блеске лучей
Угромо пылали знамена над ней.
...Борьба началась. За мостом у реки
Послышался топот, блеснули штыки...
Построились... залпы... чей-то крик,
чей-то стон.

И кровь полилася с обеих сторон.
В рядах своих братьев с утра он стоял
И красное знамя сурово сжимал...
«Вперед, к баррикадам!» И вот он кругом
Увидел, как падали люди ничком,
Он видел, как теплая кровь их рекой
Текла по изрытой груди мостовой...
И месть ему в сердце зубами впилась,
И грудь беззаветной отвагой зажглась.
«Смелее, товарищи!» — крикнул и вмиг
Вершины высокого вала достиг,
И красное знамя свободно взвилось,
И дружно «ура» по рядам разнеслось...
«Проклятье, — он крикнул, — проклятье царю,
Что пьет нашу кровь на потеху свою.
Проклятье тирану, что в тюрьмах сгноил
Он цвет молодых, жизнерадостных сил,
Проклятье, что все его царство насквозь
Горячею кровью борцов залилось,
Что гонит в изгнание он лучших людей,
Томит их вдали от отчизны своей!
Погибни, тиран! За свободу свою
Мы радостно смерть принимаем в бою!»
Он рек... и слова роковые сбылись:
Три пули, как жадные пчелки, впились
В горячее сердце, и хлынула вновь
Потоком на камни рабочая кровь...
...Над ним, свирепая, сраженые кишит,

Над ним залп за залпом все чаще гремит,
Но знамя сжимая холодной рукой,
Он, мертвый, лежал, но в предсмертной борьбе,
Безвестный герой, он был верен себе,
Он молвил: «На смерть ты меня позвала,
И смерть лишь одна мне свободу дала.
Недолго пришлось мне, о родина мать,
Родною стихией всей грудью дышать:
Три пули мне в сердце проникли и жгут
И больше мне жить не дадут...
...Но, родина! Пасть за свободу твою
Я рад был с врагами в бою.
Не жаль мне за братьев своих умирать,
Пусть легче им будет на свете дышать,
Пусть смертию нашей добудут они
И счастья и воли желанные дни...
За что я так долго томился вдали
Изгнанником сирым родимой земли,
Которой все думы свои посылал...
И ждал, так безрадостно ждал...»

К СОЛДАТУ

Постой-ка, товарищ! Опомнися, брат!
Скорей брось винтовку на землю
И гласу рабочего внемли, солдат,
Народному голосу внемли!

Зачем ты винтовку свою зарядил?
В какого врага ты стреляешь?
Без жалости брата родного убил,
Детишек его избиваешь...

Ты здесь убиваешь чужих. У тебя
В деревне семью убивают...
И издали грозно твоя же семья
Тебя же, солдат, проклиняет...

Постой же, товарищ! Опомнися, брат!
Ты кровью облит человека!..
Не смоешь ее уж ничем ты, солдат,
Не смоешь ту кровь ты вовеки...

Все улицы русских больших городов
Залиты народной кровью...
Там дети рыдают... И тысячи вдов
Клянут свою долюшку вдовью...

Несчастливая мать, потерявши дитя,
Над трупиком горько рыдает
И грозно, солдат, проклиняет тебя!
Ты слышишь? — Тебя проклиняет!

Ты мать и отца у ребенка отнял,
И кто их убийца — он знает.
И вот с легионом рабочих детей
Малютка тебя проклинает. . .

Постой же, товарищ! Опомнися, брат!
Скорей брось винтовку и с нами
Восстань за свободу, и вместе пойдем
На бой, на кровавый, с врагами. . .

Так брось же винтовку и громко кричи:
«Нет, братья, солдат — не убийца!
Солдат уж проснулся и даст вам ключи
К покоям царя-кровопийцы!». . .

Проснулась пехота, проснулся матрос,
Проснулась казацкая сила,
И грязный, отживший военный колосс
Уж жажда свободы сломила. . .

Постой же, товарищ! Опомнися, брат!
Скорей брось винтовку на землю
И гласу рабочего внимли, солдат,
Народному голосу внимли:

«Честнее на улице в правом бою
Погибнуть за лучшую долю,
Чем там — на войне — в чужеземном краю
Нам пасть, защищая неволю!»

ПЕСНЯ СОЛДАТ

Победа за вами осталась, враги,
Борцов вы свободы разбили. . .
Вы в общую яму их трупы свезли
И тайно средь ночи зарыли.

Но знайте — их дух вы зарыть не могли:

Он в нас, он остался меж нами.

Вам темные люди опять помогли

Свободу опутать цепями.

Но смерть не страшит нас. Мы честь воздадим

Товарищам нашим убитым

И с новою битвой врагам отомстим,

Солдатскою кровью залитым!

Луч света уж в душу солдата проник,

Он жаждет с рабочим свободы;

И ваша опора колеблется — штык,

Служивший вам долгие годы.

Подмыло потоками крови столбы,

Державшие трон ваш державный;

Мы видим успехи великой борьбы,

Мы видим исход ее славный.

ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ

†

...Залита кровью Русь святая...
Уж не один десяток лет
Из края в край, все нарастая,
В народе стон глухой идет...
Народ стонал, когда степями
С тоской в измученной груди,
Бряцая тихо кандалами,
Брели в Сибирь его вожди.
Народ стонал, когда по селам,
Глумясь над честью поселян,
С нещадным секли произволом
Плетьми и розгами крестьян;
Когда лежали пред толпою
Тела истерзанных людей
И кровь багровою струею
Текла с оборванных плетей...
И в городах, когда бывало
В народ врывались казаки,
Толпа лишь стоном отвечала
На плети, сабли и штыки...
Так правил царь, не признавая
Ни состраданья, ни стыда,
Закон насильно попирая
И тешась воплями труда...
Но ропот рос... как в зной томилась
В глухом брожении страна,

Уж буря в воздухе носилась,
И наконец пришла она.
Как гул бушующего моря,
Что полно скрытых, злобных сил,
Так грозный стон мирского горя
Покоя деспота лишил...
И царь решил... «Я трон восставлю,
Его основы укреплю,
Себя победою прославлю,
Народ победой усыплю...
И, убаюкан гимном славы,
Ты будешь спать, забыв позор,
Рабом у ног моей державы,
Как спал века ты до сих пор...»
И на Восток текут на Дальний
Рекою черною полки
Сынов Руси многострадальной;
Сверкают в сумраке штыки...
Царь проиграл... Полки разбиты,
Страна вконец разорена,
Дороги нищими покрыты...
Как мор свирепствует война...
И слышен ропот возмущенья:
«Зачем напрасно льется кровь?
Довольно жертв, не надо мщенья,
Мы будем биты вновь и вновь...
Войны в народе не желали,
Мы гибнем на чужбине зря...
Пора, мы мучиться устали
Под игом деспота-царя...»
И внемлет царь молве народной,
И тайно в царственную грудь
Вползает страх змеей холодной
И не дает царю заснуть...
И вести, страшные как тучи,
К нему со всех концов летят:
«Народ поднял свой глас могучий,
Рабы о воле говорят,
Они оковы разбивают,
Тайком оружие куют,
И что-то глухо замышляют,
И все чего-то жадно ждут...»

Бледнеет царь... И вести снова
К нему летят из дальних стран:
«В войсках мятеж, войска готовы
Повсюду мстить тебе, тиран!
И даже там, на поле битвы,
Где грозная сплотилась рать,
Войска не слушают молитвы
И не хотят команды знать!»
И снова в страхе и волненьи
Он внемлет с бледною тоской:
«Солдаты жаждут возвращенья
К родным полям, к себе домой!...»
«Вернуть героев озлобленных? —
Угрюмо размышляет он. —
Толпа людей вооруженных
В щепы разрушит царский трон!..
Я воплей не боюсь народных,
Пока подвластен мне казак;
Я избыю рабов негодных,
Я расстрелять велю собак!..
Но войско... войско непокорно...»
И царь от ужаса дрожит,
И царь, охвачен думой черной,
Приказ фельдмаршалу строчит...
Свершилось... вновь дают сраженье...
Побиты мы, кипит война...
Во имя личного спасенья
Вся рать царем на истребленье,
На смерть в бою обречена!..

2

Залита кровью Русь святая...
Уж не один десяток лет
Из края в край, все нарастая,
Повсюду стон глухой идет...
Да, стон все рос и вопль народный.
Он бурей стал, он стал грозой
И мчится по Руси голодной
И дышит мезтью роковой...
Теперь уж никакая сила
Не заглушит народный глас!

Он роет царскую могилу,
И воли, воли близок час! . . .
И близок час суда мирского,
Терпенье кончилось Руси:
«Ты счастья не желал людского,
И сам пощады не проси!
Народ встает, одним страданьем,
Единой волею горя:
Возмездье царским злодеям,
Долой войну! Долой царя!»
«Долой царя!» — подобно грому
Грозой несется по Руси,
Летит в придворные хоромы,
По всей разносится земли. . .
«Долой царя!» И вот в волненьи
Народ взялся за топоры. . .
И по Руси, вопя о мщеньи,
Взвились огромные костры!
Дымится край! Москва, Варшава
Насквозь в крови напоена,
Пылает Лодзь в борьбе кровавой,
Огню Одесса предана. . .
То мстит народ многострадальный,
То он царю-тирану мстит:
Вся Русь, как факел погребальный
Его владычества, горит. . .
И близок час! Тиран державный,
Собьют с главы твоей венец!
В дыму борьбы Руси бесправной
Уж прозно виден твой конец!
Не укротить тебе размаха
Народной воли торжества!
И скоро скатится на плаху
В крови ¹ венчанная глава.

¹ На Ходынке.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля.
Только землю не дали народу:
Вот вам милость дворян и царя.
Мужики без земли пропадают,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимают
Мужиков на работу свою...
 Чтобы с голоду нам не подохнуть,
 На дворян мы работать идем,
 И живет эта жадная свора
 Исключительно нашим трудом.
 Прижимает нас земский начальник,
 И урядник дохнуть не дает,
 Поп пугает нас адом кромешным,
 А за требы последок берет...
Сыновей наших гонят в солдаты,
Из ружей научают стрелять,
Для того, когда мы возмутимся,
Чтоб могли они нас усмирять.
Не довольно ли вечного горя,
Пред дворянами гнуться в дугу?
Разогнем-ка могучие спины
И покажем мы силу врагу!
 Соберемся могучею ратью,
 Разгромим мы дворцы богачей,
 Возвратим себе матушку-землю
 И не будем платить податей.

Землю поровну всю мы разделим,
У других не пойдем занимать,
Школ по всем деревням понастроим,
Будем всякие книжки читать...
Ведь Россия — что волость большая,
Мы в ней новый порядок введем,
Старшину выбирать сами будем,
Сами сход волостной соберем.
Волостной этот сход с старшиною
Мирской сбор по душам раскладут,
Собирать со всех поровну будут,
И дворяне от них не уйдут...
Сыновей не пошлем мы в солдаты,
А как будет чуть только война,
Соберем мы охотников тотчас,
И тогда уж врагам всем беда.
Так восстанем же, братья, дружнее!
И опять у нас будет земля,
И на горьких осинах повесим
Мы попов, и дворян, и царя...

НА СМЕРТЬ БАУМАНА

Знамена... венки... всё венки без конца...
Звучат властно гимны свободы,
Рабочий народ провожает бойца,
Погибшего в лучшие годы.

Он смело за право рабочих стоял,
Душой не слабел пред грозой,
И в битве как верный товарищ он пал,
Сраженный убийцы рукою.

Венки и знамена погибших бойцов

Обрызганы алою кровью:

Как символ страдания красный покров

Одел гроб героя с любовью.

Пред гробом рабочие знамя несли,

То знамя труда дорогое,

С ним дружно рабочие люди встанут

За право народа святое.

За гробом идет пролетариев строй,

Знамена шумят боевые,

Народ начертал на них грозной рукою

Свободы слова золотые.

А дальше... одной бесконечной волной,

Лишь связаны братства цепями,

Проходит народа толпа за толпой,

Сомкнувшись, как в битву, рядами.

Торжественно песни свободы звучат

И льются из уст, не смолкая,

И красные флаги из окон глядят,

Привет свой борцу посылая.

То праздник великий, то смотр всех вождей
Пред битвою силе народной,
Познавшей весь ужас и тяжесть цепей,
Идущей дорогой свободной.

Знамена... венки... всё венки без конца...

Звучат властно гимны свободы,
Рабочий народ провожает бойца,
Погибшего в лучшие годы.

Была уже ночь, когда гроб принесли
К могиле, — и тени ночные,
Как верные стражи, на землю легли,
Знамена сокрыв боевые.

Друзья окружили могилу кольцом,
Гроб в землю с тоской опустили,
Все было безмолвно во мраке ночном,
Лишь факелы бледно светили.

Навеки уснувших тревожа покой,
О крышку земля застучала.

«Прощай же, товарищ, прощай, дорогой!» —

В ночной тишине прозвучало.

Могильный курган все растёт и растёт,
Окончен обряд погребенья...

Но дело великих людей не умрет,
Героям не будет забвенья.

Народ не забудет отважных бойцов,
Ему беззаветно служивших,
И сбросит он тяжесть последних оков,
Отмстит за невинно погибших!

НАБАТ

«Слава победы лишь храбрым дается,
Срама не знает погибший в борьбе».

П. Я.

Гудит набат, гудит. Мятежною волною
Несется этот гул над родиной моей.
Как гордый зов вождя, как зов к борьбе и бою
За свет грядущих дней.

Вставайте, чья душа дремотой не объята,
Кто любит родину, как истинную мать.
Вставайте — и вперед. Вперед и без возврата,
Разить и умирать.

Железный лес штыков и смертный дождь свинцовый
В жестоком том бою борцов не пощадят,
Но разве не крепки вершины и основы
Кровавых баррикад?

Но разве мало нас, объятых злобой страстной,
Бессмертной злобою к народным палачам,
Но разве не сильны мы верою прекрасной,
Не преданы мечтам?

Но разве дочери восставшего народа
Не будут наших ран целить и омывать?
И тысячи детей при возгласе «свобода»
Погибших заменять?

Гуди ж, набат, гуди. Звучи как весть отрады,
И спящих разбуди, и мчись из края в край,
И всех проснувшихся сзывай на баррикады,
Со всех концов сзывай. . .

НИ ШАГУ НАЗАД...

Заря занялась... Уж солнца свободы
Лучи золотые на небе горят...
Долой же насилья и слабости годы!
К свободе, к свободе! Ни шагу назад!

Кровь льется повсюду. Опричников орды
И черная сотня насилья творят...
Бойцы не устали. Их взоры так горды...
К свободе, к свободе! Ни шагу назад!

Несутся казаки... нагайки... блеск стали...
И крики и стоны... и пули визжат...
Плотнее смыкайтесь, дни битвы настали!
К свободе, к свободе! Ни шагу назад!

ПЕСНЯ

Братцы! Дружно песню грянем
Удалую — в добрый час!
Мы рабочих бить не станем —
Не враги они для нас!
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтоб солдатские мундиры
Этой бойней осрамить!
Брат пойдет ли против брата?
А крестьяне — братья нам!
И для честного солдата
Убивать их — грех и срам.
Сердце нам сжимали больно
Уж не раз их стон и плач;
Этой бойни нам довольно,
Русский воин — не палач!
Пусть себе за ослушанье
Нас начальство душит всех;
Лучше вынести истязанье,
Чем принять на душу грех!
Так затынем же дружнее
Нашу песню в добрый час!
В мужиков стрелять не станем —
Не враги они для нас!

ЭПИГРАММА

Чем хочешь будь себе свободно:
Буржуем, барином, купцом,
Нововременцем, подлецом —
Ну всем, чем, душенька, угодно.
Семеновцем, прохвостом, вором,
Жандармом будь, будь прокурором.
Будь палачом, будь октябристом,
По мне, хоть будь себе шпиком,
Но... если стал социалистом,
Мой друг, не будь меньшевиком.

ОСЕЛ И СОБАКА

(Басня)

Однажды гончий пес осла увидел
И говорит ему: «Осел!
Зачем тебя господь обидел
И счастьем обошел?
Живешь ты ровно скот последний —
Таскаешь всюду кладь...
Не то, что я... Намедни
Был в кухне я — и хватъ
Бараний бок, а ты, небось, солому
И сено жрешь?
Такого, брат, житья врагу лихому
Не захочу — добра не наживешь!
То ль дело я? То в лес метнешься
Зайчишек попугать;
Там — глядь —
Мясцом на кухне барской разживешься;
Там тяпнешь кость, там хлеба каравай,
Так не житье мне — рай!
И день-деньской я без работы
И без заботы!..
А ты?!» — «Что делать, пес?
Терпенье надобно, терпенье,
Но славен тот, кто перенес
Мои ослиные мученья!» —
«Нет, у тебя неладное житье!
Поди, кажинный день битье?!» —
«Бывает всякое!» — «То ль дело у меня,
Поверишь ли, нет дня,

Чтоб сам я зайца иль курчонка,
А иногда и поросенка
Не разодрал.
Ты не слыхал,
Как давеча я петушонка
На тот отправил свет?» —

«Нет!» —

«Занятный случай был. Близ дома я лежу
И вдруг — гляжу —
Идет петух... И красный хохолочек
И рыжее перо на нем.
Без дальних проволочек
Я — в дом!

На кухне поваром в те поры Трепов был.
Так, мол, и так, я доложил,
Мне ведомо, что бродит
Крамольник по двору —
Узнал его по красному перу,
«Кукареку!» он громко так выводит,
Что быть греху!

Дозвольте петуху
Сорвать башку, не то восстанье
Случиться может у цыплят, —

И так они шумят,
Что плохо пропитанье!

Что делать, как тут быть?!

— Распотрошить!.. —

И я распотрошил отменно!..

А что, осел, бессменно

Ты трудишься — ни разу не знавал

Ты в жизни сожаленья?»

«Терпенье, брат, терпенье!» —

Осел на это отвечал.

Случилось, разговор их услышал

(Как видно, ненароком)

Старшой господский псарь

(По прозвищу «самодержавный царь»),

И что ж? Во времени, должно быть, недалеко,

Когда война пошла,

Разумный псарь осла

За долговечное терпение прославил

И над солдатами начальником поставил.

А вора-пса отправил
Крамолу усмирять.
С войны вернулась рать
Оборвана, ободрана как липка...
Явился и осел. Он шибко,
Воюя, научился красть!
Что сена он, овса, соломы
Привез в свои хоромы —
Так это страсть!
И хоть его тот псарь побил,
Осел наш барином зажил —
С помятою спиною,
Да с толстою сумою.
Пришел домой и пес паршивый,
Довольный и счастливый...
Зайчишек с тысячу в лесу он подавил,
И царь его за это наградил —
Назначивши его при всем умишке малом
Дивизионным генералом.
Так в жизни сей. Коль богачом
Ты хочешь стать иль награжден быть чином —
Изрядным будь ослом
Или собачьим сыном!

МЫ — БРАТЬЯ

Мы — братья! Мы — братья! Мы выросли оба
В нужде, в беспросветной нужде. . .
Судьба нам сулила томиться до гроба
Всю жизнь в непосильном труде. . .

Я сабли выковывал, делал картечи,

Ты землю чужую пахал. . .

И вот мы опять. . . При нежданной встрече

Меня ты, мой брат, не узнал. . .

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели.

Сошлись мы как враг со врагом. . .

Ты бросил в лицо мне мои же шрапнели,

Ударил — моим же штыком!

Я вышел на бой, но на бой не с тобою,

Тебя же враги провели —

Наполнили сердце нелепой враждою

И властно командуют: «Пли!»

Родная земля обгагрется кровью,

За залпами залпы гремят, —

Встречаешь меня ты не братской любовью,

А злобой, обманутый брат. . .

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели,

Один на другого идем. . .

Брат! Помни — я делал штыки и шрапнели,

Ты будешь их делать потом!!

Мы — братья! Мы — братья! Я верю глубоко,

Настанет иная пора. . .

Она уже близко. . . Она недалеко,

Недолго нам ждать до утра!

При свете свободы увидишь ты брата
И к брату навстречу пойдешь,
И то, чему слепо ты верил когда-то,
Со мною на суд призовешь. . .
Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели,
Сойдемся мы с нашим врагом —
И бросим в лицо ему наши шрапнели,
И нашим ударим штыком!

А. Гмырев

МОИ ПЕСНИ

Нет в моих песнях ни тени искусства,
Нет в них ни музыки, ни красоты;
В них я излил свои юные чувства,
В них я излил дорогие мечты.

В стенах глухой и холодной темницы
Их порождали тоска и любовь,
Звуки их слушали дум вереницы
И омывала сердечная кровь.

Сытые люди, быть может, забаву
В них от хандры и безделья найдут;
Только пусть знают: не смех, а отраву
Песни мои всем довольным несут...

Только лишь тот их поймет и оценит,
Кто, как и я, беспредельно страдал.
Тот, кто, как я, в волю светлую верит,
Тот, кто, как я, без борьбы изнывал.

Пой, мое сердце! В оковах неволи
Негодованием и мезтью звучи!
Близка уж, близка долгожданная воля!
Скоро позорно падут палачи.

Знайте, товарищи: годы страдания
Местью, борьбою я вмиг искуплю,
И на развалинах рабского зданья
Вольные песни тогда запою.

НАБАТ

В черном мраке душной ночи
Стонет злой набат;
Толпы грозные рабочих
В улицах кишат.

Из жилищ-гробов с проклятьем
Вековым цепям
Они встали дружной ратью —
На беду царям.

И наместо жизни ада,
Где давил их мрак,
Вырастают баррикады,
Рвется красный флаг.

И под знаменем восстанья,
Воли и борьбы
Бьются с тьмой, горя сознанием,
Гордые рабы.

А набат мятежным словом
Бьет их по сердцам:
Смерть врагам! Долой оковы!
Жизнь и честь борцам!

В черном мраке душной ночи,
В боевом дыму
Рать свободная рабочих
Рушит жизнь-тюрьму.

ПРИЗЫВ

Нет, товарищи, так долгие жить нельзя!
Лучше смерть, чем жизнь позорная рабов!
Выходите же на улицу, друзья,
Из своих прогнивших домиков-гробов!
Прочь бессилье! Становитесь в ряды,
И вперед, на верх горящих баррикад!
За свободу! Против мрака и нужды!
Тот изменник, кто вернется с них назад.
Кровь прольется... Ну так что же? Без крови
Ни один народ свободы не добыл, —
Царство воли, царство счастья и любви
Люди строят на развалинах могил.
Вот и мы, на месте тюрем и дворцов,
Наше царство вечной правды создадим
И за рабство наших дедов и отцов
Всех врагов позорной плахой наградим.
А героев, павших в битве роковой,
С честью в братскую могилу отнесем,
И курган ее мы вольною толпой
Вечной памяти цветами уберем.
Выходите же на улицу скорей,
На борьбу, на верх горящих баррикад!
Стыдно жить под гнетом мрака и цепей.
Смерть иль воля! — вот наш лозунг и набат.

ОНИ ПОБЕДИЛИ...

Они победили... Рекою крови
Залиты четыре свободы.
Они победили... И вновь потекли
Позорные рабские годы.

Они победили... Гремят по стране
Расстрелы, террор и нагайки.
Они победили... Растут в тишине
Грабителей алчные шайки.

Они победили... Как улы, кишат
Борцами Сибирь, казематы.
Они победили... твердыней глядят
Царя золотые палаты.

Они победили... Из разных сторон
Несутся голодные стоны.
Они победили... Для цынготных ртов
У них есть не хлеб, а патроны.

Они победили... И с Думой спешат
Покончить крамольные счеты.
Они победили, они не хотят
Избранников дружной работы.

Они победили, но шум их побед
Так жалок, как место разврата.
Они победили. Но в сумраке лет
Их ждет роковая расплата.

НЕ ЖДИ МЕНЯ...

Не жди меня... Без чувства сожаленья
Я от тебя свободно уйду.
И за любовь твою — святые убежденья
К ногам твоим, как раб, не положу.
Я не могу отдаться без изъятья
Безумной прихоти своих страстей,
Когда вокруг меня звучат проклятья,
Свистят бичи, царит позор цепей.
Меня зовут. Прости же, дорогая,
В последний раз, друг друга не кляня.
Люблю тебя! Но для родного края
Я должен жизнь отдать. Не жди меня...

СОКОЛ

Как-то в жгучий полдень на курган седой
Отдохнуть спустился сокол молодой.
И, слышав, в гуще спелой ржи
Притаились робко мирные стрижи.
Утопая в блеске солнечных лучей,
Поднялися с пашен полчища грачей.
И, крича тревожно про беду и смерть,
Тучей обложили голубую твердь.
А свободный сокол неподвижный взор
Устремил бесстрашно на златой простор.
Думал, что на теле много, много ран,
И внимал тем думам дремлющий курган.
Вдруг очнулся сокол, крыльями взмахнул,
С клетотом призывным в небе утонул.
Полетел искать он новых битв и ран,
А грачи спустились на седой курган.

Я ПОГИБНУ, НО ВМЕСТЕ СО МНОЙ НЕ УМРУТ...

Я погибну, но вместе со мной не умрут
Пролетарские песни мои.
Знаю я, что к могиле моей не придут
Ни друзья, ни слепые враги.

Далеко за тюрьмой, где клубится туман,
Без обряда схоронят меня,
И покроет могилу колючий бурьян
С первым зноем горячего дня.

А зимой, когда вьюга заплачет над ней
И ковром снеговым опухнет,
Зазвонят мои песни по шире степей,
И, быть может, хоть звук до любимых людей
Буйный ветер тогда донесет.

Я умру, но со мною в тюрьме не умрет
Муза-узница, крошка моя.
И в последний мой час лишь она обовьет
Грустной песней и лаской меня.

А. Богданов

ДОРОЖКА

От дверй и до окошка
Только семь шагов.
От дверй и до окошка
В камне выбита дорожка —
Колея борцов.
Чтоб вступить на ту дорожку,
Надо честным быть.
По деревьям, по заводам
Русь исколесить.
Чтоб пойти по той дорожке
Смелого бойца,
Надо верным быть народу,
Верным до конца.
На весь мир — моя дорожка...
На весь мир — мое окошко...
Но зато я знаю — скоро
Нашим лишь путем
Бо всем мире все запоры
Рабства разобьем...

БЫЛОЕ

Не верь дням тишины, раздумья и покоя,
Бесцветным, тягостным и горьким, как обман.
Пока сочится кровь из неостывших ран,
Нет, не умрет былое,
А будет вдаль манить сквозь мертвенный туман...

В молчаньи сдержанном бездомной нищеты,
В железном скрежете бессонного завода,
В толпе, таящей боль и прошлые мечты,
О, уловил ли ты,
Как зреют гнев и мощь плененного народа?

С пожарищ бедственных, с покинутых полос,
С погостов, где растут голодные кресты,
С небес, овеянных печалью братских слез,
О, услышал ли ты
Дыханье близкое готовящихся гроз?

Не верь дням тишины, раздумья и покоя,
Они обманчивы, как предрассветный сон...
Под пеплом жертвенным не умерло былое,
Народ не поражен:
Мечи заветные в темницах точит он.

ДВА СТАНА

Вам — «чары навии», рукоплесканья,
Пиры безумные, цветы ажурные...
Нам — жизнь в безвестности, снега изгнания,
Могилы братские, скитанья бурные.
 Вам — звоны сладостных цевниц,
 Нам — цепи ржавые темниц.
Вам — чаши хмельные, вам — ложа смятые,
Вам — шорох шелковый, соблазны модные...
Нам — нивы дольные, хлеба несжатые,
Станки сверлящие, ремни приводные...
 Вам — трепет оголенных плеч,
 Нам — молот, плуг, зубило, меч...
Вам — мерзость пошлости, вам — пресыщение,
Страх одиночества, жуть умирания.
Нам — радость творчества, нам — вдохновение,
Огни вселенские, мятеж восстания...
 Вам — осуждение в веках...
 Нам — память братская в сердцах...

ВОЗВРАЩЕНИЕ :

Те же камни, те же всплески переметные Невы,
Шпили зданий молчаливых, на столбах воротных львы.
Так же в высь небес уходят шестигранных труб огни,
Так же сумраками веют неприветливые дни.
И лишь острый и горящий мятежом рабочий взор
Вдруг напомнил мне, что много-много дней прошло с тех
пор. . .
Да в тюрьму, что за Невою, как стоглазый жадный зверь,
Сквозь железные затворы донеслося эхом:
«В е р ь! . .»

А. Белозеров

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

(К пятилетию со дня гибели О. М. Генкиной)

Для торжества грядущих дней
Ты бурей рождена,
И кровью пламенной твоей
Борьба отражена. . .

Гроза прошла. . . Среди бойцов
Тебя уж больше нет,
Но сохранил твое лицо
Оставленный портрет.

В нем, сердце пылкое открыв
В горящий новый век,
Живет стремительный порыв
И молодости бег. . .

Кипучей юностью ты нас
На бой с врагом звала,
И жизнь свою за братский класс
До капли отдала.

Пройдут еще борьбы года
Тяжелой чередой,
Но с нами будешь ты всегда
Как женщина-герой!

Н. Рыбацкий

ПЕСНЯ ПАРНЯ

Что ни шаг — на все запрет.
Как в оковах ноги.
Сила есть — свободы нет,
Нет пути-дороги.

Богачу — повсюду рай,
Все ему мирволят,
А бедняк лишь там шагай,
Где ему позволят. . .

Прочь, сомнений мрачный рой,
Сгинь ты, страх с тоскою!
В битве жизни тот герой,
Кто силен душою.

Побеждать лишь тем дано,
Кто желать умеет.
Счастье смелым суждено,
Смелый им владеет.

Полно ждать да за углом
Волком выть голодным!
Не хочу я быть рабом,
Быть хочу свободным.

Пусть беда родит беду,
Не склонюсь главою:
Иль погибну, иль найду,
Вырву счастье с бою!

9-е ЯНВАРЯ

Их были тысячи. Доверчивой толпою
Они к дворцу царя с его портретом шли:
Священник впереди, за ним кресты, иконы,
По сторонам хоругвей ряд несли.
В морозном воздухе проглядывало солнце.
Далекий путь толпы был снегом заметен.
Холодный ветер стих и замер, удивленный:
Такой толпы не видывал и он.
Шли братья с сестрами, товарищи, подруги,
Друзья, знакомые; шли матери, отцы;
С седобородами, согбенными летами
Бок о бок шли безусые юнцы.
Их были тысячи. Они молитвы пели
И шли сказать царю, сколь горек их удел,
И шли просить царя, чтоб твердым царским словом
Признать права народные велел:
«Усердьем слуг твоих — воров и скоморохов,
Одетых в золото кровавых палачей —
Мы пухнем с голода под хохот произвола,
Под лязг и звон бесправия цепей.
Заступник наш и царь! Ты выслушать нас должен,
Как слушает детей заботливый отец. . .»
Их были тысячи. Но не сбылась надежда
Доверчивых измученных сердец:
Их залпом встретили, их шашками рубили,
Без сожаления калечили навек. . .
И дрогнула толпа. И вдруг остановилась,
В смятении прикинула на снег:

«Проклятие рабам, рабам-братоубийцам!
Но трижды проклят тот, кто убивать велел!..»
И в этот страшный миг, людским проклятьям вторя,
 Взметая снег, вновь ветер зашумел...
Убиты многие. Но с ними же убили
И веру у живых в заступника-царя.
И возмущенные без слов, без рассуждений,
 Все поняли: жить дальше так нельзя...
Угаснул солнца луч. Над городом кровавым
Спустилась скорби ночь. И не зажглись огни:
В тревожной улиц мгле, на площадях безлюдных
 Вокруг костров пикеты лишь одни.
И кто-то, плачущий беспомощным дитятей,
Тревожно у домов кружился, завывал,
И кто-то призраком, тоскующим и гневным,
 Настойчиво к отмщенью призывал...

ПЕРЕСТУКИВАЕМСЯ...

Опять заброшен я в тюремный каземат
Под мрачные нависнувшие своды,
Вновь сторожит меня с винтовкою солдат,
Гремит запор... А дни ползут, как годы,
Ползут унылые, как похоронный звон,
И бледные, как тени пред рассветом.
Но юная душа не погрузилась в сон
И рвется вдаль с надеждой и приветом.
И крикнуть хочется:

«Свободы палачи,
Мучители бесправного народа!
Вы, стая коршунов, слетевшихся в ночи
На черный пир державного уroda!
За множеством замков, средь отсырелых стен,
Младую жизнь не затинула плесень,
И в клетке-камере, как в бочке Диоген,
Я духом бодр и полн свободных песен!..
Я не один — о нет! — нас много, палачи!
Рассажены по камерам мы розно,
И все мы взаперти. У вас — глазки, ключи,
И стражи кадр, вооруженный грозно.
Но правды гордой дух не признает преград:
Со стенами союз мы заключили,
И подлинно — здесь камни говорят!
С утра до вечера они вам месть куют:
Идет-стучит прилежная работа...
И твердо знаем мы — час близок, близок суд,
Порвется цепь насилия и гнета!

Разъединенные, тесней сплотились мы!
Кто слаб душой, тот крепнет за стенами!
И рано, поздно ли — мы выйдем из тюрьмы
Упорными и смелыми борцами!»

А. Поморский

РАБОЧИЙ ДВОРЕЦ

На темных могилах,
Из щебня бывшего,
Из смеха и слез
Изнуренных сердец
Мы, гордые, строим,
Мы, юные, строим,
Мы строим
Рабочий дворец.
Нас бодрость волнует,
Крепки наши руки,
Мы знаем, как строить,
Хоть ночь и темна.
И камень за камнем,
И камень за камнем
Встает
 за стеною стена.
Над нами нахмурилось
Грозное небо,
Усталый, упал
Не один наш боец.
Мы, гордые, строим,
Мы, юные, строим,
Мы строим
Рабочий дворец.
Он встанет в туманах
Ночей молчаливых,

Рассеет, как солнце,
Миражи судьбы,
В железных отрядах
Придем мы, придем мы,
Без слез, без цепей —
не рабы!

Не бойся, товарищ,
Ни битв, ни тиранов,
И кто бы ты ни был,
За нами иди.

И если ты веришь
В высокое солнце,
То камень
В основу клади!
На темных могилах,
Из праха бывшего,
Из крови и слез
Изнуренных сердец
Мы, гордые, строим,
Мы, юные, строим,
Мы строим
Рабочий дворец.

Ты меня, любимая, спросила,
Отчего порой печалюсь я,
Почему пылает гневной силой
Песня неумная моя?
Почему я, самый нелюдимый,
Голосом высоким, как струна,
Запеваю песню, тьмой гонимый,
И крылом в сознание бьет она?
Я ответил: хищный крик орлиный
Не смолкает над родной страной,
Голых сел исхлестанные спины
Согнуты насильем и войной.
Родина моя глядит сурово
Вдаль, где, в кандалах рожден,
Захлебнулся нашей горькой кровью
Мир без солнца, со скупым дождем.
И стоит, как на параде мести,
Виселиц окоченевших ряд.
Здесь погибли юноши без вести,
О которых тайно говорят.
Но не всем же суждено утратить
Безвозвратно гневные слова, —
В подземелье, в ссылке, в каземате
Песня вдохновенная жива!

И. Привалов

ЕСЛИ, ТОВАРИЩ...

Если, товарищ, ты в Питере будешь,
Просьбы, надеюсь, моей не забудешь.
Будь друг, сходи, не ленись,
В Лиговский дом. Он стоит на Прилуцкой,
Между Растанной, Тамбовской и Курской.
Низко ему поклонись.
Ты расскажи, что в глухой деревушке
Я поселился в убогой избушке,
Рыбу на речке ловлю,
Белок стреляю, грибы собираю
И что, частенько о нем вспоминая,
Так же, как прежде, люблю.
Что не забыл я его наставленья —
Горе, невзгоду, нужду и лишенья
Стойко и твердо сносить.
В страстной борьбе не сдаваться без боя;
Знанья и правды искать — не покая,
Требовать, а не просить.
И передай, что я ссылкой доволен:
Поле и речка здесь, воздух приволен,
И на судьбу не ропщу.
Много здесь нового, много и песен,
Есть развернуться где, круг мой не тесен,
Изредка только грущу.
Если же встретишь знакомых там общих —
Также рабочих, и бледных и тощих, —
Им передай, чтоб они
Твердо за общее дело стояли,

Дух свой и тело борьбой закаляли,
 Чтоб не гасили огни.
Мысль, что им с ссылкой придется спознаться,
Так же, как мне, из столицы убраться,
 Пусть им не будет страшна:
Выправкой, выдержкой ссылка богата,
Славная школа для нашего брата,
 Многому учит она.

Ф. Шкулев

ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО

Я не знавал отрадной доли,
Не видел счастья лучей;
Лишь скорбь души да сердца боли
Познал я с ранних, юных дней.
 Простор полей и воздух чистый,
 Сиянье голубого дня,
 Журчанье речки серебристой —
 Все было то не для меня.
Ковер лугов и шум дубравы,
В ночном и сказки и огни,
И смех, и шутки, и забавы
Я не знавал в былые дни.
 Я был как птица в душевной клетке
 В чаду фабричных корпусов,
 Со мной такие ж малолетки
 Тянули дни под шум основ.
Их были так же тусклы очи,
В тревоге их летели ночи,
Их не знавал румянец щек,
Был мирный сон от них далек. . .
 Не знали мы про светоч знания,
 Красу и прелести весны. . .
 Тяжелый труд, болезнь, страданья
 В удел нам были лишь даны,
Да крик: «Работай, не ленись,
Иначе штраф или расчет!»

Так дни ненастные неслись
Под тяжким бременем невзгод.
 Не знали мы, кто наш спаситель,
 Когда молиться и кому?
 Гудок над нами был властитель,
 И мы вверялися ему.
Когда ж машины затихали
И шум смолкал седых паров,
В моем уме огни пылали,
Слагалась песнь из горьких слов.
 Под шум и фабрик и заводов,
 Под лязг машин и стали звон
 Кругом я слышал плач народа,
 Из груди несся тяжкий стон!
И предо мною проходили
Толпы измученных нуждой,
Но души их прекрасны были,
Как луч весенний золотой.
 Сердца их кровью обливались,
 В глазах блестели капли слез...
 Вдали туманы колыхались,
 В выси сверкали стрелы гроз...
А братья шли и прибывали...
И стоны скорбные неслись.
Так в царстве горя и печали
Мои все песни родились.

И. Е. Привалов

ГИМН ТРУДУ

Не страшны нам бури и злая нужда:
Мы сильные дети святого труда!
Пусть беды над нами, как тучи, плывут,
Мы любим душою не праздность, а труд.
С трудом благодатным нам все нипочем,
Труду мы хвалебную песню поем:

Только трудом
Все мы живем:
Труд наш отец,
Счастья кузнец.
С ним мы порвем,
С ним разобьем
Цепи и гнет...
Смело вперед!

Давайте работать, работать дружной
При солнца сиянье, при свете огней.
В убогих лачугах, в подвалах сырых,
На фабриках шумных, в стенах мастерских,
По шахтам глубоким, во тьме под землей,
В лесу и на поле за маткой-сохой!

Только трудом
Все мы живем:
Труд наш отец,
Счастья кузнец.
С ним мы порвем,
С ним разобьем
Цепи и гнет...
Смело вперед!

Сплотимся, собратья, и дружной семьей
Оковы разрушим судьбы роковой.
Гасителям света мы бросим укор
И властному злату дадимте отпор,
А трутням-невеждам, что праздно живут,
Мы с гордостью скажем, что в мире есть труд.

Только трудом
Все мы живем:
Труд наш отец,
Счастья кузнец.
С ним мы порвем,
С ним разобьем
Цепи и гнет. . .
Смело вперед!

КУЕМ

Под тяжким бременем неволи
Мы жаждем все отрадной доли.
Пусть давят нас нужда со злом —
Мы счастье светлое куем!
 Пускай, вокруг летая, бури
 От нас скрывают блеск лазури.
 Но мы, объятые огнем,
 Добро для родины куем!
Пусть силы тьмы, вражды, ненастья
Несут великие несчастья —
Мы, с гордо поднятым челом,
Жизнь внукам новую куем!
 Пускай враги любви великой
 Куют нам цепи в злобе дикой.
 Но мы под их зловещий гром
 Свободу, равенство куем!

Я. Коробов

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

За священную свободу угнетенного народа
Мы восстали грозной силой на жестоких палачей.
Жажда мщения и воли сокрушила в этом споре
Иго тяжкое неволи, звенья ржавые цепей.
Мы собрались после битвы не для песен и молитвы —
Чтоб проверить наши силы, павших братьев подсчитать.
Наши сестры, наши жены, как и мы, вооруженны,
Как и мы, окровавленны, появились среди нас.
Мы сидели и молчали, с тайной грустью ожидали
Опоздавших на собранье, на собранье в этот час.

Тускло свечи догорали, свечи робко трепетали,
В окна с шумом ударяли капли крупные дождя.
Бело-синие зарницы озаряли наши лица,
Лица, полные тревоги за любимого вожда.

«Здесь его пустое место, — обратились мы к невесте, —
Где же гордость, наше счастье, где же вождь наш
дорогой?»

Пошатнувшись, как в испуге, поднялась его подруга,
Обвела собранье взором, взором пламенных очей,
И сказала громко: «Братья, смерть взяла его в объятья,
Нашу гордость, наше счастье, от дружины боевой.
Не видать нам больше друга среди дружеского круга.
Вам и мне, его подруге, не слышать его речей.

Он погиб на баррикаде, смертью храбрых в первом ряде,
С грозным вызовом во взгляде, с красным знаменем
в руках».

Мы внимали страшной вести и клялись в суровой мести,
Пред лицом его невесты поклялись на мечах:
За священную свободу угнетенного народа
Ополчимся грозной силой на жестоких палачей.
Свечи с треском догорели, в окнах стекла забелели,
Снова выстрелы гремели, закипел горячий бой...
Вновь пошли на баррикады наши стройные отряды,
Разрушая все преграды, шли мы с песней боевой.

Рвутся бешено картечи... Нам знакомы эти встречи —
Нашей вольности предтечи,
Это рвутся наши цепи, цепи рабства и нужды...

А. Благоев

СТОН ТКАЧИХИ

*Посвящается моей сестре
и ткачихе М. Н.*

Жарко. Голову всю разломило...
Ах, давно бы окно я открыла,
Чтобы ветром хоть чуть освежиться,
Да боюсь — будет мастер браниться:
Не велит он окно открывать —
Будет ветер основу трепать.

А денек-то как нынче прекрасен!
Свод небесный безоблачен, ясен,
Солнце блещет, раздолье повсюду...
Убежать бы скорее отсюда
В поле, к речке, в долину, в лесок...
Да нельзя мне оставить станок.

Вон за речкою дети толпою
Собрались играть меж собою.
Я ведь тоже малюткой бывало
За игрой обо всем забывала,
А теперь я работница-мать:
Надо ткать мне, без отдыха ткать.

Жарко, душно, работать нет силы.
Хоть бы время скорей проходило...

Дома дети одни без призора...
Но гудят равнодушно моторы,
И проклятое время вперед
Все попрежнему тихо идет.

Демьян Бедный

* * *

С тревогой жуткою привык встречать я день
 Под гнетом черного кошмара.
Я знаю: принесет мне утро бюллетень
 О тех, над кем свершилась кара,
О тех, к кому была безжалостна судьба,
 Чей рано пробил час урочный,
Кто дар последний взял от жизни — два столба,
 Вверху скрепленных плахой прочной.
Чем ближе ночь к концу, тем громче сердца стук..
 Рыдает совесть, негодуя..
Тоскует гневный дух.. И, выжимая звук
Из уст, искривленных злой судорогой мук,
 Шепчу проклятия в бреду я!
Слух ловит лязг цепей и ржавой двери скрип..
 Безумный вопль.. шаги.. смятенье..
И шум борьбы, и стон.. и хрип, животный хрип..
 И тела тяжкое паденье!
Виденья страшные терзают сердце мне
 И мозг отравленный мой сушат,
Бессильно бьется мысль.. Мне душно.. Я в огне..
Спасите! В этот час в родной моей стране
 Кого-то где-то злобно душат!
Кому-то не раскрыть безжизненных очей:
 Остывший в петле пред рассветом,
Уж не проснется он и утренних лучей
 Не встретит радостным приветом!..

СЫНОК

Есть у меня сынок-малютка,
Любимец мой и деспот мой.
Мелькнет досужая минутка —
Я тешусь детской болтовней.
Умен малыш мой не по летам,
Но — в этом, знать, пошел в отца! —
Есть грех: пристрастие к газетам
Подметил я у молодца.
Не смысла в буквах ни бельмеса,
Он, тыча пальчиком в строку,
Лепечет: «Лодзь, Москва, Одесса,
Валсава, Хальков, Томск, Баку»...
И, сделав личико презлое,
Нахмурясь, счет ведет опять:
«В Москве — цетыле, в Вильне — глое,
В Валсаве — восемь, в Лодзи — пять»...
И мог из этого понять я,
Что здесь — призвания печать,
Что по счислению заняться
Пора мне с Петею начать.
Но чтобы жизнь придать предмету
И рвенья чтоб не притупить,
Я ежедневную газету
Решил в учебник превратить.
Вот за работой по утрам мы,
Но вижу: труд не для юнца!
Всё телеграммы, телеграммы...
Всё цифры, цифры без конца!

Задача Пете непосильна:
Всего не вымолвить, не счесть.
«Хельсон, Цалицын, Киев, Вильна...
Двенадцать, восемь, девять, шесть»...
И каждый день нам весть приносит,
И каждый день дает отчет!
Все смерть нещадно жертву косит!
Все кровь течет!.. Все кровь течет!..
Смеется в цифрах Призрак Красный,
Немые знаки говорят!
И все растет, растет ужасный
Кровавый ряд! Кровавый ряд!
«Волонез — двое, тли — Целкасы,
Сувалки — восемь, пять — Батум»...
Зловещих цифр кошмарной массы
Не постигает детский ум.
И отложил я прочь газету,
И прекратил я тяжкий счет.
Мал Петя мой. Задачу эту
Исполнит он, как подрастет.
Душою чист и мощен телом,
Высок умом и сердцем строг,
В порыве пламенном и смелом
Он затрубит в призывный рог.
И грозно грянет клич ответный,
Клич боевой со всех сторон!
И соберется полк несметный
Богатырей таких, как он!
Забрызжет юных сил избыток,
Ужасен будет их напор!
И, развернув кровавый свиток,
Синодик жертв и повесть пыток,
Бойцы поставят приговор!

О ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ, МУЖИКЕ ВРЕДНОМ

Поемный низ порос крапивою;
Где выше, суше — сплошь бурьян.
Пропало все! Как ночь, над нивою
Стоит Демьян.

В хозяйстве тож из рук все валится:
Здесь — недохватка, там — изъян...
Ревут детишки, мать печалится...

Ох, брат Демьян!

Строчит урядник донесение:
«Так што нееловских селян,
Ваш-бродь, на сходе в воскресенье

Мутил Демьян:

Мол, не возьмем — само не свалится,
Один конец, мол, для крестьян.
Над мужиками черт ли сжалится...»

Так, так, Демьян!

Сам становой примчал в Неелово,
Рвал и метал: «Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!»

Ох, брат Демьян!

«Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там что полагается!»

Ась, брат Демьян?

Стал барин чваниться, куражиться:
«Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
Буян!.. Аль не стерпеть, отважиться?

Ну ж, брат Демьян!..

* * *

Ночной порой, когда луна
Взойдет над темными лесами,
Внимай: родная сторона
Полна живыми голосами.
Но зачарованный волной
Ночных напевов и созвучий,
Прильни к груди земли родной,
Услышишь ты с тоскою жгучей:
Среди лесов, среди степей,
Под небом хмурым и холодным,
Не умолкает звон цепей
В ответ стенаниям народным.

Неизвестные авторы

УТРО 1-го МАЯ

Загорелся восток,
И проклятый гудок,
Как некормленный зверь, заорал.
Раз-другой он орет,
Все рабочих зовет:
«Подымайся, рабочий квартал!!
Эй, вы, люди-рабы,
В стены мрачной тюрьмы
Вас зовет властелин-капитал,
И пощады вам нет!»
«Будь ты проклят!!! — в ответ
Отозвался рабочий квартал. —
Не пойдем мы в завод!
Пусть как хочет зовет ·
Нас проклятый мешок золотой!
Пусть увидит весь мир
И хозяин-вампир,
Как могуч наш союз трудовой!
Ты ж сильнее гуди,
Наших братьев буди,
Им за море поклон отнеси
И еще передай,
Что проснулся наш край,
Пробудились рабы на Руси».

ВРОЖЕНЬ

Ворожила Ванюшке
Бабушка Макаровна,
Глядя по головушке:
«Будешь ты талантливый;
Подрастешь немножечко,
Выйдешь, Ваня, на люди,
Лаской да приветствием
Будут тебя чествовать.
Вырастешь разумником,
Заведешь коммерцию,
Капиталы-денежки
Будешь гресть лопатою.
Наживешь хоромину
С трубами, с балясами,
Будешь ездить парочкой
В саночках-раскаточках.
Будешь знаться с барами,
Да все с генералами.
И с почетом, с певчими
Да с паникадилами
С белою лебедушкой
В церкви повенчаешься».
И сбылось доподлинно
Предсказанье бабушки:
Возмужал наш Ванюшка,
Поступил на фабрику.
Парень стал смекалистый,
Зашибать стал денежки

И начал старательно
Капитал сколачивать.
Приобрел он Дарвина,
Маркса да Плеханова,
Стал ходить он на люди.
И честили Ванюшку...
На Дворцовой площади
Толстою нагайкою.
Не ошиблась бабушка:
Приобрел наш Ванюшка
Знатную хоромину —
Камеру с решеткою,
И поехал Ванюшка
На Тверскую парочкой;
Свел знакомство с «барами»,
Да все с генералами.
Прожил год наш Ванюшка
В знатной той хороmine.
Подвернулась сватьяшка
Тетушка Фемидушка.
Отыскала Ванюшке
Белую лебедушку,
Толстую да крепкую,
Из пеньки крученную.
Не по нраву Ванюшке
Та была молодушка,
Да уж, видно, бабушкой
На роду так писано.
Тетушка Фемидушка
«За» и «против» взвесила
И без рассуждения
Ванюшку... повесила!

ПЕСНЯ РАБОВ

Адский гром! . .
Все кругом
Ходит, движется, вертится,
Будто хочет провалиться,
 Как былой Содом.
Мы и льем,
И куем,
Точим, пилим и строгаем,
Рубим, сверлим и клепаем,
 Мы прядем и ткем.
Мы рабы:
«Для борьбы
Непригодны» — нам сказали;
Нас рубили, в нас стреляли. . .
 Мы — жильцы тюрьмы.
С нас и пот
Градом льет,
И мороз знобит нам тело, —
Все ж с надеждой, бодро, смело
 Смотрим мы вперед.
Ну, дружней,
Поскорей!
Сбросив вялость и дремоту,
Смело, братья, за работу,
 Ну-ка, молот, бей! . .

Л. Е. Коробов

ЗИМА

«Зима! Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь».

А. С. Пушкин.

1

Зима! Хозяин торжествуя
Опять расчетом стал пугать,
И мастер, тоже холод чуя,
Расценки ниже стал давать.
Купцы тулупы одевают
И зиму весело встречают:
На тройках за город катят
И до рассвета там кутят.
Бежит оборванный рабочий
Рысцой невольною в завод,
Бежит, пока не бросит в пот.
А за спиной и дни и ночи
Нужда твердит ему: терпи
И... злобу на сердце копи!..

2

Снова зимушка холодная пришла.
Вьюга с севера завывала, замела,
Уж запрыгал старый дедушка-мороз
И хватает то за щеку, то за нос.
Белым снегом припокрылися поля.
Богатеи все полезли в соболя.

Эй ты, друг мой пролетарий, не плошай:
Рыбьим мехом свою шубу подшивай,
А не то мороз на улице свалит!
Ты послушай, что зима-то говорит:
Всем, мол, шубам шлет почтение зима,
Ну, а к блузам я пожалую сама.
Эх, старуха, не боимся мы тебя!
Постоять ведь мы умеем за себя!
Верим мы, что за тобой придет весна,
Зашумит в бору кудрявая сосна,
Смело глянет солнце красное с небес,
Встрепенется, заживет зеленый лес,
Смоют воды непокорные снега,
Запестреют, принарядятся луга,
В реку шумную сольются ручейки.
Не сдержат твоим морозам той реки!
Зашумит та многоводная река —
Беспредельная, могуча, широка.
Все плотины поразмочит без труда,
И заплачешь ты, проклятая, тогда!..

ОН ДУМАЕТ, ЧТО ПОБЕДИЛ...

Он думает, что победил,
Лукавый зверь, наш враг.
Он думает, что, погрузив
Страну в холодный мрак, —
Он наше сердце охладил
И растоптал наш стяг.

Нет, цел наш стяг и невредим
И в верных он руках,
И гнев святой еще сильнее
В пылающих сердцах,
Нетерпеливей и страстней
Воители в рядах.

Но не сейчас мы кликнем клич
Призывно-боевой, —
Мы ждем теперь со всей земли,
Со всей страны родной
Еще бойцов... Полки бойцов
Под алый стяг святой!

НЕ ДЛЯ ЦЕПЕЙ, А ДЛЯ МЕЧЕЙ...

Не для цепей, а для мечей
Мы в пекле доменных печей
Железо добываем.
 Зачем же терпим кандалы?
 Зачем, как вольные орлы,
 На воле не летаем?
Ужели так силен наш враг,
Что эти цепи на ногах
Безропотно мы носим?
 Ужель свободу предадим?
 Ужель в борьбе не победим
 И меч на поле бросим?
Нет, нет, силен рабочий класс!
Живое сердце бьется в нас.
Мы встанем за свободу.

.
.
.

Тогда бежит позорно враг.
На поле битвы красный флаг
Победно разовьется.
Не будет горя и нужды,
Не будет злобы и вражды,
Кровь больше не прольется.
 Не будет жадных богачей.
 Не для цепей, не для мечей,
 А для машин и плуга
Железо будем добывать.

Все люди будут создавать
Богатство друг для друга.
 Так будем все вперед идти!
 На этом доблестном пути
 Бесцельно не погибнем.
Нас впереди победа ждет,
Мы сбросим с жизни старый гнет
И новый мир воздвигнем.

* * *

Очнись, воспрянь! Смотри кругом.
Смотри, борьба идет!
Борьба на смерть... Борьба с врагом.
Народ, *народ* встает.
Скорей вперед, скорей, мой брат,
Мой друг, скорей вперед!
Взгляни, во тьме лучи горят,
Там светлый день встает!

ВСЕРОССИЙСКИЙ АЛКОГОЛИК...

Всероссийский алкоголик,
Царь жандармов и штыков,
Царь-убийца, провокатор
И создатель кандалов,
Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси.
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови,
Всенародный кровопийца,
Покровитель для дворян,
Царь-убийца для рабочих,
Царь-убийца для крестьян.
Люд, восставший за свободу,
Сокрушит твой подлый трон,
Долю лучшую народу
Завоует в битве он!

Д е м ь я н Б е д н ы й

ЛЕНА

*Ленский расстрел рабочих.
4 апреля 1912 года.*

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток деток.
Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вокруг них лежит —
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

* * *

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!

Кошмарный сон — бывшие беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пускай кипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг.
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победный стяг!

КУКУШКА

Кукушка,
Хвастливая болгушка,
Однажды, сидя на суку,
Перед собранием кукушечьим болтала
О чем попало,
Что ни взбрело в башку.
Сначала то да се, по общему примеру:
Врала, да знала меру.
Но под конец — поди ж ты! — соврала,
Что видела орла.
«Орла! Ведь выпадет же случай! —
Кукушки все тут в крик наперебой. —
Скажи ж скорей, каков орел собой?
Чать, туча тучей?!» —
«Ну, это как кому, — хвастуньи был ответ, —
Особого в орле, пожалуй, мало.
По мне, так ничего в нем нет,
Чего бы нам недоставало:
Те ж когти, клюв и хвост,
Почти такой же рост,
Подобно нам, весь сер — и крылья и макушка...
Короче говоря,
Чтоб слов не тратить зря:
Орел — не более, как крупная кукушка!»

Так, оскорбляя прах борца и гражданина,
Лгун некий пробовал на днях морочить свет,
Что, дескать, обсудить — так выйдет все едино
И разницы, мол, нет,
Что Герцен — что кадет.

„Трибун“

Трибуна славного, любимца муз и граций,
Раз некий юноша спросил: «Скажи, Маклаций,
Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
Таковыми стал не брезговать речами,
Что вчуже пожимать приходится плечами!
Недавно вынес суд строжайший приговор
Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
Так на суде стоял за вора,
Как будто сам ты вор?
Беру другой пример — совсем не для эффекта:
Известный взяточник-префект влетел под суд,
А ты уж тут как тут,
Готовый вызволить преступного префекта.
Не ты ль в защитники был позван богачом,
Чью знают все звериную натуру,
Кто, на врага напав из-за угла, всю шкуру
Содрал с него бичом?
Ты с этим палачом
Предстал перед судом, хваля и обеляя,
Сам знаешь, негодяя!
А между тем забыт тобой твой долг прямой —
Быть люду бедному защитой!
Ответь же, ритор знаменитый,
Скажи по совести и не кривя душой,
Кто для тебя всего дороже:
Почтивший ли тебя доверием народ
Иль всякий темный сброд,
Пред коим честный люд быть должен настороже?»

И юноше ответственал трибун,
Любимец муз и граций,
Маклаций:

«Хотя ты очень юн,
Рассудка у тебя, пожалуй, все же хватит
Понять — да и дурак поймет! —
Что всех дороже тот,
Кто всех дороже платит».

ГУМАННОСТЬ

С.-Петербургское Общество при-
зрения животных сообщило Перм-
ской городской управе, что вешать
бродячих собак негуманно. Удобнее
пользоваться специальным удушли-
вым газом.

Из газет.

«Барбос!» — «Трезор!» —
«Ты что же смотришь истуканом?
Собачник, вижу я, бежит сюда с арканом!» —
«Шмыгнем-ка под забор!»
Шмыгнули,
Улепетнули
На чей-то задний двор
И продолжают разговор:
«Слыхал, Барбос, ты новость эту?
Намедни в мусоре я выудил газету,
Так в ней прочел я: дан по городам приказ,
Что вешать, мол, собак бродячих... негуманно...
А дальше... как-то так... туманно:
Удушливый удобней, дескать, газ...» —
«Туман — в твоей башке!.. Однакоже как странно! —
Ворчит в ответ Барбос
Трезору. —
Ты, чай, слыхал про Лисий Нос?
Не дай господь попасть туда в ночную пору!
И все же это — пустяки.

Хоть я учен на медяки,
Газетки ведь и я читаю, между прочим, —
Так слушай: у людей — какую богачи
На Ленских приисках пустили кровь рабочим!
Вот тут гуманность-то людскую и сличи:
Без виселиц, без газу,
А живота лишить сумели город сразу!»

Барбосу выводов подсказывать не будем.
Сказать по совести, не знаю я и сам,
Кому завидовать кто должен: люди — псам,
Иль псы-бродяги — людям?

ГАЗЕТА

*Конфискованы №№ 1 и 2
рабочей газеты «Правда».*

«Слыхал?» — «Слыхал!» —
«Видал?» — «А не видал!» —
«Подумай: наша, брат, рабочая газетка...
Чай, жиру не придаст хозяйским-то горбам!» —
«Да... Кой-кому не по зубам
Конфетка.
А нам, гляди, как выйдет впрок!
Пойдем-кась купим номерок».
Пошли, по переулкам рыщут,
Газету ищут.
«Тьфу! Будто черт газетчиков посмёл!» —
«Нашел газетчика, нашел!»
И впрямь нашел, судя по бляхе медной:
Стоит парнишка сам не свой,
Весь бледный.
«Газетку...» — «Братцы, все унес городской!» —
«Ой, прах его возьми!.. Теперь хоть волком вой...
Ты шутишь, аль взаправду?!»

Нет, не шутил бедняк:
Под глазом у него синяк
За «Правду».

Демьян Бедный

ПОРОДА

У барыни одной
 Был пес породы странной
С какой-то кличкой иностранной.
Был он для барыни равно что сын родной:
 День каждый собственной рукой
Она его ласкает, чешет, гладит;
 Обмывши розовой водой,
 И пудрит и помадит.
 А если пес нагадит —
Приставлен был смотреть и убирать за ним
 Мужик Аким.
 Но под конец такое дело
 Акиму надоело:
«Тьфу, — говорит, — уйду я к господам другим!
Без ропота, свободно
Труд каторжный снесу.
Готов служить кому угодно,
Хоть дьяволу, но только бы не псу!»
Так порешив на этом твердо,
Оставшись как-то с псом наедине,
Аким к нему: «Скажи ты мне,
 Собачья морда,
С чего ты нос дерешь так гордо?
 Ума не приложу:
 За что я псу служу?
За что почет тебе, такому-то уроду?!» —
«За что? — ответил пес, скрывая в сердце

злость. —

За то, что ты — мужичья кость
И должен чтить мою высокую породу!»

Забыл Аким: «По роду и удел!»
 Так ведь Аким — простонародье.
Но если я какого пса задел,
 Простите, ваше благородье!

ДОМ

В шестизэтажном доме г. Торкачевы, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

«Новое время», № 13056, 1912 г.

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут пришлось тужить:
Дом ни продать, ни заложить,
Жильцы вразброд бежали,
А кредиторы жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил: «Заминка, братцы, в малом.
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою».
Вранье не всякому вредит:
Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,
Он к дому старому почал подпорки ладить,

Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,
Переменил обои
И — смотрит богачом!

Дом — только б не было насчет нутра огласки,
По виду ж — ничего: жить можно без опаски.
Тем временем пошла охота на жильцов:

Хозяин нанял молодцов,
Чтоб распускали слухи,
Что в «новом» доме все с заморских образцов,
От притолок до изразцов;
Покой все светлы и сухи;
Жильцам — бесплатные услуги и дрова

И даже —
Живи в подвале, в бельэтаже —
Всем честь одна и та же
И равные права.

Порядков новых-де хозяин наш поборник:
Он для жильцов — всего послушный только дворник,

Хозяева ж — они. А что насчет цены,
Так дешевизне впрямь дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.

Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же весь прогнил, —
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!

Хозяин в бурное приходит восхищенье:
«Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!»

Набит сарай битком
Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.

Как только ж удался свесть
Ему концы с концами,

К расправе приступил он с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать и честь,
И чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроще бы искать себе палаты,
Не забираться во дворец.

Контрактов не было, так потому хитрец

Мог проявить хозяйский норов
И выгнать бедноту без дальних разговоров.
А чтобы во «дворец» не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
И наказал швейцарам:
Давать проход лишь благородным барам,
Чиnam, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно:
Дом рухнул. Только я проверить не успел,
Не дом ли то другой, а наш покуда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.

*«Псковская жизнь», 1911, № 557,
«Деревенские частушки».*

Где в мире найдем мы пример, по-
добный русской аграрной реформе?
Почему не могло бы совершиться
нечто подобное и среди тружеников
промышленного дела?

«Россия», 17/VIII 1912 г.

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ — кто по дворам, кто под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.

«Ну что, брат лапоть, как делишки?» —

С соседом речь завел сапог.

«Не говори... Казнит меня за что-то бог:

Жена больна и голодны детишки...»

И сам, как видишь, тощ,

Как хвощ...»

Последние проели животишки...» —

«Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?» —

«Не, мира не порочь.

Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то не миряне!» —

«Что ж? Лапти перешли в дворяне?» —

«Ох, не шути. . .
Мы — хуторяне». —
«Ахти!

На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?» —
«Почти!

От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!
Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: «Вас, братцы, из села
Никто не гонит.

Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
Кто не пойдет на хутора,
Сам счастье проворонит.

Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно,

Рукам — легко, душе — отраднo.
Рай, не житье: в мороз — тепло,
В жару — прохладно!»

Уж так-то выходило складно.

Спервоначалу нам беда и не в знатье.
Поверили. Изведали житье.

Ох, будь оно неладно!

Уж я те говорю. . . Уж я те говорю. . .
Такая жизнь пришла: заране гроб сколотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.

Да что?! Пропало — не воротишь!

Теперя по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья».

Взглянув на лапоть исподлобья,

Вздыхнул сапог: «Эх-ма! Ты заслужил беду.

Полна еще изрядно сору

Твоя плетеная башка.

Судьба твоя как ни тяжка, —

Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе «душка»

Насчет отпору.

Ты пригляделся бы хоть к нам,

К рабочим сапогам.

Один у каши, брат, загинет.

А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!

Уж сколько раз враги пытались толковать:

«Ох, эти сапоги! Их надо подковать!»

Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы — в воду и в огонь!
 Попробуй-ка, нас тронь.
 Мы повоюем!»

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком берегу
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.

«Здорово!» — пропищал кларнет.

«Здорово, брат, — рожок в ответ, —
Здорово!

Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар, аль из каких?»

«Вот это ново, —

Обиделся кларнет. — Глаза вперед протри,
Да лучше посмотри,

Чем задавать вопрос мне неуместный.

Кларнет я, музыкант известный.

Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,

Но я за свой талант в места какие вхож?!

Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.

А все скажу, не утаю:

Под музыку мою

Танцуют, батенька, порой князя и графы!

Вот ты свою игру с моей теперь сравни:

Ведь под твою — быки с коровами одни

Хвостами машут!»

«То так, — сказал рожок, — нам графы не сродни.

Одначе помяни:

Когда-нибудь они

Под музыку и под мою запляшут!»

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.

А не потонем — все равно
Водой промочит все зерно».

Приказчик мечется, хлопочет,
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
«Святители! Разор!

Чины небесные, арханделы и власти!
Спасите от лихой напасти!
Я добрым делом отплачу...
Сведу в лампадах пуд елею...
Под первый праздничек свечу
Вот с эту мачту закачу...
И сотельной не пожалею!»

То слыша, говорит приказчик Пантелею:
«Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?» —
«Молчи, дурак, — умнее будешь! —

Хозяин отвечал сквозь слез. —

Дай только вымолить скорей у неба жалость,
Чтоб я с моим добром остался невредим, —
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!»

Читатель, за вопрос нескромный извини:
Скажи, ты помнишь ли те дни,

Когда везде толпы народа
Гудели, как шмели
У меда:
«Свобода!
Свобода!»

А дела до конца не довели.
На радостях, забыв о старом,
Обмякли перед вольным даром.
Читатель, если ты один из тех шмелей,
Сам на себя пеняй и сам себя жалей, —
А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

КЛОП

Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться случайно.

Клоп рад был встрече чрезвычайно,

Панкрат — не слишком рад.

А надо вам сказать: судьба свела их вместе —

Не помню точно, где,

Не то в суде,

Не то в присутственном каком-то важном месте.

Кругом — чины да знать. Нарядная толпа

Изнемогает в кривотолках.

Панкрат и без того сидел как на иголках, —

А тут нелегкая несет еще клопа!

Взобравшись ловко по обоям

К Панкрату на рукав, клоп таким героем

Уселся на руку и шарит хоботком.

От злости наш Панкрат позеленел весь даже:

«Ах, черт, и ты туда же,

Кормиться мужиком!» —

И со всего размаху

Хлоп дядя по клопу свободною рукой.

Мир праху

И вечный упокой!

—

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?

А я — ни жив ни мертв. Наморщив потный лоб,

Сижую, ужасною догадкой потрясенный:

Ну что, как этот клоп —

Казенный?

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняся без дела,
В реке, средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.
(«Случайно», говорю, — а может, «неслучайно»?)
Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой,
Каких товарищей избрать в совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной.
Достойных выбрали. «Все любви вам, аль нет?» —
«Все любви!» — «Все!» —
«Проголосуем». —
«Согласны, что и подписуем». —
«Позвольте! Как же так? Уж утвержден совет? —
Пищит какой-то вьюн. — Да я ж не подписался!»
«Ты к нам откуда притесался? —
Кричат ерши. —
Не шебарши!» —
«Чего — не шебарши? Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов, почище вас умы.
Со щукой боремся и мы». —
«Вы?» — «Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы,
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способам борьбы». —
«Каким?» — «Сноровке и терпенью.
Уметь мелькнуть неслышной тенью,

Где попросить, где погрозить,
Где аргументом поразить, —
Зря не казать своих колючек:
Колючки — это уж старо! —
«Постой! Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?» —
«Есть». — «Без колючек все?» —
«Вестимо». —
«Тогда... плывите, братцы, мимо!»

И ТАМ И ТУТ

Химический анализ мази показал, что она не содержит никаких ядовитых веществ, за исключением свинца.

Из речи Литвинова-Фалинского.

Умер рабочий завода «Вулкан» Андреев, застреленный городовым во время демонстрации.

Из газет.

На фабрике — отравы,
На улице — расправа,
И там свинец и тут свинец...
Один конец!

МАЙ

Подмяв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнцепеке.
«Лука, — будил его хозяин, — а Лука!
Ты что ж? Всерьез? Аль так, валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебоке?
Ну полежал, и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку?
Все голь фабричная... У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна... Мутить простой народ...
«Ма-ев-ка!» Знаем мы маевку.
За что я к Пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука!..
Эх, милый, не дури... Одумайся... пока...
Добром прошу... Потом уже не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражника подать рукой!..»
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил, побагровел. Глаза горят как свечи.
«Хозяин! — вымолвил. — Запомни... этот... май!.. —
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: — Слышь? Лучше не замай!»

Группа поэтов — «правдивов»: Я. Бердников, И. Садофьев, И. Логинов, А. Маширов

А. Богданов

ТАК БЫЛО — ТАК БУДЕТ

1

Где ввысь мятежится зловещая тайга,
Где шахты мерзлые зияют, как могила,
Еще не стояли глубокие снега.

Их тысячи пошли. Они — живая сила —
Из черных, смрадных нор неволи и нужды
Искали платы за труды.

Но враг предательски подкрался, — хищный враг,
И платой за труды был только залп солдатский.
Их сотни полегло в одной могиле братской. . .

А враг торжествовал, смеясь.

И было так.

2

Но будет так:
Остались живые.
Из черных шахт восстанет Труд,
Вскипят огнями недра вековые.

.
В победном торжестве свершится правый суд,
И всем насильникам возмездье даст судьба:
Казнь у позорного столба.

А. Маширов

РУЧЬИ

Нас вскормили, нас согрели
В мягкой снежной колыбели
Солнца яркие лучи...
Нам нахмуренные ели
Много горьких дум пропели,
Мы — родных полей ручьи...
Смело мы вперед несемся,
С чутким сердцем обоймемся
И об каменную грудь
Дружно в брызги разобьемся...
Не погибнем! Вновь сольемся —
И опять в свободный путь!

ГРЕБЦЫ

Не страшась борьбы упорной,
Неустанно день за днем
Мы по бездне моря черной
В даль заветную плывем.

В первом радостном обмане
Цель казалась нам близка...
Но кругом в седом тумане
Потонули берега...

Уж одни гребцы устали
В волны весла опускать
И в сырой туманной дали
Золотого солнца ждать.

Мы гребцов усталых сменим
И, бесстрашно, в свой черед,
Дружно волны моря вспенив,
Смело двинемся вперед!

ПОСЛЕ РАБОТЫ

После ужина в каморке бедной,
Сбросив дня тяжелые вериги,
Сядет он при свете лампы бледной
За свои пленительные книги.

За стеною без конца тревожит
Смех и плач беспечных ребятишек,
Но ничто уже отвлечь не может
Жадной мысли от любимых книжек.

И пройдут сомкнутыми рядами
Дети общей и суровой доли,
С их борьбой и старыми вождями,
Что ведут рабочих к светлой воле.

И, склоняясь в томительной дремоте,
Полный дум и грез, он тихо ляжет,
Завтра утром на своей работе
Он об них друзьям своим расскажет.

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

Были сомненья ей дики,
Полной огня и тревог...
Помню — любила гвоздики
Красный цветок.

Каждый увидеть в собраньи
С этим цветком ее мог,
В шутку ей дали название
«Красный цветок»...

Раз непогодной порою
Злобный постиг ее рок:
Был у нас вырван тюрьмою
Красный цветок...

Ссылки угрюмой и строгой
Путь и суров и далек...
Тихо стал вянуть в дороге
Красный цветок...

Вьюгой овеянный снежной,
Север суров и жесток, —
Снегом засыпан был нежный
Красный цветок...

ЗАРНИЦЫ

В руках усталых дрогнули страницы,
Печатный лист слезами окроплен...
Твоей души — свободной, гордой птицы —
Сгибает крылья черный небосклон.

Не плачь, мой друг, взгляни в окно ночное,
Не так ли даль немых небес темна?
Но вот, смутив молчанье роковое,
Во мраке яркие сверкают письма.

То мощных сил рождаются зарницы,
Они блестят чарующе во мгле;
О, каждый вздох оплаканной страницы,
Ты семя новое в распаханной земле.

ПОВОМУ ТОВАРИЦУ

Вихрь крутящихся колес,
Пляска бешеных ремней,
Эй, товарищ, не робей!
Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято море слез,
Много сгублено огней, —
Не робей!
Ты пришел от мирных рос,
Светлых речек и полей.
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное слилось,
Невозможное сбылось
На заре грядущих дней,
Не робей!
Наше счастье поднялось
По верхам седых гребней,
Эй, товарищ, не робей!
В царстве скорби и теней
Солнце мощное зажглось,
И горит оно сильней.
Не робей!
Словно каменный колосс,
Стань у бешеных ремней,
Эй, товарищ, не робей!
Пусть сильнее шум колес —
В цепь еще звено вплелось,
Рать сомкнулася плотней, —
Не робей!

ВЕСЕННИЙ ПРИВЕТ

Опять зашумели в зеленом наряде
Родимого леса побеги живые,
И весело мчатся к последней преграде
В весеннем разбеге лучи молодые.

Опять пробуждаясь, весна задымилась,
И шире раскинулись синие дали,
И сердце, как прежде, надеждой забилося,
Что сбудется то, что так долго мы ждали.

Шумите, вершины, с родными ручьями,
Шумите свободой и жаждою света,
Чтоб в мире труда засверкало над вами
И вечное солнце и вечное лето!

НЕ ГОВОРИ В ЖИВОМ ПРИЗНАНЬИ...

Не говори в живом признании
Мне слова гордого «поэт».
Мы — первой радости дыханье,
Мы — первой зелени расцвет.
Разрушив черные оконца,
Мы жаждем миром опьянеть.
Еще не нам, не знавшим солнца,
Вершиной гордою шуметь.
Еще неведомой тревогой
Полна восторженная грудь,
И очарованной дорогой
Мы только начали свой путь.
Придет пора, порыв созреет,
Заблещет солнцем наша цель.
Поэта мощного взлелеет
Рабочих песен колыбель.
И он придет как вождь народный,
Как бури радостный раскат,
И в песне пламенной, свободной
И наши песни прозвучат.

Ф. Шкулев

* * *

Гуди призывом благодатным,
Смелей, настойчивей гуди,
И всех, кто спит в родной отчизне,
На дело общее буди.

Несись ты вдаль по горным кручам,
По стогнам бедных деревень,
Где под ярмом тяжелой доли
Страдают люди ночь и день.

Гуди призывом благодатным,
Чтоб наш измученный народ
Разрушил цепи роковые
И сбросил вековечный гнет. . .

Гуди, набат, гуди сильнее,
Гуди над Русью без конца. . .
Пусть от твоих ударов мощных
Дрожат холодные сердца.

* * *

Громадные стены как листья дрожат
От взмаха колес и приводов,
А там, за стенами, наш труд сторожат
Высокие трубы заводов.

Мы — люди труда, мы привыкли давно
И к пыли, и к смраду, и к шуму...
Будь холод, жара ли — для нас все равно, —
Лелеем мы светлую думу.

Прекрасное, лучшее время придет,
Другие нас силы заменят,
И труд наш упорный, стремленье вперед
Они благородно оценят...

Мы — люди труда, и нам все нипочем!
Нам сталь и чугун поддается.
Где рук не хватает, сопрем всё плечом,
Лишь песня веселая льется...

Из груд чугуна и железной руды
Красиво, легко и свободно,
Лишь только свои мы приложим труды,
Мы сделаем все, что угодно.

Чрез реки, овраги проложим мосты,
С трудом где проходят обозы,
Устроим дорогу такой прямоты,
Что вдаль побегут паровозы...

МЫ КУЗНЕЦЫ, И ДУХ НАШ МОЛОД...

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы к счастью ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!
Мы светлый путь куюм народу,
Мы счастье родине куюм. . .
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.
Ведь после каждого удара
Редее тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

ВЕЛИКАН

Много было великанов
В пору старых, славных лет,
Ими все гордились в мире,
Весь дивился белый свет.
Говорят про них былины,
Песни звучные поют.
А ведь эти великаны
И сейчас у нас живут.
Загляните в чисто поле:
Кто на ниве за сохой
День без усталости шагает
Разрыхленной бороздой?
Кто, как перышком, махает
На лугу стальной косой?
Кто с «Дубинушкой» по Волге
Тянет барку бечевой?
Кто тяжелою кувалдой
И чугун и сталь дробит?
Кто из недр земли холодной,
Точно пух, извлек гранит?
Кто железные дороги
Нам провел из дальних стран?
Это наш родной, могучий
Трудолюбец-великан.

А. Поморский

„ЗВЕЗДА“

В сибирской ссылке и в остроге
Мечтал я свет зари найти.
Ты осветила все дороги,
Ты озарила все пути!
Скажи, какими мне словами
Воспеть великий подвиг твой?
Какими славными делами
Увековечить свет живой?

.
Держу газеты долгожданной
Лист влажный, пахнувший весной.
Смрад буржуазного обмана
Рассеялся передо мной.
И сердце мне шепнуло: прав ты,
Когда вступил с врагами в бой.
Вновь солнце большевистской правды
Мне стало счастьем и судьбой.

.
С каким восторгом на заводах,
В рабочих клубах и в лесу,
Где дышит вольностью природа,
«Звезду» читаем. Я несу
Газету тайно на маевку,
Где нет надзора, нет шпиков,
Не целит в грудь друзьям винтовка,
Не блещут острия штыков.
Здесь песни льются без запрета,
Маевки шумно-веселы.

Здесь столько смеха, столько света,
Озера так вокруг светлы!
Здесь тропы тайные так росны,
Цветы душисты. Напоен
Весною воздух, бронзой сосны
Сверкают средь родных знамен.
Над полем жаворонок вьется,
Во ржи синеют васильки.
А солнце весело смеется
В прозрачном зеркале реки!
Весна пирует ярко, пышно,
Даря лесам свой щедрый цвет,
Но соловья еще не слышно
И шелеста деревьев нет!

.
Но вдруг среди ветвей сплетенных
Казачий силуэт блеснул —
И мы увидели погоны
И синий блеск ружейных дул.
«Казачи!» Звонкий звук копыта
Раздался близко. «Патрули»
Дают нам знак, что вновь раскрыта
Маевка. Слышен свист вдали.
Но схватку мы в лесу затеяв,
Всем нелегальным скрыть следы
Давали время. От злодеев
Ушли сотрудники «Звезды».

.
Бьет полночь. Предо мной газета,
Стол мирно лампой освещен.
На нем раскрыт блокнот поэта,
Стих о «Звезде» не завершен.
Склонясь, газету я читаю:
Волнуя, Сталина статья
Как вдохновенье окрыляет,
И вновь стихи слагаю я.
Стук. Кто там? С клетотом зловещим
Казенных окаянных шпор,
В потемках сталкивая вещи,
Вдруг входит пристав в коридор.
Хозяйка в белом, со свечою,
Проводит пристава ко мне.

Сатрап, усат, нахален, черен,
Портфель кладет на стол. В окне
Его уродливый и странный
Дрожит полночный силуэт.
Страж пишет, пишет долго, рьяно,
Свечи блистает тусклый свет.
Во всех дверях как неживые,
Подобно идолам стоят
Дорослые городовые,
Бросая оловянный взгляд.
«А где «Звезда»? Ответь-ка быстро!
Молчать! Крамольничать нельзя!» —
Рычит как зверь взбешенный пристав,
Рукой по ящикам скользя.
— «Звезда»? Она горит повсюду!
Она не гаснет никогда.
Там, где живетесь тяжко люду,
Ее лучи светлы всегда! —
«Ну, ничего, «Звезду» погасим, —
Хочет страж, распялив рот. —
У нас в руках немало власти».
— «Звезда» всю эту власть сожжет! —
«Молчать!» Склонясь, совсем чужая
(Мой путь опять в тюрьму лежит!),
Хозяйка с плачем провожает
Меня. Свеча в руке дрожит.
А там, в тьме сумрака сырого,
В час предрассветный, как всегда,
Горит, пробившись сквозь засовы,
Неугасимая «Звезда».
Ее читаю я с волненьем,
Надежда в сердце вновь горит.
Мне кажется, товарищ Ленин
Со мной незримо говорит.

ПРОЛЕТАРНО-ПОЭТУ

Возьми свой стяг, зажги свой факел света
И сердце пред звездой востока обнажи.
Иди туда, где не было пророка и поэта,
Грядущему певцу дорогу проложи.

Расторгни ночь великими мечтами,
Завесы темных туч улыбкою затронь,
И разгони шутов безумных с бубенцами,
И погаси их меркнущий огонь...

Войди в их храм, сорви с замков засовы!
Будь горд, будь грозен в этот час!
И в капище богов зажги светильник новый
Для пролетарских масс.

ФОНАРЩИК

Меркнет город,
В даях зыбких
Тени стелет полумгла.
Очертанья зданий гибких
Ночь в потемках погребла.
Лентой звездной,
Лентой длинной
От движения руки,
Словно тусклые рубины,
Загораются рожки.
Им туманов мрак
Не страшен,
Ночь сырая не страшна!
Сквозь ряды
Домов и башен
Цепь их светлая видна!

Торопливо он стремится
К фонарю от фонаря.
Ночь пройдет — и загорится
Восходящая заря.

ЯРКИ ЗОРИ ЗОЛОТЫЕ...

Ярки зори золотые,
Ясны дали голубые,
К солнцу новому иду,
Гордо я иду — рабочий;
Холод ночи,
Ночь короче,
Перед далью молодою
Развернется предо мною
Небо выше и лазурней,
Сердце радостнее, бурней
Вспыхнет в трепетной груди,
Наше счастье впереди,
К солнцу новому иди —
жди!

Я. Бердников

К СВОБОДЕ

Загляни ты к нам скорее,
Путеводная звезда,
И лучом своим приветным
Облегчи ярмо труда.

Загорись зарею новой,
Погаси печаль в груди,
Мирно спящих в мгле суровой
Песней бодрой пробуди.

Разгони туман ненастья,
Душный воздух освежи,
Вечным труженикам к счастью
Путь свободный укажи.

С РАБОТЫ

(Сонет)

Уж гаснет в небесах закат зари багровой,
Темнее день в эфире голубом,
А он, бедняк, измученный трудом,
Бредет, как тень, к семье с нуждой суровой.

Над ним, кружась, гремит корабль воздушный,
Под ним гранит и грязных улиц пыль,
А там, вдали, листвою равнодушной
Шумит зеленый бор и шепчется ковыль.

Но шум лесной... всю жизнь родной природы
Он променял неволью на заводы,
На бедный кров... И все же счастья нет.

Но верит он, что тяжкий труд недолог,
Что с каждым днем редет ночи полог,
Что шум растет... и близится рассвет.

ЛИТЕЙЩИК

(Поэма)

Посвящается моей матери.

Уйдя от жизни трудовой,
С надеждой... с бодрою мечтой,
Вдали, где шумной жизни нет,
Я жил в изгнании много лет:
То в край глухой, где дремлет люд,
Я выслан был за вольный труд...
И там я жил и тосковал,
Но как помочь себе, не знал...
Порой, куда ни кину взор,
Передо мной степей простор
И гладь извилистых дорог,
Но вдаль стремиться я не мог...
Однажды в грудь запала мне
Тоска о детях, о жене...
И вспомнил я про жизнь свою,
Прошедшую в родном краю...
Как в городе живут друзья?..
Жива ли мать... моя семья?..
И грусть над думой верх взяла,
Меня в столицу привела...
И вот опять... в заводе я,
Где вольный стяг куют друзья.
Все та же жизнь здесь, тот же труд,
Но в мир иной стремится люд.
Но я в завод не унывать —
Я бодро жизнь пришел ковать,
Ковать для тех, чья жизнь — страда,

Полна лишений и труда.
И здесь, вдали от нив и вод,
Опять я полюбил завод.
И в дальний край сиянье дня
Уж больше не влечет меня.
Но не нашел я меж людей
Родную мать, жену, детей:
На голод злой обречены,
Они давно погребены.
Но где и как? .. и чьей рукой? ..
И чем отмечен их покой? ..
О, сколько б дал я сил своих,
Чтоб мне вернули к жизни их! ..
Но чтоб обратно в мир прийти,
Для мертвых нет уж к нам пути,
И здесь, забыв простор степей,
Теперь в кругу родных людей,
Придя в завод, я каждый день
В земле все роюсь, точно тень,
И на опоки от работ
С лица струится градом пот.
Но с окрыленную мечтой
Стремлюсь я к цели уж иной.

Шумит вагранка... Бедный люд
Свершает свой тяжелый труд:
То льет он, в руки взяв тройник,
Чугун расплавленный в летник.
И от опок уж по рядам
Дымится испарь тут и там.

Шуми, вагранка... Дуй сильнее,
Чтоб кончить мне литье скорей;
Окончив тяжкий труд дневной,
Вернуться бодрым на покой.
А завтра с раннею зарей
В угрюмой, темной мастерской
Я буду целый день опять
Землей опоки набивать...

Взойдет заря... исчезнет тень...
Настанет наш желанный день.

И буду я под шум дневной
На ниве жизни трудовой
С свободной песней вольно жить,
Мечты в иные формы лить,
И верю я, что будет нам
Привольней жить и тут... и там...

Шуми ж, вагранка... Дуй сильней,
Чтоб кончить мне литье скорей;
Окончив тяжкий труд дневной,
Вернуться бодрым на покой,
Чтоб завтра с раннею зарей
В угрюмой, темной мастерской
Я мог с свободною мечтой
Стремиться к воле трудовой...

Н. Рыбацкий

ПЕСНИ КУЗНИЦЫ

Воют печи, свищут горны,
Дышат смрадом и огнем.
Непреклонны, волей тверды,
Мы куем
Молотками, молотками,
С перезвоном ручниками,
Песню кузницы поем:

Эй, гляди веселей!
Руби, ломай, прилаживай!
Не робей! То и знай —
Подавай, принимай.
Стой ровнее!
Цель вернее!
Сил не жалеючи,
Бей!

С лязгом, грохотом и звоном,
Вольнодумные умы,
С неумолчным эхом-стоном
В дружбе мы:
В них напевы, в них призывы,
В них все то, чем будем живы,
Будем вольными людьми.

Эй, гляди веселей!
Руби, ломай, прилаживай!
Не робей! То и знай —
Подавай, принимай.
Стой ровнее!
Цель вернее!

Сил не жалеючи,
Бей!

Мышцы, руки крепки, жестки,
Брызжут искры: «обожжем!»
Вы смешны нам, искры-блестки,
Мы — куем!

Там, где битва, там, где дело, —
Не жалей ни мозг, ни тело:
Кончим дело — отдохнем.

Эй, гляди веселей!
Руби, ломай, прилаживай!
Не робей! То и знай —
Подавай, принимай.
Стой ровнее!
Цель вернее!
Сил не жалеючи,
Бей!

Сталь крепка — усиль удары.
Бей, чтоб гул земной пошел:
Нашу робость, наши свары —
Все нашел.
Захватил бы, закрутил бы,
Вскинул, вдребезги разбил бы
И за грань земли ушел.

Эй, гляди веселей!
Руби, ломай, прилаживай!
Не робей! То и знай —
Подавай, принимай.
Стой ровнее!
Цель вернее!
Сил не жалеючи,
Бей!

Свищут горны, воют печи,
Дышат срадом и огнем...
Ноют спины, ноги, плечи,
Мы — куем

Молотками, молотками,
С перезвоном ручниками,
Песню кузницы поем:

Эй, гляди веселей!
Руби, ломай, прилаживай!
Не робей! То и знай —

По­да­вай, при­ни­май.
Стой ровнее!
Цель вернее!
Сил не жалеючи,
Бей!

ХЛЕБА!

К матери хворой ребенок кудрявый
С жалобным плачем головку склонил,
Тянет ее за передник дырявый:
«Мамочка, слышишь? я хлеба просил...»

Зова малютки не слышит родная —
К стенке прижалася, скорби полна,
Громко вздыхает и, слезы роняя,
Взора не сводит с иконы она.

Бродят в головушке мрачные мысли;
Щеки ввалилися, очи горят;
Тощие руки, как плети, повисли;
Горькую правду уста говорят:

«С малых лет в заботушке,

С малых лет в нужде...

Матушка-заступница,

Помоги в беде!

Девкой расторопною

Я к станку пришла,

Приглянулась мастеру...

По рукам пошла.

Нудили работою,

Нудили любить,

Если не давалася —

Не стыдились бить.

Родила — смеялися...

Ныло от стыда!

Не была я счастлива

В жизни никогда...

Фабрика табачная
За недолгий путь
Силушку расхитила,
Иссушила грудь.
Где тут лечь в больницу,
Ладила к станку:
Заработать надобно
Хлебушка сынку.
Вот я доработалась
До худого дня:
Отказала фабрика,
Выгнали меня.
«Медленно работаешь
И совсем больна.
Полечись в провинции, —
Фабрика пыльна...»

Грохнулась оземь, рыдает и просит...
Лик пресвятой безучастен и строг.
«Ох, вы мне (кто-то грозясь произносит)...
Завтра же вас — за порог!..»

ИДИ:

Нет, нет! Не говори, что силы ослабели,
И путь кремнист, и ночь тюрьмы мрачней:
Иди вперед, иди к заветной цели,
На зов вдали мерцающих огней!

Не малодушествуй! К былому нет возврата,
А счастье там — далеко впереди.
Споткнешься — встань, паденьем жизнь богата,
Воспрянь душой — и вновь иди, иди!

Д. Семеновский

МИЗУЛА

Поле... Елей вереницы...
Комья вспаханной земли...
Солнце красное жар-птицей
Село, — дремлет на ели.
 Меркнет солнце. День уходит...
 Дико крикнул сыч вверху.
 В чистом поле пахарь ходит —
 Водит острую соху.
Хмур и грозен бор зубчатый,
Тяжек, темен, долог путь...
Неустанно ходит ратай,
Бороздя земную грудь.
 Черны срезанные пласты...
 Тихи шорохи сохи...
 Солнце село в ельник частый
 На седые мхи.
Поразвезяло над бором
Золоченый яркий хвост...
Всё-то полем, всё простором
Ходит ратай вдоль борозд.
 На руках его мозоли,
 И кобылка немудра,
 Да проходит в чистом поле
 От заката до утра.
Да при каждом повороте
Сошка, легкая узда
Засияют в позолоте,
Зачернест борозда...

Полю чистому конца нет...
Грудь земли суха, дика...
Но сохою не устанет
Править мощная рука.
Меркнет в небе позолота...
Темен ельник... Дик пустырь...
Меж оврагов вдоль болота
Ходит пахарь-богатырь.
Он ведет с природой давний,
Вековой упорный спор,
Пни жорчует, крушит камни
Силам злым наперекор.
В непрерывной, вечной ссоре
С почвой скудной и сухой
Он живет в нужде и горе
За помощницей-сохой.
Чуток, зорок бор, как враг,
Поднял острые верха...
Въедет ратай на пригорок —
Скрипнет, встанет жар-соха.
«Гой ты, кованая сошка,
Гой, кобылка — конь степной!
Послужи еще немножко
Стороне родной!»
И опять шагает ратай,
Ходит полем богатырь...
Гаснет золото заката...
Хмуры ели... Дик пустырь...

КУЗНЕЦ

Товарищ, скорее за дело!
Недаром ты встал до зари.
Остывший свой горн разъяри,
Чтоб пламя рвалось и гудело,
И крепче, сильней и смелей
В железо горячее бей.

Металлов могучим владыкой
Стой в злой, мятущейся мгле,
И век золотой на земле
Из века железного выкуй!

Вся в зареве горна, рука
Верна, и тверда, и метка.

В. К у й б ы ш е в

МОРЕ ЖИЗНИ

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.

Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит унынья след.
Прочь же робкие молитвы,
Им уж в сердце места нет.

В сердце дерзость. Жизни море
Вскинет нас в своих волнах.
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

Горе выпадет на долю —
Бури шум поможет нам
Закалить страданьем волю
И не пасть к его ногам.

Будем жить. Любовь? Чудесно!
В бурю любитя сильней.
Ярче чувство, сердцу тесно
Биться лишь в груди своей.

Так полюбим! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах.

И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

Наслажденье мыслью смелой
Понесем с собою в бой,
И удар рукой умелой
Мы направим в строй гнилой.

Будем жить, страдать, смеяться,
Будем мыслить, петь, любить.
Буря вторит, ветры злятся.
Славно, братцы, в бурю жить!

Нуте ж в волны! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах.
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

Д. Одицов

ТАМ, ГДЕ ВСЕ ПРОБЛЕСКИ ЖИЗНИ ОБЪЯЛА

Там, где все проблески жизни объяла
Цепью железною власть капитала,
Где над разбитою жизнью, больной,
Кружатся призраки смерти толпой, —
В этих подвалах, и темных и душных,
В душах рабов безответных, послушных,
Точно как ласка любви, иногда
Светит исканий святая звезда.
Там не исчерпаны свежие силы,
Где с колыбели до самой могилы
В жизни так мало отрадных картин,
Где с отдаленных веками глубин
Тяжкое иго несут поколения, —
Там не угасли любовь и стремленья
И под налетами скорби порой
Светит, мерцая, огонь золотой.

ВПЕРЕД

Давно синее и сверкает
Бездонной ночи глубина.
Мою каморку осеняет
Мой друг полночный — тишина.

Шуршит последняя страница.
В груди горит огонь живой...
Пусть ночь сомкнет мои ресницы —
Я не поникну головой.

Наутро, с первыми лучами,
Страхнув с души крылатый сон,
Я встречу день с его трудами,
Машинный гул, металла звон.

Вдоль улиц сонных и угрюмых
К труду привычно поспешу
И ночи огненные думы
В заботах дня не угашу.

В пыли, во тьме и горьком дыме
Я сохраню мои огни,
Всю жизнь я спаян буду с ними,
И день и ночь со мной они!

Итак, навстречу светлой дали,
Неся в душе огонь живой,
Под рев гудка и грохот стали
Вперед — к культуре мировой!

Н. Раткиров

* * *

Свинцовой мглой седая жмара
Одела небо, как дым пожара,
Порывы ветра в смятении диком
И рвут и мечут с мятежным криком;
И хлопья снега в безумной пляске
Кружатся в вихре морозной пыли,
Как духи ночи в волшебной сказке,
Беснуясь, небо собой закрыли.
Я помню: тяжко, в безумьи гнева
Метель гасила тоску покоя,
В смятенных звуках ее напева
Терялись стоны и клики боя.
И вьюга злилась и, пламенея,
Кидала небу свои проклятья,
Но нам привольней дышалось с нею:
Мы с нею были родные братья.

Ш. Ульянов

НЕ РОБЕЙ...

... Не робей,
Знай дружней
Ты весло поднимай.
Волны режь-рассекай,
Знай, умело!

Мрак пропал,
Тише стал
Ветер бездну вздымать
И челнок наш бросать...
Держись смело!

Запылал,
Красным стал
И яснееет восток;
И уж день недалек —
С чудным светом.

Ты запой,
Я — с тобой.
Вторя мощным волнам,
Наша песня к лучам,
Раздробясь серебром,

Под небесным шатром
Полетит,
Зазвенит,
Вдаль — с приветом.

Мы туда,
Где труда
Ничего выше нет,
Где горит правды свет
Лишь высоко!

Где живут —
Не куют
Из металла цепей
Для собратьев-людей
И где нет палачей...

Ну, сильней же, сильней
Ты весло поднимай:
Тот заветный уж край —
Недалеко!

С. Нахимсон

КАДЕТ

Банкеты, анкеты и съезды,
Петиции — сфера моя.
Репрессий, угроз и насилий
Избегнуть стараюсь лишь я.
«Мы требуем» — слова не знаю,
«Мы просим» — признаться, люблю,
И, скорчив гражданскую мину,
Удобный момент я ловлю.
Об общем я благе радею,
И даже я клясться готов,
Что — «левый». И, право, противник
Я старых, негодных основ.
Но... только потише. На деле
Мне мил этот старый наш строй,
И только починки он просит.
Починку! За это горой.
Наладим, подмажем, починим,
Исправим, пришьем, подогнем,
Кой-где мы отнимем, отрежем,
Кой-где мы и краской мазнем.
Починку! И, став депутатом,
О всем постараюсь забыть;
На кресло в Таврическом зале
Что хочешь готов обменять!

С. Ганьшин

ТОВАРИЩАМ

Нет, не нам отдыхать.
Мы работать должны что есть силы,
Знамя правды, борьбы
Понесем мы до самой могилы.
Кто в борьбе изнемог,
Чья душа от страданий изныла,
Пусть они отдохнут,
А у нас с вами есть еще сила.
Мы бороться должны,
Перенести и позор и невзгоды...
Мы падем, но придет
Светлый праздник желанной свободы.

Неизвестный автор

ДУМА

Дня в слезах не видя, бабушка Ненила
До самих министров с просьбой доходила.
Вот и вышла милость: одного повесить,
В каторгу другого, что-то лет на десять,
И трясет с тоскою головой старушка.
«Ах, скорей бы Дума, жив бы был Ванюшка!»

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Дай сойдется Дума, будет землемерам, —
Думают крестьяне, — скажет Дума слово,
И землю нашу отдадут нам снова».

Захотел профессор издавать газету.
Он недаром рыскал столько лет по свету:
Понатерся в людях, попригладил шкуру,
Грезил: «Буду дома разводить культуру».
Но попал в застенок и твердит утрюмо:
«Ладно, нам не к спеху, скоро будет Дума».

Мирно на заводе стачка протекала.
Вдруг орда вандалов с гиком прискакала.
Смертно бьют налево, смертно бьют направо,
Бьют и высылают — коротка расправа!
Люди разбежались в дебри без оглядки.
«Хоть бы Думу, что ли. Ну уж и порядки!»

Наконец собралось наше упование!
Архиерей приехал, сделал заклинание.
Но, должно быть, слова он не знал такого,
И пришлось нам Думу дожидаться снова.
Заперли министры светлые палаты,
Место депутатов заняли солдаты.

И вторую Думу разогнали тоже,
Потому рабочих слушать непригоже.
«Дело было б проще, — так паны сказали, —
Если б мы семейно дело разбирали,
Чтоб не выносить той за порог нам грязи»,
И собрали Думу — всё паны да князи.

Сирота Ненила; на чужой землице,
У соседа-плута урожай сторицей;
Прежние парнишки стали «стариками»;
Стачки прекращают попросту штычками;
Да и сам профессор Думой уж не бредит.
Дума ж все толчется, с места все не едет.

Знает Дума — надо, но никак не в силах
С чем-нибудь расстаться из порядков милых.
Нежно бы и долго думцы ворковали,
Если б, на беду их, в Думу не попали
Мужичок с котомкой да еще рабочий, —
Портят кровь пузатым — не глядели б очи.

.

И. Воинов

БУРЯ НАРОДНАЯ

Буря народная,
Буря великая,
Скоро ль придет твой черед?
Полночь безвольная,
Ненависть дикая,
Злоба жестокая душу гнетет.
Встань ты, загадочный,
Вечно безрадостный,
Встань, распрямись, русской были герой.
Рабство унылое,
Бремя постылое
Смело стряхни и по-новому спой!

А. Белозеров

ЗА СТЕНОЙ

Белые снежинки, легкие, пушистые,
Вьются беззаботно, нежные, лучистые,
Реют, плавно катятся и к решетке ластанся,
Словно мотыльки — в ночь на огоньки.

Хочется забыться, хочется быть птицею,
И летать-кружиться над большой темницею,
И путем хоть сказочным за окном загадочным
Вести разузнать — свету рассказать.

Чу, кругом темницы, робкие, неверные,
Раздаются тихо чьи-то стуки мерные...
С ними — ненасытные взгляды, странно-скрытные,
Всё кого-то ждут, зорко стерегут...

Этой ночью темною, над стеной упорною,
Что пугливо встала глыбой мертво-черною,
Призраки закружатся и огни потушатся...
Будет грезить тьма, не уснет тюрьма.

ТКАЧИ

Мертвенно-бледны суровые лица,
Молнии мечут сухие глаза;
Черные думы снуют вереницей,
Чудится, в них притаилась гроза.

Солнце взглянуло и скрылось несмело,
Где-то на воле пирует весна.
Душная пыль от станков полетела,
Жалобно шепчут о чем-то кросна.

Медленно тянутся красные нити,
Кашляет глухо скрипучий станок.
Крепкие руки, проворней ловите
В алой основе скользящий челнок!

Пусть веретена кружатся рядами,
Стонут станки и рокочат кругом:
Выткут заветное красное знамя —
Символ победы над вечным врагом!

Вейтесь, вейтесь, веретёна,
Тките, хмурые ткачи!
Будет саван похоронный
Вам, цари и палачи!

А. Малышкин

НИ СВЕТ ЗАРИ, НИ ЛУЧ ЗАКАТА...

Ни свет зари, ни луч заката
В моем окне не заблестят;
Глухие стены каземата
Молчанье страшное хранят.
Лишь часового оклик четкий
Приносит ночь издалика,
И кто-то прячет за решеткой
Шаги и тусклый блеск штыка.
Кругом тоска и сумрак серый,
Но доля злая не страшна:
Душа полна все той же верой,
Все тем же думам отдана...
И лишь над ложем сон склонится,
Неслышно сердцем овладев,
Мне снова сон недавний снится
И песен радостный напев.
Неволя мрачная легка мне,
Хоть сердце смолкнет, может быть,
Но все ж не вам, глухие камни,
Упорство гордое сломить!

Неизвестный автор

ПАШИ ПЕСНИ

Не печаль березок белых,
Не лазурь пустых небес
Воспоем мы в песнях смелых,
Может быть и неумелых,
Неокрепших, незрелых,
Как дубков весенний лес.

Не хвалебный гимн природе,
Панегирик красоте,
Нет, мы песни о народе,
Гимны радостной свободе
Будем петь, хотя и в моде
Нынче песенки не те.

И. Коробов

ПЛИТУ АСФАЛЬТА ПРОБИВАЯ...

Плиту асфальта пробивая,
Прижавшись к каменной стене,
Смеется травка молодая,
Смеется солнцу и весне...

Пусть так, сквозь слои предубеждений,
Сквозь жизни ложь, сквозь жизни зло,
Проснутся люди для стремлений
Туда, где правда, где светло.

А. Скорбин

ПАЛЬТО РАБОЧЕГО

Пальто — испытанный мой друг —
Давно покоя просит.
Оно негодно для услуг
И чистки не выносит:
Под щеткой рвется старый драп,
Тронь пуговицу — рана.
Его б забросил я, когда б
Не чтил в нем «ветерана».
Случилось с ним нам разносить
Протесты и воззвания, —
Друзей любили мы просить
На сходки и собрания.
Хранил он тайну не одну,
Не изменив ни разу,
Его карманов глубину
Постигнуть трудно сразу.
Когда мне кто приют давал,
Бездомному бродяге,
Мой спутник ложе представлял
Хозяину-бедняге.
В холодной камере же мне
Служил он одеялом
И там — в неверной тишине —
Был чести идеалом.
Твоих бесчисленных услуг
И беспорочной службы
Я не забуду, добрый друг,
Как не расторгну дружбы.

Неизвестный автор

БОЛОТО

Глухое болото, гнилая трясина,
Унылые кочки, зловонная тина,
Угрюмый и жесткий камыш...
Ни звука кругом... только ветер порою
Камыш всколыхнет торопливой волною,
И снова могильная тишь...
Не видно здесь неба, лазури прозрачной,
И в клубах тумана, как в пропасти мрачной,
Теряются солнца лучи,
Здесь царствует смерть...
Но и в топях болота,
Я знаю, свершается дружно работа,
Работают дружно ключи!
Настанет пора — и на смену трясине
Заблещет лазурью в цветущей долине
Зеркального озера гладь.
Дружней же, ключи, совершайте работу!
Зловонной трясине, гнилому болоту
Недолго уж гибели ждать.

К. Ю д и н

ДЫМ

Когда над вершиной заводской трубы
Клубится удушливый дым,
Мнится в нем призрак давнишней борьбы
Раба с властелином своим...
И чудится, будто измученный раб
Сдается на милость врага...
«Да, да! Понимаю: он слишком ослаб...
Борьба была слишком долга!..»
И песни мои выливаются в стон,
А сердце горит, как в огне!
Обидно мне думать, что он побежден,
И жаль побежденного мне...

Но вот над высокой заводской трубой
Растаял удушливый чад...
Победа! Победа! В решительный бой
Вступает, я знаю, мой брат!
Не признаком рабства позорного был
Тяжелый, удушливый дым:
То силы рабочий для битвы копил
С врагом вековечным своим.

И. Садовский

ЕЩЕ НЕ ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ПРОПЕТА...

Еще не последняя песня пропета.
О солнце, не умерло дело отцов.
Мы молоды духом, мы жаждем рассвета.
Работы накопленным силам борцов.
Мы молоды духом...
Мольбы и проклятья
Покорно не сложим у вражеских ног,
Мы бодры и смелы... Товарищи! Братья!
В нас — будущей жизни великий залог!

В. Светобор

ДУМА

Эх ты, Дума, Дума-матушка,
Многоумная палатушка!
Исполать тебе, «Народница»,
Небу звездному угодница.
Не проснется гидра-гадина —
В глотку гидре дума дадена;
Отравилась гидра жадная,
И настала тишь лампадная.
Благодать какая, господи!
Сунь в потемки эти нос, поди, —
Вышибут тебя, как курицу,
Не ходи на нашу улицу.
И живем мы тихо, маемся,
С умилением дождеаемся:
Скоро ль ласковые пастыри
Нам на рты налепят пластыри?
Эх ты, Дума, Дума-матушка,
На гнилой дыре заплатушка,
Знать, одна на свете силушка
Для горбатого — могилушка.

П. Горбачев

РУЧЕЙ

К далекому морю из горных ключей
Несет свои воды холодный ручей.
То тихо, спокойно в долине журчит,
То вдруг забушует и грозно шумит,
Покроет водою поля и луга,
То снова ласкает свои берега.
Там горы прижмут его грудью своей,
Здесь лес его спрячет средь крепких корней,
Пороги, заторы оцепят кругом,
Но эти преграды ему нипочем.
И мчится все дальше шумливый ручей,
Пока не достигнет он цели своей!
Товарищи-братья, к вам песня моя:
Учитесь упорству в борьбе — у ручья!

Л. Ботомка

ГЛЯЖУ В СВОЕ ОКОНЦЕ...

Гляжу в свое оконце —
Тускло и темно.
Скоро ль будет солнце?
Нет его давно!

Жить во мраке больно,
Жить во тьме нет сил.
Эх, вздохну-ка вольно:
Свет уж очень мил!

М. Журавлева

СКАЛЫ И ДУБЫ

Взбурлила, вскипела морская волна,
На берег скалистый, стремясь, покатилась,
И злобы и бешеной силы полна,
Да вся о прибрежные скалы разбилась.

И гордые скалы, толпясь над водой,
Победно на брызги разбитой глядели,
И только обмытые влагой морской
Их грани, как перлы, на солнце блестели.

Взревел, ошетинился смерч-ураган,
Хотел разметать по равнине безлесной
Дубки, что венком окаймляют курган,
Да с воем застрянул он в гуще древесной.

А дубы, сцепляясь в живое кольцо,
Верхушками царственно так закачали,
Как будто, смеясь урагану в лицо,
Приветно кивали сверкающей дали.

Товарищи-братья! С открытой душой
Ровняйтесь, как дубы подгорной долины,
Толпитесь, как скалы над бездной морской,
Как скалы, как дубы, тверды и едины.

От края до края над миром царит
Звезда золотая, звезда единенья,
Ни туча... — ничто той звезды не затмит,
Ни волн напасти, ни смерч разрушенья.

А. Сергеев

ГРОЗА ИГРАЕТ

Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки.

«Король Лир».

Играй, гроза! Звучи раскатом смеха,
Весенний гром, задорный гром.
Удар твой повторит играющее эхо
И разнесет кругом.
Играй, гроза! Рви, ветер, мглу и тучи,
Победный гимн пой, ветер, пой!
Чтоб твой призыв и смелый и могучий
Звучал везде грозой.
Играй, гроза! Играй при свете молний...
Играй и пой, греми, играй.
Пусть твой порыв живительный и вольный
Летит из края в край.

Л. Улагай

НАШ ПУТЬ

Наш путь — тернистый путь гонений,
Борьбы, репрессий и невзгод,
Но без боязни и сомнений
Идем, товарищи, вперед.
Наш путь тернист, зато он, братья,
Ведет нас в даль грядущих дней:
Там смолкнут слезы и проклятья,
Жизнь станет краше и полней.
Нас ждет борьба, бичи готовы.
Нам не дадут они вздохнуть...
Но всё ж идем! Падут оковы,
И будет прям наш смелый путь!

ПРОЩАНИЕ

Дай руку мне, ветер крылатый,
В степи не гулять мне с тобой!
Иду я туда, где страданье,
Где братья зовут меня в бой.
Прощай, мое бурное море!
Во мне пробудило ты месть:
На скалы идут твои волны
И гибнут — голов им не снести!
Прощайте, крылатые чайки!
Летайте и плачьте без слов:
Как чайки, кричат мои сестры
Над трупами братьев-борцов.
О родина мать, и с тобою
Прощаюсь навеки: прости.
И сына без слез и проклятий
Победно погибнуть пусти.

И. Сергеев

МЕТАЛЛ РАЗБИТ

Представители закона спустились
в машинное отделение и, отобравши
номера газеты, для верности дела
приказали разбить стереотип.

Из газет.

Металл разбит, но мысль и волю
Рукой наемной не разбить.
Как кораблю стихии море
Себе, увы, не подчинить!
И пусть о борт его железный
Волна разбилася одна,
Но снова слышен шум победный,
Клубится новая волна!
Она грознее пронесется,
Бушующую силою своей, —
Победы песня разольется
С ее серебряных гребней!

Неизвестный автор

КУЗНЕЦ

Рано взялся я за труд,
Рано молот взял:
Люди честь тем воздадут,
Кто всех раньше встал!
Ночь темна. Пусть спят рабы;
Не могу я спать:
Меч для битвы, для борьбы
Должен я сковать!

Скоро, скоро будет бой!
Поднимись же, молот мой,
Смело, смело ввысь!
Звонкой стали не жалея,
Поднимись и смело бей,
Бей, не промахнись!

Выше, пламя, поднимись,
Как мятежный флаг!
Посильнее разгорись,
Пусть увидит враг!
Буйной волей дышит грудь,
Сердце рвется в бой,
Пусть же хоть кого-нибудь
Стук разбудит мой!

Горн пылает, мех свистит,
Громко молот мой стучит,
Искры мечет сталь!

Скоро будет меч готов,
Скоро топотом врагов
Огласится даль!

Да. Для нашей битвы меч
Нужен неплохой:
Чтобы мог он сразу ссечь
Зло страны родной!
Чтобы сразу мертвым пал
Наш постылый враг,
Тот, что правду заглушал,
Тот, что сеял мрак!

Но теперь довольно тьмы:
К счастью, к свету рвемся мы,
К свету и вперед!
Поднимитесь же, рабы,
После муки и борьбы
Счастье вас ждет!

Будет битва горяча,
Жарок будет спор;
Мы снесем мечом сплеча
Рабство и позор;
После битвы из меча
Мы скуем топор!
Срубим, срубим новый дом,
Будет жить свобода в нем,
Будет жить она!
Скоро, скоро будет бой!
Пусть же стук разбудит мой
Спящих всех от сна!

А. Благоев

ДУМА

В разгаре машинного шума,
Под мерные взмахи ремней,
Нередко отрадная дума
В душе возникает моей.

И греет и ласково светит
Надеждой, что время придет —
И жизнью счастливой на свете
Рабочий народ заживет.

Поймет он, откинув тревоги
Покорной, позорной судьбы,
Что нет ему кроме дороги,
Как только дорога борьбы.

И встанет он дружной семьею,
За брата — униженный брат,
И солнце тогда над странюю
Заблещет яснее в сто крат.

Н. Додаяев

РАЗВЕ НЕ СЛЫШИТЕ?..

Разве не слышите песен победных?
Разве не видите солнца восход?
Разве не тает тьма сумерек бледных?
Разве огнем не объят небосвод?..

Грустные струны, звучавшие прежде,
Ныне настроены бодрой рукой;
Громко поют они в жгучей надежде
Пеньем нарушить мертвящий покой...

Темные ночи, родившие страхи,
Скрылись бесследно при блеске лучей;
Тьма протянулась позорно во прахе,
Звуков пугаясь и солнца мечей...

Будьте смелее! Отбросьте сомнения.
Страхам нет места при свете зарниц.
Пусть из груди вашей вырвется пение,
Звонко и вольно, как пение птиц!..

В. Львов

ОЖИДАНИЕ

Вот гудок прогудел на заводе, —
Я тебя дожидаюсь, стою;
Вижу, ты показалась в народе,
Я заметил головку твою.

Погоди же домой торопиться:
Я принес тебе горькую весть —
Нам с тобою придется проститься
И разлуки часы перенести.

Ну зачем ты навзрыд зарыдала
И лицо заслонила рукой?
Ты и так истомилась, устала,
Нужен отдых тебе и покой.

Я за общее дело страдаю,
За рабочее дело стою.
Жалко мне, я тебя покидаю,
Дорогую подружку свою.

Ночи мрак нам приносит страданья.
Верь, что близок желанный рассвет, —
Я вернусь к тебе вновь из изгнанья,
Не тоскуй, помни данный завет.

Видишь, тень притаилась у входа,
Эта тень караулит меня.
Ну, прощай! буду ждать у завода,
Верь и жди того светлого дня.

М. Артамонов

ЗАБАСТОВКА

Как груда развалин, как остов немой
Разбитого судна среди океана,
Затих длинный корпус, окутанный тьмой,
Основа в машинах еще не заткана.

Мрачны силуэты немых корпусов,
Остыли котлы, и бессильны машины,
Бесстрастной рукою железный засов
Хранит на рассвете пустые руины.

Уток и основу, приводы станка
Покрыли узоры опавших волокон.
На эту картину усталой тоски
Свет падает тускло из застланных окон.

Ничем не пронизана мертвая тьма
Над хаосом пыльной немой обстановки,
И стала вдруг фабрика точно тюрьма,
Лишь сторож на месте во дни забастовки.

Вал. Кичуйский

ПОЭТ

Я поэт бедноты, угнетенных певец,
Я поэт незаметного в массе героя,
Острый меч для холодных и черствых сердец,
Рядовой пролетарского строя.

Нищетою рожденный, страдания сын,
Я воспитан на шумном заводе,
И под скрежет и лязги чудовищ-машин
Научился мечтать о свободе.

И хочу я зажечь этой светлой мечтой
Всех томящихся в рабстве собратий,
Всех уныло идущих тернистой тропой
В мире слез, унижений, проклятий.

Я поэт пламенеющих гневом очей,
Я поэт рокового прибора,
Острие запыхавших во мраке огней,
Рядовой пролетарского строя...

Демьян Бедный

ПУШКА И СОХА

Увидевши соху, «Послушай-ка, старушка, —
Сказала пушка, —
Аль ты глуха?
Я тут гремлю весь день, а ты и не слыхала?
Ты что ж тут делала — ха-ха?» —
«Пахала, — молвила соха, —
Пахала». —
«Пахала? Что ты! Не смей.
Работать для кого? Ведь ни одной души
Не сыщется живой в разбитой деревушке.
Так что ж тебе теперь осталось? Отдохнуть?!» —
«Пахать, — соха сказала пушке, —
Пахать!..»

На ниве брошенной, среди камней и терний,
Не прерывая борозды,
Друзья, работайте от утренней звезды
И до вечерней!
Ваш мирный подвиг свят, и нет его безмерней.
Под грохот пушечный, в бою, в огне, в аду
Я думаю о вас, чей путь простерся в вечность.
Привет мой пахарям, борцам за человечность!
Привет мой мирному — культурному труду!

ЗАКОН И „ПРАВДА“

По распоряжению судебных установлений отменен арест на 18 и 19 №№ газеты «Правда» за 1913 г.

«День», 20 ноября 1915 г.

На белом свете «Правда»
Жила во время оно.
Была на свете «Правда»,
Но не было закона,
И вот закон обрелся,
Но... что ж мы видим ныне!
Закон-то есть, да «Правды»
Давно уж нет в помине!

БАРАБАН

Какой-то барабан — хороший аль плохой,
Вам скажет кто-нибудь другой:
Аз, грешный, мало смыслю в коже
И в барабанном бое тоже.
Но суть не в этом. Барабан,
Замест того, чтоб тлеть средь всякой лишней
рвани,

При сборах брошенной случайно в шарабан,
С обозом полковым попал на поле брани.
И хоть обоз стоял, как водится, в тылу,
Но в боевом пылу
Наш барабан решил, что, в виде исключения,
Попал он на войну по воле провиденья,
Что «сокрушит» аль «оглушит»,
Но некий подвиг он, конечно, совершит.
И вот когда пехота,
За ротой рота,
Рассыпав осторожно строй,
В глубокой тишине шла в бой под кровом ночи,
Забарабанил наш герой
Что было мочи!
Взметнулся бедный полк!..

Нет, я умолк!

Про полк прочтете все вы в боевых анналах,
Про барабан — скажу, что, к нашему стыду,
Его хрипящий бой в ту пору был в ходу...
Во всех газетах и журналах!!!

СТРОБИ

Люблю грозу в начале мая.

Люблю «читать» газеты ныне:
За белой полосой белеет полоса.
Идешь-бредешь, как по пустыне,
И вдруг — о чудеса! —
Оазис, кажущийся раем:
«Три пальмы» — три строки. О чем их «шум»,
бог весть.
Какой-то смысл в них, верно, есть,
Хоть мною он непостигаем!
Но, может, предо мной лишь сладостный мираж:
Где строки — все пустыня та ж,
Немое, выжженное поле?
Ах, все равно! Так хорошо порой
Подумать, помечтать на воле,
Представить строк иных живой и плотный строй
О вешней зелени, о буре,
Сносящей все, над чем повис нещадный рок...
Читаю я и знаю: этих строк
Не выжечь ни одной цензуре!

БРАК БОГОВ

(Из басен Эзопа)

Когда, среди богинь метнувши жребий, боги
Вводили жен в свои небесные чертоги,
Суровый бог войны, омытый весь в крови,
Взял в жены чуждую отраде материнства
Богиню грабежа и гнусного бесчинства.
Восторгов неземных и знойных чар любви
Неиссякаемый родник найдя в богине.

Бог неразлучен с ней поныне.

С тех пор, однако, для страны,
Охваченной огнем кровавого пожара,
Изнемогающей от вражьего удара,

Не так ужасен бог войны,
Как подвиги его божественной жены.

КОЛЕСО И КОНЬ

(Из басен Эзопа)

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг, — выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил, —
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

(Из басен Эзопа)

Лишившись дочери любимой, Антигоны,
 Богач Филон, как должно богачу
 (Не скареду, я то сказать хочу),
Устроил пышные на редкость похороны.
«О матушка, скажи, как это понимать? —
В смущеньи молвила сквозь слезы дочь вторая. —
Сестре-покойнице ужели не сестра я,
 И ты — не мать,
Что убиваться так по ней мы не умеем,
Как эти женщины, чужие нам обеим?
 Их скорбь так велика
 И горе — очевидно,
 Что мне становится обидно:
Зачем они сюда пришли издалека
При нас оплакивать им чуждую утрату?»
«Никак, — вздохнула мать, — ты, дочь моя, слепа?
Ведь это — плакальщиц наемная толпа,
Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умейте отличать
Скорбь тех, кто иль привык иль вынужден молчать,
От диких выкриков и воплей неумных
Кликуш озлобленных и плакальщиц наемных!

„БАТАЛНСТЫ“

*(Посвящ. военным «беллетристам» —
А. Федорову, В. Муйжелю и им подобным)*

На все наведена искусно позолота.
Идеи мирные, как шелуху, отвеяв,
Бытописатели российского болота
Преобразились в Тиртеев.
Победно-радостны, нахмутив грозно брови,
За сценкой боевой спешат состряпать сценку:
С еще дымящейся, горячей братской крови
Снимают пенку!

В. Маяковский

ИЗ ПОЭМЫ „ОБЛАКО В ШТАНАХ“

...Я раньше думал —
книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный простак —
пожалуйста!
А оказывается —
прежде чем начнет петься,
долго ходят, размозолев от брожения,
и тихо барахтаются в тине сердца
глупая вобла воображения.
Пока выкипячивают, рифмами лиликаая,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.
Городов вавилонские башни,
возгордясь, возносим снова,
а бог
города на пашни
рушит,
мешая слово.

Улица мўку молча перла.
Крик торчком стоял из глотки.
Топорщились, застрявшие поперек горла,
пухлые taxi и костлявые пролетки.
Грудь испешеходили.
Чахотки плоче.

Город дорогу мраком запер.

И когда —
все-таки! —
выхаркнула давку на площадь,
спихнув наступившую на горло паперть,
думалось:
в хорах архангелова хорала
бог, ограбленный, идет карать!
А улица присела и заорала:
«Идемте жрать!»

Гримируют городу Круппы и Круппики
грозящих бровей морщь,
а во рту
умерших слов разлагаются трупики,
только два живут, жирея —
«сволочь»
и еще какое-то,
кажется — «борщ».

Поэты,
размокшие в плаче и всхлипе,
бросились от улицы, ероша космы:
«Как двумя такими выпеть
и барышню,
и любовь,
и цветочек под росами?»
А за поэтами —
уличные тыщи:
студенты,
проститутки,
подрядчики.
Господа!
Остановитесь!
Вы не нищие,
вы не смеете просить подачки!

Нам, здоровенным
с шагом саженьим,
надо не слушать, а рвать их —

их,
присосавшихся бесплатным приложением
к каждой двуспальной кровати!

Их ли смиренно просить:
«Помоги мне!»
Молить о гимне,
об оратории!
Мы сами творцы в горящем гимне —
шуме фабрики и лаборатории.
Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном
паркете!

Я знаю —
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!

Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело,
говорю вам:
мельчайшая пылинка живого
ценнее всего, что я сделаю и сделал!

Слушайте!
Проповедует,
мечась и стена,
сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!
Мы
с лицом, как заспанная простыня,
с губами, обвисшими, как люстра,
мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу, —
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!

Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев

людей, как мы,
от копоты в оспе.
Я знаю —
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!
Жилы и мускулы — молитв верней.
Нам ли вымаливать милостей времени!
Мы —
каждый —
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!
Это взвело на Голгофы аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
и не было ни одного,
который
не кричал бы:
«Распни,
распни его!»
Но мне —
люди,
и те, что обидели, —
вы мне всего дороже и ближе.

Видели,
как собака бьющую руку лижет?!

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрезный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куций,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

А я у вас — его предтеча;
я — где боль, везде;
на каждой капле слёзовой течи
распял себя на кресте.

Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!

И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю —
вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! —
и окровавленную дам, как знамя...

ВАМ!

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных
к «Георгию»
вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика? . .

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваеете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре б. буду
подавать ананасную воду.

ГИМН СУДЬЕ

По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рыком покрыв кандалное ржанье,
орут о родине Перу.

О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы,
и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.

Банан, ананасы! Радостей гряда!
Вино в запечатанной посуде. . .
Но вот, неизвестно зачем и откуда,
на Перу наперли судьи!

И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.
Глаза у судьи — пара жестянок
мерцает в помойной яме.

Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, —
и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост!

А возле Перу летали по прерии
птички такие — колибри;

судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.

И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».

В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в продаже,
тоже спиртной напиток».

Экватор дрожит от кандалных звонов.
А в Перу бесптичье, безлюдье...
Лишь злобно забившись под своды законов,
живут унылые судьи.

А знаете, все-таки жаль перуанца.
Зря ему дали галеру.
Судьи мешают и птице, и танцу,
и мне, и вам, и Перу.

ГИМН УЧЕНОМУ

Народонаселение всей империи —
люди, птицы, сороконожки,
ощетинив щетину, выперев перья,
с отчаянным любопытством висят на окошке.

И солнце интересуется, и апрель еще,
даже заинтересовало трубочиста черного
удивительное, необыкновенное зрелище —
фигура знаменитого ученого.

Смотрят: и ни одного человеческого качества.
Не человек, а двуногое бессилие,
с головой, укусанной начисто
трактатом «О бородавках в Бразилии».

Вгрызлись в букву едящие глаза, —
ах, как букву жалко!
Так, должно быть, жевал вымирающий ихтиозавр
случайно попавшую в челюсти фиалку.

Искривился позвоночник, как оглоблей ударенный,
но ученому ли думать о пустяковом изъяне?
Он знает отлично написанное у Дарвина,
что мы — лишь потомки обезьяньи.

Просочится солнце в крохотную щелку,
как маленькая гноящаяся ранка,

и спрячется на пыльную полку,
где громоздится на банке банка.

Сердце девушки, вываренное в иоде.
Окаменелый обломок позапрошлого лета.
И еще на булавке что-то вроде
засушенного хвоста небольшой кометы.

Сидит все ночи. Солнце из-за домишки
опять ослабилось на людские безобразия,
и внизу, по тротуарам, опять приготавлишки
деятельно ходят в гимназии.

Проходят красноухие, а ему не нудно,
что растет человек глуп и покорен;
ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень.

ГИМН ВЗЯТКЕ

Пришли и словословим покорненько
тебя, дорогая взятка,
все здесь, от младшего дворника
до того, кто в золото заткан.

Всех, кто за нашей десницей
посмеет с укором глаза весть,
мы так, как им и не снится,
накажем мерзавцев за зависть.

Чтоб больше не смела вздыматься хула,
наденем мундиры и медали
и, выдвинув вперед убедительный кулак,
спросим: «А это видали?»

Если сверху смотреть — разинешь рот.
И выиграет от радости каждая мышца.
Россия сверху — прямо огород,
вся наливается, цветет и пышится.

А разве видано где-нибудь, чтоб стояла коза
и лезть в огород козе лень? . .
Было б время, я б доказал,
которые — коза и зелень.

И нечего доказывать — идите и берите.
Умолкнет газетная нечисть ведь.
Как баранов, надо стричь и брить их, —
Чего стесняться в своем отечестве?

ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЗЯТОЧНИКАМ

Неужели и о взятках писать поэтам!
Дорогие, нам некогда. Нельзя так.
Вы, которые взяточники,
хотя бы поэтому,
не надо, не берите взяток.
Я, выколачивающий из строчек штаны, —
конечно, как начинающий, не очень часто,
я — еще и российский гражданин,
беззаветно чтущий и чиновника и участок.
Прихожу и выплакиваю все мои просьбы,
приникши щекою к светлому кителю.
Думает чиновник: «Эх, удалось бы!
Этак на двести птичку вытелю».
Сколько раз под сень чинов ник,
приносил обиды им,
«Эх, удалось бы, — думает чиновник, —
этак на триста бабочку выдоим».
Я знаю, надо и двести и триста вам —
возьмут, все равно, не те, так эти;
и руганью ни одного не обижу пристава:
может быть, у пристава дети.
Но лишний труд — доить поодиночно,
вы и так ведете в работе года.
Вот что я выдумал для вас нарочно —
Господа!
Взломайте шкапы, сундуки и ларчики,
берите деньги и драгоценности мамашины,
чтоб последний мальчонка в потненьком кулачике
зажал сбереженный рубль бумажный.

Костюмы соберите. Чтоб не было рваных.
Мамаша! Вытряхивайтесь из шубы беличьей!
У старых брюк обшарьте карманы —
в карманах копеек на сорок мелочи.
Все это узлами уложим и свяжем,
а сами, без денег и платья,
придем, поклонимся и скажем:
Нате!
Что нам деньги, транжирам и мотам!
Мы даже не знаем, куда нам деть их.
Берите, милые, берите, чего там!
Вы наши отцы, а мы ваши дети.
От холода не попадая зубом на зуб,
станем голые под голые небеса.
Берите, милые! Но только сразу.
Чтоб об этом больше никогда не писать.

МОЕ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ

(Гимн еще почтее)

Май ли уже расцвел над городом,
плачет ли, как побитый, хмуренький декабрик, --
весь год эта пухлая морда
маячит в дымах фабрик.

Брюшком обвисшим и гаденьким
лежит на воздушном откосе,
и пухлые губы бантиком
сложены в 88.

Внизу суетятся рабочие,
нищий у тумбы виден,
а у этого брюхо и все прочее —
лежит себе сыт, как Сытин.

Вкусной слюны разлились волны,
во рту громадном плещутся, как в бухте.
А полный! Боже, до чего он полный!
Сравнить если с ним, то худ и Апухтин.

Кони ли, цокая, по асфальту мчатся,
шарканье пешеходов ли подвернется под взгляд
ему,
а ему все кажется: «Цаца! Цаца!» —
кричат ему, и все ему нравится, проклятому.

Растет улыбка, жирна и нагла,
рот до ушей разросся,
будто у него на роже спектакль-гала
затеяла труппа малороссов.

Солнце взойдет, и сейчас же луч его
ему щекочет пятки хóленные,
и луна ничего не находит лучшего.
Объявляю всенародно: очень недоволен я.

Я спокоен, вежлив, сдержан тоже,
характер — как из кости слоновой точен,
а этому взял бы да и дал по роже:
не нравится он мне очень.

ХВОИ

Не надо.
Не просите.
Не будет елки
Как же
в лес
отпустите папу?
К нему,
из-за леса,
ядер осколки
протянут,
чтоб взять его,
хищную лапу.
Нельзя.
Сегодня
горящие блески
не будут лежать
под елкой,
в вате.
Там —
миллион смертоносных бсок
ужалят,
а раненым ваты не хватит.
Нет.
Не зажгут.
Свечей не будет.
В море
железные чудища лезят.
А с этих чудищ

злые люди
ждут:
не блеснет ли у окон в глазе.
Не говорите. Глупые речь заводят:
чтоб дед пришел,
чтоб игрушек ворох.
Деда нет.
Дед на заводе.
Завод?
Это тот, кто делает порох.
Не будет музыки.
Рученек
где взять ему?
Не сядет, играя.
Ваш брат
теперь,
безрукий мученик,
идет, сияющий, в воротах рая.
Не плачьте.
Зачем?
Не хмурьте личек.
Не будет —
что же с того!
Скоро
все, в радостном кличе
голоса сплетая,
встрелят новое рождество.
Елка будет.
Да какая —
не обхватишь ствол.
Навесят на елку сиянья разного.
Будет стоять сплошное рождество.
Так что
даже —
надоест его праздновать.

А. Поморский

„ПРАВДА“

Разбиты матрицы — квадраты.
В настороженной тишине
Их топчут пьяные солдаты,
И стекла выбиты в окне.
Пускай поруган луч свободы, —
Не жди сомненья и слезы!
Ведь «Правда» говорит с народом
Призывным языком грозы!
Иду по комнатам знакомым,
И гневом грудь моя полна:
Рассыпан шрифт, станок изломан...
А там, на западе, война!
Я обернулся. Взгляд змеиный
Меня обжег и ослепил:
Жандарм с жестокостью звериной
На горло песне наступил.
И алчный взгляд по полкам рыщет,
По грудам мертвого свинца.
Но разве правду он отыщет,
Когда она живет в сердцах?!

ПОЧТА

Комитет, что был схвачен неожиданно,
В подземелье, у тайных станков,
Пятый день заседал под охраной,
Ненавистой охраной врагов, —
В общей камере, в душном остроге,
Заслонив бледной лампочки свет,
Не остыв от недавней тревоги,
Под замком заседал комитет.
Несравненные жизни мгновенья,
Ощущение бури и свет,
Вы не знаете смерти и тленья,
Превращаясь в сверканье побед!
Часовые бряцают оружием,
Скуден узких оконцев просвет.
Пусть надежды исхлестаны стужей,
Пусть в острог брошен весь комитет, —
Продолжаем в тюрьме заседание.
Что страшиться? Нас царь сторожит!
Над свинцовой Невой в ожиданьи
Петербург за стеною лежит.
В искрах бури рождается пламя,
Ветры шелк его огненный выют.
Революции гневное знамя
В час борьбы миллионы несут.

Только как же тайком из острога
Комитетский приказ передать?

Шесть ворот преградили дорогу,
Сто замков, сто тюремных солдат.
Взгляд бросают они, словно волки,
Только знай озирайся, гляди!
Председатель приказ свой на шелке
Мне напишет и скажет — пройди!
Завернет он его в гуттаперчу,
Чтоб при случае он не промок.
«Будь ко всем в этот час недоверчив —
Почту к месту доставишь ты в срок!» —
Молвит он, расцелует по-братски,
По-отечески руку пожмет.
Я войду осторожно, с опаской,
Под угрюмые арки ворот.

Страж по телу старательно шарит,
Точно душу он хочет сыскать,
Оскорбительным взглядом ударить
И свободную волю сковать.
Я волнуясь: все стачки сорвутся,
Если вдруг «провалюсь» на пути.
Должен я, как солдат революции,
Умереть, а приказ донести!
Шарят наглые руки.
Удача:
Отвернулся солдат. У ворот
Гуттаперчу с приказом я прячу
От врага ненавистного — в рот.

Мне не страшен насильник в мундире:
Он не в силах меня победить.
Мне примером героизма
В Сибири
Будет пламенный Сталин служить.
Зал свиданий. Как скорбная вьюга,
Стонет горестно пришлый народ.
Жду и я. Боевая подруга
За приказом сегодня придет.
Я как клятву в ночи повторяю
Необычное имя Марго.
Кто она и откуда? Не знаю, —
Мне и знать не дано ничего.

Дверь раскрылась, и сердце забилося.
Что трепещешь, мятежное, ты?
Предо мною грузинка явилась,
И в руке из Батума цветы.
Тихо шепчет пароль незнакомка,
Отзыв я повторяю: «Пора!»
«Брат!» — она произносит негромко.
Отвечаю всем сердцем: «Сестра!»
В рот кладу гуттаперчу — целую,
Оторваться от губ я могу ль?
Все преграды записка минует,
Попадая с платком в ридикюль.
«Почта сделана». Вечер погас.
Пусть угрюмы тюремные своды...
Поднимать для восстанья заводы
Отправляется тайный приказ.

А. Маширов

* * *

Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи...

Лермонтов.

...Еще скажи: в годину бед
Я так же верен был,
И что священный наш обет
Преступно не забыл.

Что ни одной я в нем строки
Глумясь не зачеркнул
И до конца своей руки
Врагу не протянул.

Что тот же стяг и тот же путь
Стоит передо мной,
Хоть был я ранен дважды в грудь
За жизнь страны родной.

Один удар в жестокий час
Упал на грудь мою,
Другой, изменники, — от вас,
Забывших честь свою!

И. Садофьев

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД

Опять разгром и поражение.
Насилье — враг мой вековой —
Свирепствует с остервененьем
И гонит братьев на убой. . .

Опять нахлынула волною
Тупая пошлость торгашей,
И пьяно пляшет предо мною
Война в кровавом кураже. . .

Опять охранники, бандиты.
Не жить нельзя, и жить нельзя!
И вдовьи слезы по убитым,
И в тюрьмы брошены друзья. . .

Опять бесправье и расправа
Закрыли проблеск впереди,
И угнетателей орава
Кричит: «С дороги уходи!»

Опять предателей шипенье
И ложь продажная газет. . .
Но мне ль позорное смирение?
О, никогда! О нет! О нет!

ЯНВАРСКИЕ ОГНИ

Тянулись дни за днями,
Гнались за днями дни,
Но твой завет как знамя
Я в памяти хранил.

Ты часто мне являлась
Во сне и наяву,
И в сердце боль вонзалась,
Как трубы в синеву...

Рабам хвалиться нечем,
Но тут никто не трус:
Пора расправить плечи
И сбросить рабства груз!

И вот обиды древней
Расплавлена руда,
И вот рабочим гневом
Грохочут города.

Плечо к плечу заводы
Выравнивают шаг...
Рабочего народа
Дорога хороша!

Но тут лакеи вражь
Предательской игрой

На развороте каждом
Разламывают строй...

В ладу с попом Гапоном,
К царю всея Руси
Вели людей поклонно
О милости просить...

Доверье детской пробы
И молодость моя
Перед царевой злобой
У Зимнего стоят...

Вокруг дворца орудья,
Казачи и стрелки,
Перед моею грудью
Щетинятся штыки...

Зачем и с кем расправа —
Никак не мог понять,
С герба орел двуглавый
Косился на меня.

И царского решенья
Раздался приговор:
«Пороть без сожаленья,
Расстреливать в упор!»

И грянул залп за залпом...
О, царская любовь!
Штыки... нагайки... сабли...
Смятенье... стоны... кровь...

Убийца-царь не видел,
Как у живых в сердцах
В него и в бога выбил
Всю веру град свинца.

Проклятья... вдовьи слезы...
Облавы... плач детей...
Допросы и угрозы,
И пытки палачей...

Сибирь... застенки... голод
Предсмертной хваткой сжал...
Гранитный гордый город
Израненный стонал.

Вскричала гневом Пресни
Мятежная Москва,
Кронштадт как буревестник
Вскрылил ее слова...

Одесса, Киев, Тула,
Свеаборг и Урал
Вздымают с буйным гулом
За валом грозный вал...

Погромщик-царь и Витте
И подголосков лесть...
О, рвите, рвите, рвите
Обмана манифест!

Как в дни средневековья,
Насилий злых кошмар...
Земля дышала кровью,
Клубился красный пар...

Но знаю — нашим детям
В решающие дни
Победный путь осветят
Январские огни!

НА ПАШНЕ

У леса, за селом, седой старик Лука,
Без шапки, босиком, в дырявой рубашонке,
Качаясь за сохой, запахивал овес
На тощей, маленькой, лохматой лошаденке.

«Бог помощь, дед Лука!» —

«Спасибо, мил чалэк». —

«Овес посеял тут?» —

«Чай, видишь сам, родимый». —

«А плох уж стал ты, дед, — согнулся, поседел,
А помню, был здоров, как дуб несокрушимый». —

«Не диво! Будешь плох... Остался вот один:

Детей, Микешку с Власом, на войне убили...

А я вот тут живи да казнишь на сирот...

Э-эх! душа, сгубили нас, совсем сгубили...

Ну... как тут жить теперь?.. бяда... Бел свет немил!..

Хоть в петлю лезь, — в удав... Аль с камнем в воду,

што ле...» —

«Опомнись, дед! Грешно... Смотри на божий мир:
Тут — солнце, птицы, глубь небес, простор,

раздолье...» —

«Ты во-он про что!.. А я-т тябе про нашу

жисть,

Про бедствие людское, про народ побитый.

Гляди-ка в поле кто? Старик Сафон да я,

Да мальцы, все лишь мальцы... Ишь как красовито!

Не это ль пахари? Э-эх, кормилец мой,

Голодный будет год... Земля-т, и та страдает...

Послухай, стонет как об пахарях своих, —

Монашкой черною остаться обещает.
Не смейся, мил! Она как молодуха ведь:
Родит для тех, кто ее как след уходит.
А мы-то что? безлюдье. Ну... каки мы? стар да мал.
А тут примета... птица... Грач тоску наводит:
Грачей, вишь, в поле нет — не будет и снопов.
Э-эх! не знаешь ты мужицкой горькой доли,
Не знаешь... Э, да што! —
Лука взмахнул кнутом. —
Ну-ну, каянна, эк уперлась...
Да ну же, што ли».

А. Белозеров

В МАСТЕРСКОЙ

Звонят приборы на катке
Под резко четкий стук.
Не дрогнет в жилистой руке
Распаренный утюг.

Стучи, машина, веселей,
Шипите, утюги!
Мы знаем точно всех друзей
И знаем — кто враги.

В душе мы тайну бережем,
Глубоко затая...
Придет пора — за рубежом
Откликнутся друзья.

В единой цепи трудовой
Мы — общее звено.
И в час развязки роковой
Мы будем заодно...

Не вечно будет жизнь — тюрьма,
Свобода — впереди,
И песня просится сама
Из молодой груди!

НАБОРЩИКУ

Товарищ наборщик! Злодейка-судьба
Нас в темный подвал заточила,
Но общее дело — святая борьба
Духовно нас близко сроднила.

Рабочий-наборщик, писатель-поэт —
Единого дети зачатя.
В едином пути одинаков и след:
На жизнь неразлучные братья.

В подвале, где гарь и свинцовая пыль,
Мы труд благородный восславим.
Из крови и мозга и сказку и быль
Потомству мы книгой оставим.

Здесь душу и сердце свое отдадим
Для блага родного народа
И вольное слово ему создадим,
Прекрасное слово: «Свобода».

Она и крылатая мысль не умрут.
Горят они в сумраке ночи...
Да здравствуют вольное слово и труд
И дружба поэта с рабочим!

Вал. Кичуйский

ТАЕЖНЫЕ НАПЕВЫ

Темная ночь. Разыгралось ненастье.
Бешено бьется река о гранит.
Тяжко в изгнании... где же ты, счастье?
Ветер зловещее что-то гудит.

Ветер, крепчая, с гневливым шипением
Носится, борется с темной тайгой.
Я одинок с безысходным стремлением,
С грезой светлой о жизни иной...

Явь или сон? До того они сближены...
Хоть бы приснились красивые сны.
Слышится стон за окошечком хижины,
Чудится жалоба хмурой сосны.

СВИДАНИЕ

1

Мы были в затхлой камере тюрьмы.
Был полумрак и чад, как дым кадильный.
Я видел сквозь узор решетки пыльной
Лишь пару жгучих глаз из полутьмы.

Я умолчал о тяжести страданий, —
Ты блеском дня была упоена.
Под говор, смех и трепеты рыданий
Твердила мне: «Как хороша весна!..» —

«Кончай свидание!» Не зная, что сказать,
Ты как-то дико вдруг на стену поглядела...
Я не сказал, что сердце изболело,
И я не мог руки твоей пожать...

Опять один с тоской моей постылой,
Стою, безжизненно прикинувши к стене,
Хочу запечатлеть твой образ милый
И речи — гимн ликующей весне...

2

Хочу я страстно петь, безудержно смеяться,
В душе моей цветет волшебная весна.
Я не засну всю ночь, я буду любоваться
Сверканьем ярких звезд, что видны из окна.

Я весел в первый раз за время заключенья,
Сегодня видел ту, кого, как жизнь, люблю,
В огне очей ее я сжег свои мученья,
Меж нежно-грустных слов услышал я: «люблю».

«Люблю» — светилось во взоре детски-ясном,
«Люблю» — сказала мне улыбка милых уст.
Пою. Молчит тюрьма. И двор угрюмо пуст. . .

А. А. Белозеров

Л. Котомка

ПОЭТУ

В дни тревоги и волнений
Смелым, зорким будь,
Светлых, страстных вдохновений,
Наших песен не забудь!

ПЕСНЯ ВОЛН

Лучезарная даль нас пленила,
Океан, грохоча, нас призвал,
Коллективная воля сплотила...
И за валом гремит новый вал.
Наши светлые песни о воле,
Жемчуг брызг при движении вперед,
Наши грезы о сказочной доле
Вдаль несем через реки невзгод.
Нас лучистое солнце голубит,
Шелк лугов взорам ласку дарит,
Наших песней никто не погубит.
Наши песни алмаз, хризолит.
Наши песни вольны, горделивы,
Наши песни тревоги набат,
В них мятежных дерзаний разливы,
Яблонь белых цветущий наряд.
Мы поем про великие цели,
Про лазурный неведомый край...
...
...
Наши песни несут пробужденье,
Переливы весенних идей,
Радость бури, борьбы и стремленье
К многогранному счастью людей.

И. Логинов

МАРСЕЛЬЕЗА СОЦИАЛ-ШОВИНИСТОВ

Отречемся, друзья, от марксизма,
От доктрины великой, святой.
Нам дороже кумир шовинизма,
Нам не надо борьбы классово́й!
Мы пойдем к нашим новеньким братьям,
Мы к Гучкову пойдем в Комитет!
Что нам стоны людей и проклятья,
Что нам Маркса великий завет?

Вставай, подымайся, эсдек-патриот,
Иди на врага-иноземца
И бей пролетария-немца...
Вперед, вперед, вперед!

Пусть по фабрикам всем и заводам
Раздается наш голос смелей,
Что иного пути нет к свободам,
Как чрез войны и трупы людей.
Так кричит сам Георгий Плеханов,
Шейдеман, Вандервельде и Гед.
В Государственной думе Бурьянов
Повторяет с трибуны их бред.

Вставай, подымайся, эсдек-патриот,
Иди на врага-иноземца
И бей пролетария-немца...
Вперед, вперед, вперед!

Не пора ли нам, братья-марксисты,
Позабыть классовую борьбу!
Нас зовут социал-шовинисты
Постоять за буржуев судьбу.

Бросим красное знамя свободы
И трехцветное смело возьмем
И свои пролетарские взводы
На немецких рабочих пошлем.

Вставай, подымайся, эсдек-патриот,
Иди на врага-иноземца
И бей пролетария-немца...
Вперед, вперед, вперед!

ПОЭТУ-МЕЩАНИНУ

Не тот поэт, кто гладко пишет
И рифмы звонкие плетет.
А тот, чей стих борьбою дышит
И к новым формам мир зовет.
Лишь тот поэт и бард вселенной,
Кто, позабыв давно Парнас,
Движенью жизни современной
Слагает гимны каждый час.
Но ты ль достоин называться
Поэтом, бардом и певцом,
Когда удел твой — преклоняться
Перед заезженным словцом.

ПЕВЦУ-ПРОЛЕТАРИЮ

(Посвящается Самобытнику)

Тебе, товарищ и собрат,
За песни стройные твои
Весь пролетарский Петроград
Слова приветов шлет свои.

Пусть разлучили нас с тобой,
Но разлучили не навек...
Повеет в воздухе весной,
И зазвенят потоки рек...

Под звон потоков навсегда
Вернешься к нам, поэт, и ты
И песни вольные труда
Опять споешь для бедноты.

Демьян Бедный

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-предалеком царстве,
В ненашем государстве,
За тридевять земель
Отсель,
Средь подданных царя мудрейшего Тофуты
Случилось что-то вроде смуты.
«Разбой! — кричали все. — Грабеж!»
Шли всюду суды-пересуды:
Порядки, дескать, в царстве худы,
Насилья много от вельмож!
Одначе
Хоть бунтовали все, но в общей суете
Верх брали те,
Кто посильней да побогаче:
«Чем лезть нам, братцы, напролом,
Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
Проведавши от них о нашей злой обиде,
Царь нас рассудит в лучшем виде».
Но то ли сам дошел, то ль, расхрабрысь
от слов
Вельможи главного, злодея Протоплута,
Не допустил к себе послов
Мудрейший царь Тофута:
«Нелепо, — молвил он, — мне слушать их, зане
Все, что известно им, известно также мне.
А ежели что мне неизвестно,
О том им толковать подавно неуместно!»

Но черный люд не сдал: боролся до конца,
Пока не выкурил Тофуту из дворца.
И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе все те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как «не запомнят старожилы».

Пошел в народе разговор:

«Попали мы впросак!» —

«Того ль душа хотела?» —

«Эх, не доделали мы дела!» —

«От богачей-то нам, гляди, какой разор!»

Потолковали,

Погоревали —

И богачей смели, как сор.

Жизнь сразу вышла на простор!

Я в этом царстве жил недавно.

И до чего живут там славно,

На свой особенный манер!

Как это все у них устроено на месте —

В К о м м у н и с т и ч е с к о м прочтете

м а н и ф е с т е.

* * *

«Твердыня власти роковой»

А. С. Пушкин

(о Петропавловской крепости)

«Власть» тосковала по «твердыне»,
«Твердыня» плакала по «власти».
К довольству общему, отныне
В одно слилися обе части.
Всяк справедливостью утешен:
«Власть» в подходящей обстановке.
Какое зрелище: повешен
Палач на собственной веревке!

БАБУШКА НЕНИЛА

(В хвосте за хлебом)

Крепко бабушка Ненила
Революцию бранила.

— Батюшки!

«Вот свобода так свобода,
Нету хлеба у народа!»

— Матушки!

«Что ты, бабушка? В уме ли?
Ведь цари весь хлеб объели.

— Батюшки!

Как по щучьему приказу,
Не родится хлебец сразу.

— Матушки!

Вот с землей добьемся ладу, —
Поработаем в усладу.

— Батюшки!

Новый хлеб заколосится —
Шелк наденешь вместо ситца.

— Матушки!

Весь ты век жила убого, —
Потерпи ж еще немного.

— Батюшки!

За свободную-то долю
Попируем, бабка, вволю».

— Матушки!

РАБОЧИЕ — СОЛДАТАМ

Солдаты!

— наша кровь и наша плоть.

И тот, кто хочет нас преступно расколоть,
Кто сеет злую рознь среди трудового люда,
Тот истинный Иуда!

Солдаты!

На смену хищникам, державшимся за трон,
Иные хищники спешат со всех сторон,
Мешая закрепить восставшему народу
Отбитую свободу.

Солдаты!

Пройдет война и с ней солдатская страда,
И снова станете вы все детьми труда,
И всех спаяет нас — от фабрики до поля —
Одна судьба и воля.

Солдаты!

Не отделяйте же от нас своей судьбы.
Не покидайте нас в тяжелый час борьбы.
Да не падут на вас народные проклятья,
Солдаты, наши братья!

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

О вы, головы, головушки кручинные,
Не пускайтесь на дела на самочинные,
Самочинные дела да беззаконные:
Отбирать свои полосыньки исконные.
На помещичье добро уж не зарьетесь,
А в соку своем, в поту, как прежде, парьетесь.
Да как стадо, уж как стадо безголовое,
Все надейтесь на правительство на новое:
Оно скрутит, оно свяжет вашу силушку,
Оно землю даст вам, землю... на могилушку.

ПОД ЗНАМЯ „ПРАВДЫ“

Семья рабочая — едина.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Направьте верные шаги!

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что, кто не с вами,
Тот — против вас! Тот — против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — идти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному «господ»!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украстье, братья, знамя ваше,
Примером став для всех времен.

Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Один порыв в одной груди!
Пусть ваша «Правда», ваше знамя,
Свободно реет впереди!!

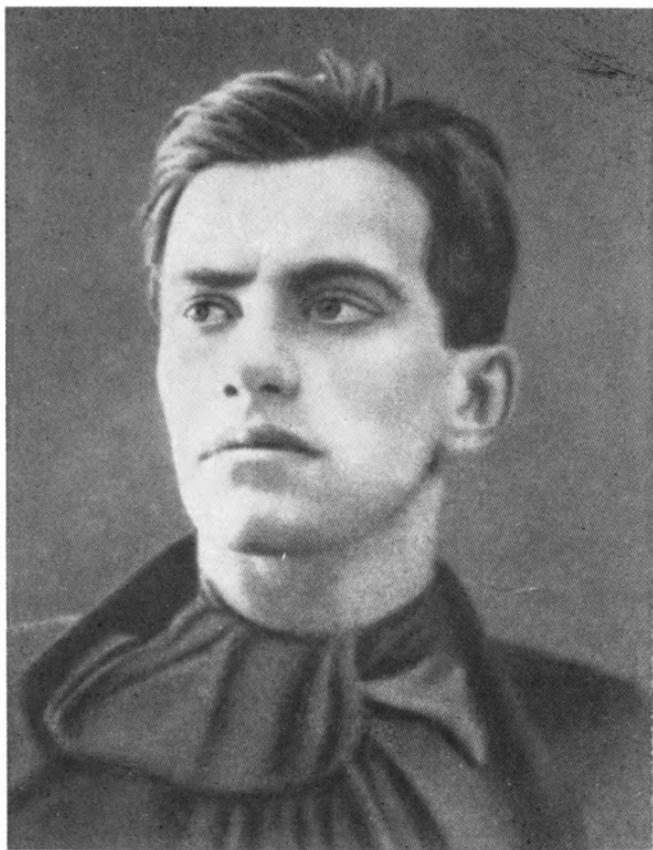
УКРЕПЛЯЙТЕ „ПРАВДУ“!

Товарищи, мы видели вчера:
В перчатках лайковых кадеты,
Офицера и юнкера
По Невскому возили эстафеты
О том, что сократить рабочих всех пора!
Цилиндры, котелки, жаракули-жакеты,
Собольи муфты и боа...
Все дармоеды — «буржуа»,
Герои кабаков шикарных и панелей —
Как тараканы вдруг
Повылезли из щелей,
Куда недавно их загнал тупой испуг.
Кость барская, изъеденная злостью,
Рискнула в бой вступить с рабочей крепкой
костью,
И поддержать господ весь черный стан готов.
Сошлись — не различить: банкир, помещик,
поп ли?
Из гнилозубых ртов
Несутся яростные вопли!

Товарищи, что невская панель,
Что буржуазная газета —
Какого цвета?
Один их желтый цвет, одна их злая цель.
Товарищи, когда, дав волю блудословью,
В желаньи затопить весь мир рабочей кровью,

Клевещет бешено продажная печать,
Мы не должны молчать!
На весь господский бред помойный,
На клеветнический их вздор
Должны мы каждый раз давать ответ достойный,
Врагом заслуженный отпор.
Так укрепляйте же, друзья, трибуну вашу.
Чтоб «Правду» поддержать, пусть круговую чашу
Наполнит до краев товарищеский сбор!

Пишу, ей-богу, на бегу.
Сказать бы лучше — сердце радо.
Но... было б сказано что надо.
Хоть малость, как-нибудь, но делу помогу!

В. В. Маяковский

ПРИКАЗАНО, ДА ПРАВДЫ НЕ СКАЗАНО

(Солдатская песня)

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа!

Нам в бой идти приказано:
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — мильон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

„ЛИБЕРДАН“

(Подхалимский танец)

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшись за ручки.
«Либердан!» — «Либердан!»
Счету нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам!
Милюков кричал им браво
И свистел на флейте:
«Жарьте вправо, вправо, вправо!
Пяток не жалейте!» —
«Либердан!» — «Либердан!»
Рассуждая здраво,
Самый лучший будет план:
Танцевать направо!

На Москве устроив танцы
Сообша с врагами,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.
«Либердан!» — «Либердан!»
Что же вы, ребята?
Баре сели в шарабан.
Живо на запятки!

МОЙ СТИХ

Пою. . . Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой. . . блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я пес сторожевой!

СОЦИАЛ-ЗАНКИ

Отец, как водится, был злостным воротилой,
Но не таков
Обычай нынче у сынков:
Там, где им взять нельзя ни окриком, ни силой,
Они берут улыбкой милой
И ласковым словом.

Встречаться мне пришлось в деревне с молодцом.
Шла про него молва в народе:
«Михал Иваныч-то!.. Богач, помещик вроде, —
Какая разница меж тем, гляди, с отцом.
Как распинается за бедноту на сходе!
Мы, братцы, грит, одна семья...
Как, значит, вы да, значит, я...
Не разобрать хотя, что «значит», —
Зайка, видишь ли, с суконным языком!
Но видно, что скорбит: в грудь тычет кулаком
И горько плачет!
Бог с ним, что неречист; была бы голова!» —
Такая шла молва.
И никому-то мысль в башку не приходила,
Что сын пошел в отца: такой же воротила,
Да только что дела ведет на лад иной.
Где? — За народною спиной.
Сойдутся, снюхавшись, добряк Михал Иваныч
Да черт Степаныч,
Мошна с мошной,

В. Маяковский

РЕВОЛЮЦИЯ

(Поэтохроника)

26 февраля.

Пьяные, смешанные с полицией, солдаты
стреляли в народ.

27-е.

Разлился по блескам дул и лезвий
рассвет.
Рдел багрян и долог.
В промозглой казарме
суровый
трезвый
молился Волынский полк.

Жестоким
солдатским богом божились
роты,
бились об пол головой многолобой.
Кровь разжигалась, висками жилась.
Руки в железо сжимались злобой.

Первому же
приказавшему
«Стрелять за голод!»,
заткнули пулей орущий рот.

Чье-то «Смирно!»
Не кончил.
Заколот.
Вырвалась городу буря рот.

9 часов.

На своем постоянном месте,
в Военной автомобильной школе
стоим,
зажатые казарм оградю.
Рассвет растет,
сомнением колет,
предчувствием страха и радуя.

Окну!
Вижу —
оттуда,
где режется небо
дворцов иззубленной линией,
взлетел,
простерся орел самодержца,
черней, чем раньше,
злей, орлинее.

Сразу —
люди,
лошади,
фонари,
дома
и моя казарма
толпами
пó сто
ринулись на улицу.
Шагами ломаемая, звенит мостовая.
Уши крушит невероятная поступь.

И вот неведомо,
из пенья толпы ль,
из рвущейся меди ли труб гвардейцев
нерукотворный,
сияньем пробивая пыль,
образ возрос.

Горит.
Рдеется.

Шире и шире крыл окружие.
Хлеба нужней,
воды изжажданней,
вот она:
«Граждане, за ружья!
К оружию, граждане!»

На крыльях флагов
стоглавой лавою
из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами вгрызлась в двуглавое
орла императорского черное тело.

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде».
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделаем снова.

Граждане!
Это первый день рабочего потопа.
Идем
запутавшемуся миру на выручу!
Пусть толпы в небо вбивают топот!
Пусть флоты ярость сиренами вырывают!

Горе двуглавному!
Пенится пенье.
Пьянит толпу.
Площади плещут.
На крохотном форде
мчим,
обгоняя погони пуль.
Взрывом гудков продираемся в городе.

В тумане.
Улиц река дымит.

Как в бурю дюжина груженных барж,
над баррикадами
плывет, громыхая, марсельский марш.

Первого дня огневое ядро,
жужжа, скатилось за купол Думы.

Нового утра новую дрожь
встречаем у новых сомнений в бреде мы.
Что будет?
Их ли из окон выломим
или на нарах
ждать,
чтоб снова
Россию
могилами
выгорбил монарх!

Душу глушу об выстрел резкий.
Дальше,
в шинели орыт.
Рассыпав дома в пулеметном треске,
город грохочет.
Город горит.

Везде языки.
Взовьются и лягут.
Вновь взвиваются, искры рассея.
Это улицы,
взяв по красному флагу,
призывом зарев зовут Россию.

Еще!
О, еще!
О, ярче учи, красноязыкий оратор!
Зажми и солнца
и лун лучи
мстящими пальцами тысячерукого Марата!

Смерть двуглавному!
Каторгам в двери
ломись,

когтями ржавые выев.
Пучками черных орлиных перьев
подбитые падают городовые.

Сдается столицы горящий остов.
По чердакам раскинули поиск.
Минута близко.
На Троицкий мост
вступают толпы войск.

Скрип содрогает устои и скрепы.
Стиснулись.
Бьемся.
Секунда! —
и в лак
заката
с фортов Петропавловской крепости
взвился огнем революции флаг.

Смерть двуглавному!
Шеищи глав
рубите наотмашь!
Чтоб больше не ожил.
Вот он!
Падает!
В последнего из-за угла! — вцепился.
«Боже,
четыре тысячи в лоно твое прими!»

Довольно!
Радость трубите всеми голосами!
Нам
до бога
дело какое?
Сами
со святыми своих упокоим.

Что ж не поете?
Или
души задушены Сибирей саваном?
Мы победили!
Слава нам!

Сла-а-ав-ва нам!
Пока на оружии рук не разжали,
повелевается воля иная.
Новые несем земле скрижали
с нашего серого Синая.
Нам,
поселянам Земли,
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам братья.
Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати.

Пробеги планет,
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля.
Воздух — наш.
Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда,
никогда!
никому,
никому не позволим
землю нашу ядрами рвать,
воздух наш раздирать остриями отточенных
копий.

Чья злоба надвое землю сломала?
Кто вздыбил дымы над заревом боен?
Или солнца
одного
на всех мало?
Или небо над нами малó голубое?!

Последние пушки грохочут в кровавых спорах,
последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.

Не трусость вопит под шинелью серою,
не крики тех, кому есть нечего.
Это народа огромного громовое:
«Верую
величию сердца человеческого!»

Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви изверясь,
днесь
небывалой сбывается былью
социалистов великая ересь!

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта в нем красного не было и нету.

Услышит кадет — революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшуший ветер,
в клочья шапчонку изорвал на кадете.

И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.

К ОТВЕТУ!

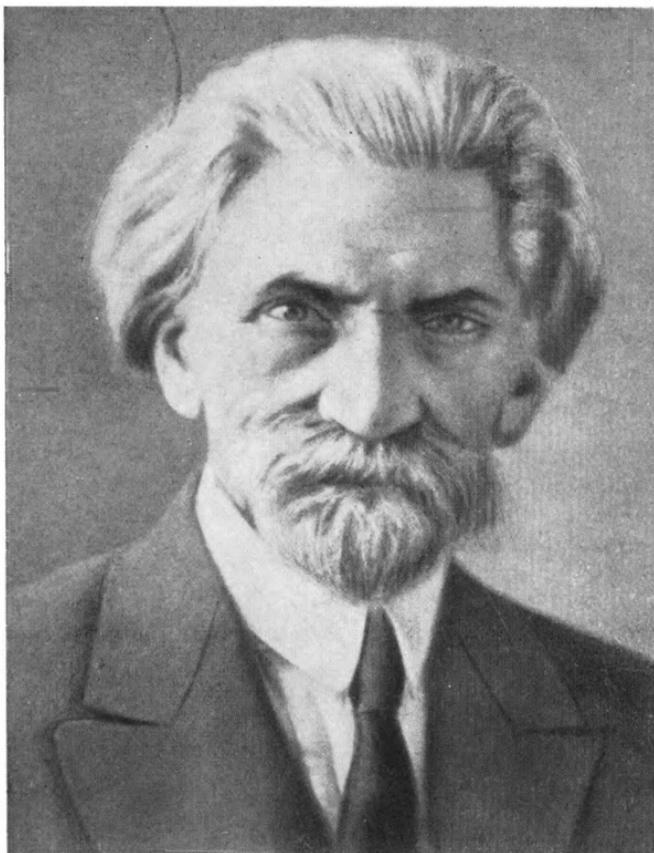
Гремит и гремит войны барабан.
Зовет железо в живых втыкать.
Из каждой страны
за рабом раба
бросают на сталь штыка.
За что?
Дрожит земля
голодна,
раздета.
Выпарили человечество кровавой баней
только для того,
чтоб кто-то
где-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человеческих свор,
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.

Во имя чего
сапог
землю растаптывает, скрипящ и груб?
Кто над небом боев —
свобода?
бог?
Рубль!
Когда же встанешь во весь рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
за что воюем?

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ВАСНЯ

Петух, однажды,
дог
и вор
такой скрепили договор:
дог
соберет из догов свору,
накрасть предоставлялось вору,
а петуху
про гром побед
орать,
и будет всем обед.
Но это все раскрылось скоро.
Прогнали
с трона
в шею
вора.

Навертывается мораль:
туда же
догу
не пора ль?

А. А. Богданов

А. Богданов

ПЕСНЯ О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Девушки-работницы, ткальщицы узоров,
Юные, прекрасные!
Из шелков багряных,
Из полотен рдяных
Сшейте знамя тонкое, сшейте знамя красное!

Не слезой бездольною, не рабы безвластные —
Смелые и вольные,
Светлым чистым бисером
Уберем то знамя —
Знамя пролетарское, знамя правды красное!

Честь отдай, товарищ, как борцу и брату —
Верному солдату!
Крепкими руками
Поднимайте знамя,
Знамя всепобедное, знамя братства красное!

Пойте славу знамени! Выше взвейся, красное!
Пусть тебя осветит солнце утра ясное,
Ветер заколышет,
Розами запышет!
Здравствуй, утро ясное!.. Здравствуй, знамя
красное!..

ПОГИБШИМ ТОВАРИЩАМ

(На мотив «Вы жертвою пали...»)

Сомкнемся теснее рядами колонн:
Пусть видят цари нашу силу,
И шелестом красных склоненных знамен
Овеем святую могилу.

И пусть этот день занесут навсегда
На мрамор скрижалей народных —
Как братскую тризну Борьбы и Труда,
Как смотр ополчений свободных.

Пусть солнце, и небо, и камни кругом
Внимают торжественной песне:
«Наш громкий призыв: победим иль умрем,
И ты, о Россия, воскресни!»

Под музыку гимнов клянемся все мы,
Венки опуская на гробы,
Что рухнет владычество гнета и тьмы,
Насилий, предательства, злобы.

И с каждою брошенной горстью земли
Клянемся все клятвой священной,
Что будем бороться, все те, кто пришли,
За благо, за братство вселенной.

Пусть выстрелы пушек призывно звенят,
И гром их пусть слышат народы.
Здесь каждый рабочий, здесь каждый солдат —
Лишь ратник всемирной свободы.

Клянемся, клянемся у трупов бойцов,
Что сменой пришли им другие...
В окопах, в огне, у точильных станков
Куется свобода России.

Сомкнемся теснее рядами колонн:
Пусть видят цари нашу силу,
И шелестом красных склоненных знамен
Овеем святую могилу.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Пьют кровь из нищеты налоги,
Законы душат. Власть — разбой.
Насилью строятся чертоги,
А право бедных — звук пустой. . .
Но гнет не будет длиться долго, —
Мы равенства даем устав:
Нет прав без трудового долга,
Равно и долга нет без прав.

Презренны в самовосхваленьи
Владыки бирж и рудников.
Всем тунеядцам — осужденье,
Всем псам, терзавшим бедняков!
В подвалах разжиревшей своры
Скопилось все, что создал труд.
Мы требуем: пусть эти воры
Добро народное вернут!

Цари нас порохом кормили. . .
Мир — хижинам, война — дворцам! . .
Мы славим труд. Долой насилье!
Солдаты! с фронта — по станкам!
Но если банда каннибалов
Войну корыстную зажжет,
Мы против белых генералов
Направим их же пулемет,

А. Белозеров

КЛИЧ ПРИЗЫВНЫЙ

В ком мужества огонь струится
И в год борьбы созрела месть,
В ком сердце пламенное есть —
Пускай идет с врагами биться!

Настал черед: за все терпенье,
За кровь и раны, годы тьмы —
За все, что выстрадали мы,
Ударил час борьбы последней!

Итак, вперед! — рука с рукою,
Блеснул навстречу луч зари.
Гори, заря, сильней гори
Над восстающею страной!

Как день за ночью неизбежен,
Так путь борьбы неотвратим.
Друзья, врага мы победим —
Порыв наш грозен и мятежен!

Пускай за вольные стремленья
Прольется кровь в последний раз:
Погибнем мы, но после нас
Свободны будут поколенья!

ХЛЕБА И МИРА

Третий февраль продолжается бойня,
Дьявольски тяжких три года.
Режет и шьет мировая закройня
Душу и тело народа.

Сколько еще? Уже хмурится Питер,
Даже нахмурилось небо.
Голод улыбки на лицах повытер.
— Мира и хлеба!

В улицах гулко казачьи копыта
Цокают с утра до ночи.
Эх! не удержат опричники скрытой
Злобы рабочих!

Вышли с окраин толпою на Невский
Против кровавого пира,
И закричали полотнами резко:
— Хлеба и мира!

Л. Бердников

* * *

Свершилось... И рухнули своды
Презренной, кровавой тюрьмы,
Где тяжкие долгие годы
Томились и гибли мы...
Свершилось... и смолкли проклятья,
И сброшен насилия гнет...
Да здравствуют братства объятия!
Да здравствует вольный народ!..

ЖЕРТВАМ РЕВОЛЮЦИИ

Борцы-печальники, служившие народу,
О мести вопиет на камнях ваша кровь...
Мир праху вашему... Вы пали за свободу,
За светлый мир, за правду, за любовь.
Неся свой стяг — стяг вольной колыбели,
Вы шли, могучие, врагам на страх...
Из тюрем сырых вы шли к заветной цели
С горящим факелом и светочем в сердцах.
Томились вы в цепях лихой невзгоды,
Под гнетом зла, расстрела и мечей,
Но час пробил — час мести и свободы,
И... пали вы от зверства палачей...
Мир праху вашему, сыны родной отчины,
Безвременно погибшие в бою...
Пусть этот день святой великой тризны
Пусть будет памятен во всем краю...

ДУМЫ СОЛДАТСКИЕ

Думы солдатские,
Вольные, братские,
Кто вас посмеет сковать
Цепью цензурною,
В эпоху бурную? ..
Вы, как могучая рать,
Двинулись тропами
К братству — окопами —
К солнцу великих идей...
Пойте же братские
Песни солдатские,
К миру зовите людей...

И. Садофьев

В ТЮРЬМЕ

Захлопнул дверь за мной республиканец новый,
Вот щелкнул он замком. И смолкло все кругом.
Свободный гражданин — в тюрьме и под замком...
Союзный дипломат взял в плен Свободу Слова.

Но не страшна тюрьма — насилия основа —
Тому, кто непрерывно вел борьбу с врагом,
Кто праздновал свою победу с торжеством,
Разбив кровавый трон и рабские оковы.

О новые враги! И ваш разрушим трон.
Тюремщик пусть, глумясь, звякает ключами,
Смеюся я над вашей злобой и над вами!

Я слышу, за тюрьмой растет мятежный звон,
Проклятье вам, войне летят со всех сторон.
Опять в борьбе победа, знаю я, за нами.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

...Замечаешь ты, как редет ночь,
Как заря, смеясь, загорается? ...
А вон, видишь, там, в дыму, в пламени,
Кузнецы куют — сталь певучую? ..
Слышишь стук и шум их — растут, растут...
И сливаются в стройный сильный гул? ..

Кузнецы-борцы — люди дружные,
Люди сильные, люди смелые —
Там работают, не жалея сил.
А на помощь им идут женщины,
За тяжелый труд принимаются,
И все больше их появляется... .

Там теперь ли спать или прятаться?! .
До свиданья, сон! Грусть, прощай теперь!
К кузнецам-борцам бежим в кузницу
Помогать ковать — долю лучшую...
Будем день ковать, будем ночь ковать,
А уж выкуем — свое счастье!!

А. Поморский

КРЕСТЬЯНСКИЕ МОТИВЫ

Мы долго страдали. Нас цепи томили,
И долго над нами глумился наш враг...
Мы долго без солнца, без радости жили,
И был беспросветен удушливый мрак...
А сердце кричало от скорби, от боли.
Мы кровью в неволе, в цепях истекли...
Но души тянулись к поруганной воле,
Хотелось нам хлеба, хотелось земли...
Но клочья земли не давали посева,
И мы умирали с голодной семьей...
Довольно страданий! Мы каплями гнева
Вписали страницу в грозе мировой.
Проснулось кипящее, грозное море...
Зови нас, свобода, к победе зови!
Ты видишь, в тумане забрезжились зори,
Великие зори вселенской любви.
Погибли тираны, рассеялись ночи,
Слились мы под знаменем света, труда.
Пусть руки протянут крестьяне рабочим,
За нами останется мир навсегда.
Вперед! Опьяненные радостным хмелем,
Мы справим свободы ликующий гимн...
Господскую землю по-братски разделим,
Народу народное мы отдадим.
Нет больше неволи. Нет мрака, нет ночи...
О, мы ни на шаг не отступим назад!
Крестьянину руку протянет рабочий,
Рабочему руку протянет солдат.

И. Логинов

ПОКЛЯНЕМСЯ

Поклянемся на братской могиле,
Что великий российский народ
Не уступит низвергнутой силе,
Не отдаст он добытых свобод.
Поклянемся, что рать трудовая
Не забудет погибших борцов
И пойдет, ни на что не взирая,
В царство братства — из мира оков.

НАКАНУПЕ

Готовься, семья трудовая,
Отпраздновать Первое мая,
Чтоб знали владельцы палат,
Что мир пролетарский богат
Не золотом, пахнувшим кровью,
А братства святою любовью.

Готовься, семья трудовая,
Отпраздновать Первое мая,
Пусть знают всех стран господа,
Что праздник великий Туда —
Не басня досужих людей,
А смотр пролетарских идей.

ПУТЬ ПРОЛЕТАРИЯ

Мысль и воля коллектива
Да святой упорный труд
К жизни вольной и красивой
Пролетария ведут.

Через века, тысячелетья,
Через годы лихолетья,
Через смены дня и ночи
Совершает путь рабочий.

Путь тернистый,
Путь ужасный
К зорям чистым,
Яркокрасным.

НА ЗАВОДЕ

В каждом звуке, в каждом стуке,
В каждом взмахе колеса,
Как в народе, как в природе,
Есть особая краса.
Не стыдиться, а влюбиться
Надо в молота удар,
В эти стоны, перезвоны,
В нестерпимый горна жар.
Шум заводов — мощь народов —
Я давно уж полюбил...
Клич призывный, коллективный
Мне до смерти будет мил...

КРОВАВЫЙ СЕНОКОС

Смерть костлявая взяла свои права
И господствует в Европе третий год,
Под косою ее ложится, как трава,
Одураченный трудящийся народ.

Но к концу идет кровавый сенокос,
Начинают просыпаться бедняки.
Предъявляют богачам они запрос,
И считают короли свои деньки.

Гнев народный крепнет, ширится, растет,
Волны гнева образуют грозный вал...
Только этот вал с лица земли сметет
И войну и ненасытный капитал.

БРАТАНИЕ

В Швейцарии на днях происходил тайный съезд австрийских, французских, германских и английских финансистов для обсуждения условий мира.

Из газет.

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдать,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

Для нас отечество — овца,
А родина — коровка.
От первой — шерстка для купца,
С второй — сырку головка.

Пускай дерутся бедняки
И все социалисты,
Но не такие дураки
Акулы-финансисты.

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдать,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

ПОПОВСКИЙ МАНИФЕСТ

Церковный собор обращается с особым посланием к рабочим, умоляя их от имени церкви отказаться от классовой розни.

Из газет.

Чтоб не попасть в котлище ада
И в руки злого сатаны,
И день и ночь молиться надо
За продолжение войны.

Войну попы благословили,
А ваше дело продолжать
Друг друга слепо убивать,
Чтоб богачи привольно жили.

ОПЕКА

Союзные шовинисты мечтают
о взятии России под опеку.

Из газет.

Помоги нам, мать божья,
От опеки увильнуть,
И с мирского бездорожья
На шоссе Труда свернуть.

А. Крайский

ЕЩЕ НЕМНОГО

Такой весны я не запомню, —
Среди грозы, среди огня,
Весна в полях, залитых кровью,
Весна как смерть. . .

Но у меня
Дрожит в груди знакомый голос:
Еще немного — все пройдет,
На пашнях снова мирный колос
Труда святого расцветет.

Л. Котомка

ПРИВЕТ „ПРАВДЕ“

Светлая «Правда» опять появилась,
Голос властителя дум зазвучал,
Очи рабочих опять засветились.
Смело в борьбу, — впереди идеал!

* * *

Холодные дни миновали.
Весенним пахнуло теплом,
Туда, где синеются дали,
Туда мы с восторгом пойдем.
В руках у нас красное знамя,
А в сердце отвага и гнев,
Идейное яркое пламя
И гордый победный напев.

Д. Семеновский

ТОВАРИЩ

Весенним дыханьем, неожиданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:

— Товарищ! —

Как песня звучит нам оно.

То — песня во славу труда-миродержца,
То — мост, переброшенный к сердцу от сердца,
То — братьям от братьев привет.

— Товарищ! —

Прекрасней воззвания нет.

Из темных подвалов, из глуби подполья
Помчалось оно на простор, на раздолья
Кипящих толпой площадей.

— Товарищ! —

То — новое имя людей.

Лучистее взгляды, смелее улыбки,
И кажется: майским сиянием зыбким
Вся жизнь озарилась до дна.

— Товарищ! —

Мы — сила, мы — воля одна.

СХОДКА

Перелески, овражки, овины,
Пояса полевых изгород.
Как цветы посреди луговины,
На селе собирался народ.

Билось красное знамя — жар-птица.
Словно пчелы, гудело в толпе:
— Нам, товарищи, надо сплотиться,
Как усатым колосьям в снопе!..

Не с похмелья, не с бражного пира
Затянул грамотей-паренек:
«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног».

Заливались девки как птицы,
Будто ленты вились голоса.
За зеленой парчой яровицы
Откликались на песню леса.

Полыхало над улицей знамя,
Дружно пел на приволье народ.
И, овеяны вешними снами,
Перелески гревели: «Вперед!»

А. Благов

ПРИЗЫВ

Вперед, товарищи! вперед!
Поднимем гордо наше знамя!
Рабов и трусов между нами
Страна родная не найдет.
Мы много видели мучений,
Но мы родились для борьбы,
И мы не будем как рабы
Просить постыдно сожалений
У нашей мачехи-судьбы.
Не будем жалоб бесполезных
Шептать мы в страхе перед ней.
Нет! из когтей ее железных
Мы вырвем силую своей
Свободу, счастье наших дней.
Вперед, товарищи! За нами,
Все угнетенные судьбой!
Свободы пламенное знамя
Лишь мы воздвигнем над землей! ..

Неизвестные авторы

Смелей в борьбу, молодые силы!
Смелее в царство новых дней!
Долой царизм! Его могила
Разверзлась. И погиб он в ней.
Вперед! Дружней в борьбу за счастье,
За социальный новый строй!
Вперед, великий пролетарий,
Вперед на славный, смелый бой!
Разбей мозолистой рукою
Капитализма тяжкий гнет,
Тогда свобода пред тобою,
Как солнце яркое, взойдет.
Ты обретешь труда творенья,
Ты царь труда, и твой дворец
Положит тюрьмам разрушенье
И строю старому конец.
Вперед же, силы молодые:
Разбить зимы суровый лед,
При свете солнечном свободы
Мы дружно двинемся вперед.

ПРИВЕТ ТОВАРИЩАМ

(Посвящается амнистированным)

Вы вновь среди нас, вы снова с нами! . .
Опять за дело, снова в бой! . .
Как встарь, в кровавый бой с врагами,
Со злом, насилием и тьмой!
Еще не кончен путь тернистый
Во мгле невежества и зол,
Еще туман витает мгlistый,
Еще ликует произвол!
Но знайте ж, братья, кровью вашей
Недаром Русь орошена:
Уж близок час победы нашей,
Уж вражья рать потрясена! . .
Уж скоро, верьте, час настанет —
И трудовой рабочий люд
Семьею дружною восстанет
За волю, правду и за труд! . .
Он сокрушит тиски бесправья,
Он уничтожит тяжкий гнет
И пышный трон самодержавья
Рукою смелой разобьет! . .
И над руинами царизма,
Над пеплом царевых палат
Поднимет флаг социализма
Свободный пролетариат! . .

ПОРА!

Пора скорей звонить во все колокола,
Пора скорей кричать со всех высоких башен,
Что вся почти земля уж кровью истекла,
Что мир необходим для жизни ее пашен!

Пора уже сознать, что миг еще один —
И смерть растопчет все побегии молодые,
Что еще миг — и он, природы господин,
Всесильный человек, пред нею склонит выю!

Пора скорей послать проклятья палачам,
Распявшим на мече мечту о вечном мире,
Пора уж наконец воздвигнуть мира храм
Наместо куполов, слылавших лишь о мире.

И пусть тогда вся кровь, пролитая напрасно,
Падет на главы тех, кто видел в ней вино,
Кто, точно охмелев, бездушно и безгласно
Глядел на пир войны в кровавое окно.

Е. Дольский

В ДЕНЬ ПОХОРОН

Красная ленточка в траурном флере,
Красная в черном, как луч в облаках,
Радость свободы и слезы во взоре...
Красная ленточка в траурном флере...
Вечная память погибшим за волю.
Слава последним, кто пал на постах!
Ленточка красная в траурном флере...
Красное... Черное... Луч в облаках...

Н. Ратомский

ВОИНАМ РЕВОЛЮЦИИ

Не покладайте оружия, воины,
Даже и после побед!
Знайτε: в хозяйстве вы все не устроены,
Знайτε: земли у вас нет!

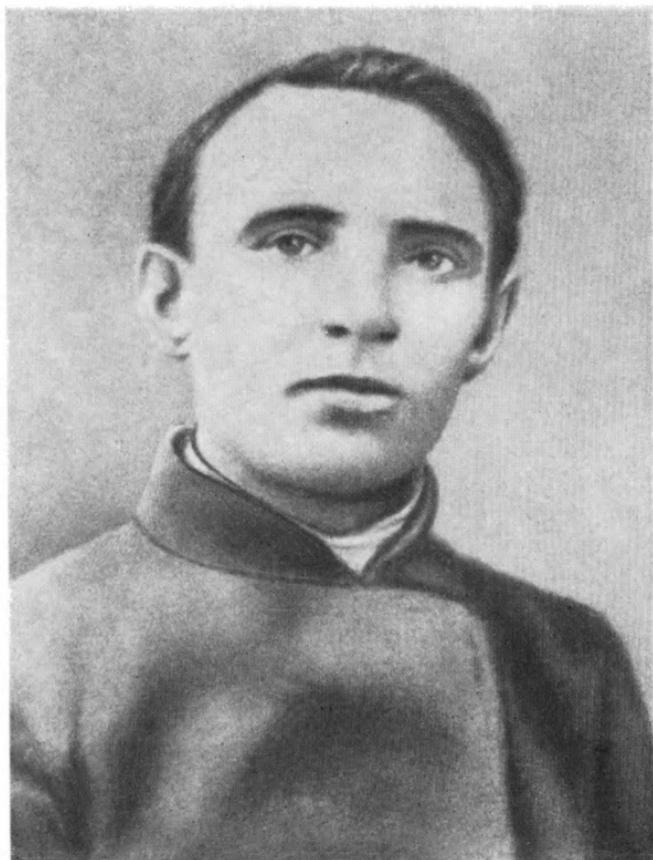
Рать ваша грозная, рать миллионная
Вспомнить должна на пути:
Там, где родное село отдаленное,
Там — хоть шаром покати!
Эта пора как раз подходящая,
Не прозевайте ее:
Пусть у вас будет земля настоящая,
Требуйте смело свое!
Бары возьмут все себе с избытком,
Все разберут нарасхват. . .
Знайτε: все добыто вашим усилием,
Кровью и жизнью солдат!

Не покладайте оружия, воины,
Даже и после побед!
Знайτε, что дома вы все не устроены,
Знайτε: земли у вас нет!

А. Хуторов

ИЗ КАТОРЖНЫХ МОТИВОВ

Да, я смирился! . . . Силе грубой
Подвластен скованный мой шаг, —
Терзай же с злобою сугубой
Больную плоть, насильник-враг!
Бичуй, тиран, дробь мне кости
И жилы медленно тяни!
Умру — на брошенном погосте
Тайком от близких схорони.
Цепей стальных снимать не надо, —
Через десятки, сотню лет
Иное племя будет радо
Найти закованный скелет.
И над безвестною могилой,
Без слез и лживых панихид,
Народ одной семьей и силой
С погибших смоем тлен обид.
Да, я погиб, но верю: братья
Куют для страшных битв мечи,
Звучат в родной стране проклятья,
Дрожите, бойтесь, палачи!

А. Н. Благов

И. Иванов

К ТОВАРИЩАМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь,
Чтоб в своих руках держать нам власть,
Когда нужно, вмиг на зов вы собирайтесь,
Чтобы дружно на врагов своих напасть.
Во всех странах силы наши ведь несметны,
В корне сменим государственный весь строй,
Будем строить жизнь свою веселой, светлой,
Злоба, ненависть, предательство — долой!
Солнце правды воссияет над землею,
Нет господ и нет рабов, а все равны.
И «крамольникам» теперь грозить тюрьмою
Уж не будут, не наденут кандалы.

Неизвестный автор

УЗНИКИ

В черной пещере жарко пылает
Пламя костров,
В черной пещере падают звенья
Ржавых оков.
Весело пляшут красные искры,
Молот гудит.
Эхо смеется... Песня грядущей
Боли звучит.
Длиться не вечно будет глухая
Черная ночь,
Мы из проклятой черной могилы
Вырвемся прочь.
Цепи свергаем, ржавые цепи,
Волю куем.
Скоро, о, скоро, стены темницы
Мы разобьем!

Ф. Шведов

МЕНЬШЕВИКАМ

Ничто нас не страшит. . . Мы знаем цену жизни
И знаем, где грозит опасность для отчины. . .
Не вам указывать свободный путь развития:
Вы далеки от жизни, от событий! . .
Вы изменили всем народам угнетенным
Призывом на войну. . . призывом похоронным. . .
Позор вам навсегда! Историк скажет слово,
Когда наступит мир и строй настанет новый! . .
Зачем в великий час пожара
Бойтесь свергнуть гнет проклятой жизни старой?! .
Вы тушите порыв народного восстанья, —
Борьбы бойтесь вы, бойтесь вы братанья! . .
Призывом на войну взамен одной свободы
Хотите подкупить себе вы все народы. . .
Но нет! . . Не быть сему! В великий час возмездья
Народ оценит вас как прошлого наследья!

Д. Семенов

ПАЛА СТАРАЯ ВЛАСТЬ

Пала старая власть, не воскреснет она!
Долгожданной свободы взвились знамена,
 Заменяв знамена самовластья.
Пала старая власть — и настала пора
Возрождения сил, просвещения, добра,
 Всей России грядущего счастья.
Пала старая власть пред свободою ниц. . .
И упали замки всех острогов, темниц,
 Где томились борцы за свободу;
Пала старая власть, и из ссылочных мест,
Те, что долго несли незаслуженный крест,
 Вновь идут на служенье народу.
Много крови, мучений, страданий и слез
Терпеливый народ на Руси перенес,
 Переполнилась чаша терпенья.
Сломлен внутренний враг, и воскресла страна,
Пробудилась она от кошмарного сна,
 Прославляя свое воскресенье.
И вожди, и войска, и рабочий народ
Понесли свое Красное Знамя вперед,
 Дорогую вещая свободу. . .

Довольно злобы! Довольно крови! Довольно стонов!
Довольно слез!
Всех истомленных безумной бойней зовем к знаменам,
зовем к борьбе!
К борьбе за братский и справедливый, для всех
желанный и скорый мир!

Враги народа, лжецы, шакалы.
Наш гнев — лавина, и он растет.
Вы — на вулкане. Внутри клокочет.
Кора прорвется — поглотит вас. . .
Вас, шакалы, проглотят,
Вас, холопы царизма,
Нацепившие банты,
Но с лакейской душой.

А. Соловьев

* * *

Выше знамя, товарищи, выше!
Громче светлую песню свободы!
Пусть призыв наш могучий услышат
Пролетарской семьи все народы.

Громче, эхо, катись за туманы,
За кровавую мглу пред рассветом,
Разнесись по земле во все страны
Буйной силой и братским приветом.

Не заря ль развернулась над нами,
Не играет на лицах румянцем? ..
Это кровь разлилася морями
И окрасила небо багрянцем.

Не мотив ли гудит похоронный
В шуме ветра полей и дубравы?
Это братьев замученных стоны
В мутном блеске навязанной славы. . .

Выше знамя, товарищи, выше!
Громче светлую песню свободы!
Мы спаяем великой любовью
Воедино всех стран все народы.

Б. Ганцев

БОЙНЯ

Вновь хищник, проклятый, кровавый,
Орел державный многоглавый,
Россию бросил в смертный бой, —
А цель? — все та ж — «захват», «разбой».

Как при царе «блаженном» паны
Забили с жаром в барабан...
Над пролетариями всех стран
Справляют тризну вновь тираны.

Буржуазия, шейдеманы,
Народной кровью торгаши,
Раскрыв бездонные карманы,
Уже считают барыши.

Быть может, юную свободу
В крови утопят «господа»,
Так нет же! Русскому народу
Не быть рабом уж никогда!

Уж формы новые готовы,
А старый строй прогнал вконец;
Вчерашний раб — народ-творец —
Отбросил навсегда оковы.

КЛЕВЕТНИКАМ

Не клеймите вождей, наших светлых вождей,
Наших смелых, свободных борцов:
Не поверит порвавший оковы народ
Жалкой своре продажных лжецов.

За идеи боролись, боролись они
В жизни тяжелой и доле суровой;
В царство равенства братьев-страдалцев вели
Неустанно они к жизни новой.

Не прельщала их слава. За славой ли шли
Они в тундры и шахты сырые?
Не склоняли они пред царями главы,
Неподкупны их мысли стальные.

И не вам запугать их, рассадники лжи.
Пусть открылись вновь тюрьмы широко, —
Восходящее утро свободной зари
Поразит за страданья пророка.

Не клеймите вождей, наших светлых вождей,
Шлет проклятья народ вам свободный.
Прочь, продажная клика романовских дней!
Трепещите ж! Вас ждет суд народный.

И. Батищев

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Товарищи! Во имя идеала,
В защиту прав восстанем как один.
Под знаменем Интернационала
Мы явимся как грозный властелин.

Мы скажем: власть должна быть у народа,
По праву он хозяин на земле.
И светоч первенства и братства и свободы
Один лишь он зажег в зловещей мгле.

Один лишь он открыл свои объятия
И звал рабов в могучий дружный стан.
Он всем сказал: рабочие — все братья
Враждующих и дружественных стран.

К чему война? Зачем стремиться к бою?
Что нам делить, имеющим гроши?
Наш враг лишь тот, кто, пользуясь бедою,
Нажил себе большие барыши.

Наш общий враг — всех стран капиталисты,
Войной на них мы лишь идти хотим.
Хоть труден путь, хоть долог путь тернистый, —
Возврата нет... умрем иль победим.

Сплотимся ж все в священные союзы
На страх и смерть разъяренным врагам.

Падут тогда заржавленные узы,
Как жалкий прах к израненным ногам.

Настанет мир, для всех желанный,
Окончен будет сатанинский бал,
И крикнем мы: о светлый, долгожданный,
Наш идеал — Интернационал! . .

Г. Галина

ЛЕС РУБЯТ...

Лес рубят — молодой, нежнозеленый лес...
А сосны старые понурились угрюмо
И, полны тягостной, неразрешимой думы,
Безмолвные глядят в немую даль небес.

Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?

Лес рубят... Но земля укроет семена:
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется борцов зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилой!

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

«Брат, руку дай... Скорей, скорей...
Как тяжело ружье...
Оно как будто не мое —
Дрожит в руке моей...»

Я ранен... видишь?.. Смерть близка...
О боже, сил уж нет —
Послать последний свой ответ
В британские войска...

Брат, подними приклад ружья...
Я буду целить сам...
Я отомщу твоим врагам,
О родина моя!»

Но выстрел голос заглушил —
Без вдоха бур упал...
И брат ружье у брата взял
И — снова зарядил.

О. Ч ю м и н и

ПАМЯТИ А. И. ПЛЕЩЕЕВА

Он звал вперед, будя сознание,
И этот клич — не звук пустой,
Но это бодрое воззвание
Дышало правдою святой.

Он шел вперед стезей прямою,
Без страха рабского в груди,
И, не смущен нависшей тьмою,
Был неизменно впереди.

С неослабевшим юным пылом
Спешил на помощь он прийти
К неопытным и юным силам,
И с ними шел он часть пути.

Поэт — он пел не для забавы,
Он славил правды торжество,
И в Пантеоне русской славы
Есть место имени его.

Среди волшебных песнопений
Певцов славнейших не замрет
И для грядущих поколений
Призыв плещеевский: вперед!

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ

(Памяти А. П. Чехова)

Нет слов. . . Уста от скорби немы,
В душе — утраты злая боль.
Последний стих его поэмы —
Давно ли он звучал, давно ль?

Давно ли молодым побегам
Пророчил пышный он расцвет,
И сыпался душистым снегом
Его мечты вишневый цвет?

Он возвещал зарю, не зная,
Что близко смерти торжество,
Что эта песнь, душе родная, —
Песнь лебединая его!

Но вот алеют неба своды,
С зарей несутся облака,
И грянет гром, и хлынут воды —
Гроза весенняя близка.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Музыка генерал-майора Трепова)

Спи, младенец, год за годом,
Баюшки-баю;
Четырем твоим свободам
Я отходную спою.
Я писать указы стану
Твердою рукой,
Дам покой тебе, смутьяну:
«Со святыми упокой!»

Если мало эскадронов,
Слабо хлещет плеть —
Для тебя я и патронов
Не хочу жалеть.
Приложу к тому все силы,
Чтоб создать покой:
Нет покойнее могилы,
«Со святыми упокой!»

Я из дядек буду старшим,
Вот тебе мой сказ,
И наклею над монаршим
Треповский указ.
Там — свобода арестантам,
Здесь — свободным крест;
Разъясню манифестантам
Царский манифест.

Скиталец

Хороните павших с миром,
 Говорите речь,
Ей в ответ, сливаясь с клиром,
 Прогремит картечь.
Брызнет кровь, по ленте красной
 Потечет рекой...
Спи, младенец мой прекрасный,
«Со святыми упокой!»

Я — порядка оборона,
 Всюду озарю
Светом факелов Нерона
 Конституции зарю.
Спи, дитя, под сводом склепов,
 Нас не беспокой;
Пропоеет свободе Трепов:
«Со святыми упокой!»

ЗАЕМ

(На мотив Бернса)

— Кто там стучится в поздний час? —

«Кто ж, как не я?» — сказал Коко.

— Не след бы вам тревожить нас. —

«А почему?» — сказал Коко.

— Ведь вы уж слышали отказ? —

«Что ж из того?» — сказал Коко.

— И все ж явились в третий раз? —

«Да хоть в шестой!» — сказал Коко.

— Тебе ведь только дай деньгу... —

«Ну что же, дай...» — сказал Коко.

— Да ты и так кругом в долгу! —

«Уж это так!» — сказал Коко.

— Пожалуй, дам, но подо что? —

«Под Думу дай!» — сказал Коко.

— А деньги вам нужны на что? —

«На то да се», — сказал Коко.

— Вот то-то! Нужен пулемет? —

«Да и тюрьма», — сказал Коко.

— А место кто в тюрьме займет? —

«Увидим там», — сказал Коко.

— Засадишь Думу вашу, чай? —

«Коль что не так», — сказал Коко.

— Ну, ладно, деньги получай. —

«Давно бы так!» — сказал Коко.

— Вот только мне беда с молвой!
«Что нам молва?» — сказал Коко.
— Оно, положим, не впервой. —
«И это так», — сказал Коко.
— Стрекошет пресса-егоза. —
«Пугни ее», — сказал Коко.
— Пожалуй, плюнут мне в глаза? —
«Утрись, как мы», — сказал Коко.

Т. Щепкина-Куперник

НА РОДИНЕ

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых Манчжурских полей
Калека-солдат истомленный
К семье возвращался своей.

Спешил он жену молодую
И милого сына обнять,
Увидеть любимого брата,
Утешить родимую мать.

Пришел он... В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его...

И стиснула сердце тревога:
Вернулся я, видно, не в срок...
«Скажите, не знаете ль, братья,
Где мать? .. где жена? .. где сынок? ..»

— Жена твоя... Сядь... Отдохни-ка...
Небось, твои раны болят... —
«Скажите скорее мне правду...
Всю правду!» — Мужайся, солдат...

Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу

Защиты искать... с челобитной
К царю, как к родному отцу...

Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она
И... насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена... —

«Но где же остался мой мальчик?
Сынок мой?..» — Мужайся, солдат...
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят... —

«Где мать?..» — Помолитесь к Казанской
Давно уж старушка пошла...
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила... —

«Не все еще взято судьбою!
Остался единственный брат,
Моряк, молодец и красавец...
Где брат мой?..» — Мужайся, солдат... —

«Неужто и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою?»
— О нет... Не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою...

Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит...
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит...

* * *

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза...
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

Д. Цензор

ИХ РАССТРЕЛЯЛИ

Их расстреляли.
Утро морозное было.
Солнце, не зная, беспечно всходило.
Тихо смеялись прозрачные дали.
Снег был такой серебристый и чистый.
Час был такой молодой и лучистый. . .

Их расстреляли. . .

Измятой, бессильной толпою
Сомкнулись они на снегу.
Пылают их очи мольбою,
Протянуты руки к врагу.

Зловеще безмолвны солдаты.
И слышат: пред смертью поют. . .
Но души смятением объаты,
Прикажут убить — и убьют.

И слышат и слышат: «О братья!
Мы гибнем за волю и свет!»
Но глухо сорвались проклятья,
И грянули залпы в ответ. . .

А солнце не знало. Солнце всходило.
Тихо смеялись лучистые дали.
Утро такое беспечное было. . .

Их расстреляли.

НА БРАТСКОЙ МОГИЛЕ

Спите, погибшие в гордом бою,
Вас не забудет отчизна.
Скоро в родном возрожденном краю
Будет великая тризна.

Вспыхнет на улицах пурпур знамен
В радостный праздник восхода.
Много заветных, любимых имен
Мы сохраним для народа.

Песни о вас наши внуки споют,
Стоя на братской могиле.
Спите, сраженные. Спите. Мы тут
Красный венок положили.

ИМ

Растет, растет прибой негодованья.
Народ узнал тирана и врага.
И ужасы, которым нет названья,
Затопят жизни берега.

О, горе тем, кто был на страже муки!
О, горе вам, владыки темных сил,
Кто праздные предательские руки
Народной кровью обагрил!

Народ молчит. Он грозно хмурит брови.
Он затаил великую грозу.
Но помнит он о каждой капле крови
И мстит за каждую слезу.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Прощался с деревней убогой,
Как пришел мой рекрутский черед.
Уходил чуждедальной дорогой
Послужить за царя и народ.

А в деревне средь бедного поля
Убивались родные мои.
Ой ты, доля, сиротская доля,
Вдалеке от родимой семьи!

Побывать бы мне снова на месте,
Где любил, где не ведал оков.
Истомилась душа по невесте,
Захотелось обнять стариков.

И сбылось мне увидеться с ними. . .
Загудел, затрещал барабан.
Выходили путями глухими,
Усмиряли голодных крестьян.

Глядь, в родную деревню пригнали.
Там крестьяне на сходе мирском
Зашумели, Христом заклинали,
И народным и божьим судом.

Как раздалась команда лихая —
Опустился невольно курок.

Повалился отец, утихая,
У моих подкосившихся ног. . .

И опять на далекой чужбине
Я в постылой казарме томлюсь. . .
Только понял я, понял отныне,
Как служу за царя и за Русь.

Закались, моя воля, как камень,
Жди команду, винтовку готовь.
Отомщу я своими руками
За народную кровь.

В. Богораз-Тан

ПЕСНЯ

Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам,
Усталым от долгих потерь,
Хочу я отважным и юным сердцам
Пропеть свою песню теперь!

Пусть мертвые мертвым приносят любовь
И плачут у старых могил!
Мы живы: кипит наша алая кровь
Огнем неистраченных сил.

Священную память погибших в бою
Без слез мы сумеем хранить;
Мы жаждем всю силу, всю душу свою
На тот же алтарь возложить!

Несись, моя песня, как радости клик,
На дальний безвестный предел!
Да здравствует юность, кипучий родник
Великих стремлений и дел!

Несись, моя песня! Взлети до небес,
Как сокол свободный от пут!
Да здравствует гений всемирных чудес,
Могучий и творческий труд!

Несись, моя песня, опять и опять!
Греми над землей, как труба!

Да здравствует жизни всеильная мать,
Владычица мира, борьба!

От края до края родимой страны
Друг другу несем мы привет...
Мы ласточки свежей, зеленой весны,
Идущей за нами вослед.

Пусть скована стужей немая земля
И каждый шумливый поток,
И умерли листья, и снег на поля
Серебряным саваном лег.

Уже прокатился громовый удар
С неведомых горних высот,
И дрогнула сила безжизненных чар,
Тяжелый колеблется гнет.

Да скроется сумрак, да здравствует свет!
Мы вестники новых времен!
Весна молодая идет нам вослед
Под сенью несчетных знамен.

ПРИЛИВ

(Посвящается Александре Михайловне Калмыковой)

Как глухо, как грозно, под пологом мглы,
Закрывшей далекий восход,
Ревут, и грохочут, и стонут валы
На лоне разгневанных вод! . .
Так сыплются брызги сквозь влажный туман,
Под ветра назойливый вой.
Загадочный, буйный, седой океан
Сердито трясет головой.

Здесь, в гавани, тихо, как в рамке пруда,
Как в скучном, унылом гробу.
Косматая буря снаружи сюда
Свою не доносит борьбу.
Здесь воды застыли в ограде немой,
Как чаша литого свинца,
И старые барки с прогнившей кормой
У ржавого дремлют кольца. . .

Корабль наш окончен. Он — чудо-краса,
На зависть безумных врагов.
Как белые чайки, его паруса
У сонных взвились берегов.
В него мы вложили свой труд и досуг
И знаний холодный расчет,
Мы до крови руки истерли об струг,
От вечных иссохли забот.
Зато мы достигли работы конца,
Недаром у нас торжество.

**Корабль наш прекрасный достоин венца,
Никто не обгонит его. . .**

Бока мы красиво срубили ему
Из белых нарядных берез,
Из бука связали крутую корму
И выгнули лебедем нос.
И сталью одели широкую грудь,
И пушки поставили в ряд,
И прежде чем флаг в вышине развернуть,
Мы в каждую вбили заряд.

И гений свободы стоит на носу.
Он факел вознес, как маяк.
Тот факел на море кладет полосу
Лучей, разгоняющих мрак.
И вешее имя на правом борту
Кудрявую выплело вязь.
То имя скрывает святую мечту,
Дарует нам братскую связь.
То имя смиряет усталость и боль
И дышит отрадой живой.
То имя — Надежда: наш смелый пароль,
Торжественный клич боевой. . .
Здесь, в гавани, мелко. С неровного дна
Торчит вереница камней,
И бурная тина повсюду полна
Останками тлеющих пней.
Как выйти отсюда на пенистый путь
Безбрежной равнины морской?
Как плен свой разрушить и смело стряхнуть
Тупой, ненавистный покой?
Закован цепями наш страстный порыв;
Напрасно ревет ураган. . .
Проснись же, могучий, стихийный прилив!
На помощь иди, океан! . .

Встань, прилив! Твой час урочный
Уж давно пробил.
Просветлел туман восточный. . .
Дольше ждать нет сил.

Этот гнет бессильной боли
Горше, чем позор,

Помоги же из неволи
Выйти на простор!

Закипи живой отвагой,
Радостью взиграй!
И пролейся шумной влагой
Через плотины край.

Затопи бесследно мели,
Камни с места срой,
Вольный путь к заветной цели
Кораблю открой! . .

Поскорей бы нам увидеть
Первую волну.
Мы устали ненавидеть
Тьму и тишину.

Жажда жизни и движенья
Нас зовет вперед. . .
Встань, прилив, создай течение!
Мы, не медля ни мгновенья,
Двинемся в поход!

ПЕСНЯ О ЦАРЕ

(Из Эдварда П. Мэда)

На свете есть царь, беспощадный тиран,
Не сказки старинной забытый кошмар,
Жестокий мучитель бесчисленных стран...
Тот царь называется: пар.

Рука его грозно протянута вдаль,
Рука у него лишь одна,
Но рабскую землю сжимает, как сталь,
И тысячи губит она.

Как бешеный Молох, чудовищный бог,
Он храм свой поставил на горах костей,
И пламенем вечным утробу зажег,
И в пламени губит детей.

С толпой кровожадных жрецов-палачей
Людьми он владеет как вождем.
Они претворяют кровавый ручей
В чеканного золота дождь.

Они попирают ногами народ
Во имя золотого тельца.
Их тешат голодные слезы сирот
И вздохи больного отца.

Предсмертные стоны вокруг алтаря
Им нежат, как музыка, слух.

В чертогах свирепого пара-царя
Там гаснет и тело и дух.

Там царствует ужас, там гибельный ад
В чертогах царя роковых,
Там тысячи мертвых положены в ряд,
Они поджидают живых. . .

Долой же слепую, бездушную власть!
Вы, полчища белых рабов,
Свяжите чудовища черную пасть
И силу железных зубов!

И слуг его наглых, утративших честь
И совесть продавших давно;
Пускай поразит их небесная месть
С тельцом золотым заодно.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ¹

Они сами стали копать себе могилу. Генерал подошел к ним, усмехнулся и сказал: «Копайте, копайте, копайте! Вы хотели, ребята, земли? Так вот вам земля, а волю найдете на небесах!..»

Мы сами копали могилу свою.
Готова глубокая яма;
Пред нею мы встали на самом краю,
Стреляйте же верно и прямо!

Пусть в сердце вонзится жестокий свинец,
Горячею кровью напьется,
И сердце не дрогнет, но примет конец, —
Оно лишь для родины бьется.

В ответ усмехнулся палач-генерал:
«Спасибо на вашей работе.
Земли вы хотели — я землю вам дал,
А волю на небе найдете!»

Не смейся, коварный, жестокий старик!
Нам выпала страшная доля;
Но выстрелам вашим ответит наш крик:
«Земля и народная воля!»

¹ Достоверно известно, что семерых казенных минеров комендант крепости Адлерберг заставил самих копать себе могилы перед смертью.

Мы начали рано, мы шли умирать,
Но скоро по нашему следу
Проложит дорогу товарищей рать, --
Они у вас вырвут победу!

Как мы, они будут в мундире рабов,
Но сердцем возлюбят свободу,
И мы им закажем из наших гробов:
«Служите родному народу!»

Старик кровожадный! Ты носишь в груди
Не сердце, а камень холодный;
Вы долго вели нас, слепые вожди,
Толпою немой и голодной.

Теперь вы безумный затеяли бой
В защиту уродливой власти;
Как хищные волки, свирепой гурьбой
Вы родину рвете на части.

А вы, что пред нами сомкнули штыки,
К убийству готовые братья!
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Но вам мы не бросим проклятья!

Стреляйте вернее, готовься, не трусь,
Кончается наша неволя;
Прощайте, ребята! Да здравствует Русь,
Земля и народная воля!

ЦАРСКИЕ ГОСТИ

Трупы блуждают в морской ширине,
Плещут волнами зелеными.
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками солеными.

Черною кровью запачкан мундир, ---
Это матросы кронштадтские.
Сердце им пули пробили солдатские,
В воду их бросить велел командир.

В сером тумане кайма берегов
Низкой грядкою рисуется.
Там над водою спокойно красуется
Царский дворец — Петергоф.

«Где же ты, царь? Покажись, выходи
К нам из-под крепкой охраны!
Видишь, какие кровавые раны
В каждой зияют груди.

Полно, не бойся. Ведь ты наш отец,
Мы — твои верные дети.
Хлеба просили — ты дал нам свинец,
Были нам лаской родительской. . . плети.

Пусть мы расстреляны, в воду мы брошены, ---
Будем присягу хранить до конца.

Снова на службу пришли мы непрошенны,
Стражу пришли мы сменить у дворца.

Поступью мерной взойдем на крыльцо,
В пышную спальню войдем мы дозором,
Будем глядеть тебе молча в лицо
Мертвым, невидящим взором.

Будем к постели твоей простирать
Мокрые, длинные, синие руки.
Будем рассказывать смертные муки...
Слушай прилежно, учись умирать!

Целую ночь не уйдем мы с поста.
Близко мы станем, лицо к изголовью...
Нашей застывшею черною кровью
Знак мы наложим тебе на уста.

Будем к тебе приходить каждый день,
Те же вести неотвязные речи.
Мы тебе саван накинem на плечи, —
Ты на порфиру наш саван одень».

Трупы плывут через Финский залив,
Серым туманом повитый.
Царь Николай, выходи на призыв
С мертвой беседовать свитой.

Скиталец

КУЗНЕЦ

Некрасива песнь моя —
Знаю я!
Не похож я на певца,
Я похож на кузнеца.
Я для кузницы рожден,
Я — силен!

Пышет горн в груди моей:
Не слова, а угли в ней!
Песню молотом кую,
Раздувает песнь мою
Грусть моя!
В искрах я!

Я хотел бы вас любить,
Но не в силах нежным быть —
Нет — я груб!
Ласки сумрачны мои,
Не идут слова любви
С жарких губ.

Кто-то в сердце шепчет мне:
«Слишком прям ты и суров —
Не скуешь ты нежных слов
На огне!
Лучше молот кузнеца
Подними в руке твоей
И в железные сердца
Бей!»

Я УПАЛ С ОБЛАКОВ...

Я упал с облаков в эту бездну мученья.
Мои крылья разбил грозной молнии луч,
И, прикован к скале в темноте заточенья,
Побежден я громами разгневанных туч.

Только песни поют надо мной ураганы,
Только вьюга шумит, холодна и дика,
Словно саваном душу одели туманы
Да терзает мне сердце злой ворон — тоска.

Но не жаль мне, что к солнцу я гордо стремился,
Что на крыльях орлиных недолго парил:
Пусть о твердые скалы я грудь разбился,
Только миг — но я жил!

НЕТ, Я НЕ С ВАМИ...

Нет, я не с вами; своим напрасно
И лицемерно меня зовете.
Я ненавижу глубоко, страстно
Всех вас: вы — жабы в гнилом болоте!

Я появился из пены моря,
Волной к вам брошен со дна пучины:
Там кровь и слезы, там тьма и горе,
Но слезы — перлы, а кровь — рубины!

На дно морское мне нет возврата,
Но в мире вашем я умираю,
И не найдете во мне вы брата:
Я между вами как враг блуждаю.

Вы все хотите, чтоб я был мирен,
Не отомщал бы за преступленья
И вместе с вами в тени кумирен
Молил у бога для вас прощенья.

Мой бог — не ваш бог; ваш бог прощает.
Он чужд и гневу и укоризне;
К такому богу вас обращает
Страх наказания за грех всей жизни.

А мой бог — мститель! Мой бог — могучий!
Мой бог — карает! И божьим домом

Не храмы служат — гроза и тучи,
И гóворит он лишь только громом!

Я чужд вам, трупы! Певца устами.
Мой бог предаст вас громам и карам,
Он грянет тяжкой грозой над вами,
И — оживит вас своим ударом!

УЗНИК

Ржавый ключ, как будто зверь,
Мой замок грызет сурово,
И окованную дверь
Затворили на засовы.

В круглой башне я сижу!
Сверху — тусклое оконце;
Из потемок я гляжу,
Как сияет в небе солнце.

Серебрятся облака,
В синем небе тихо тают,
И орел издали
Свой привет мне посылает.

Он «клекочет... В облаках
Смело, гордо реет птица...
Я же брошен здесь во прах,
В эту мрачную темницу.

Я один — в руках врагов!
Кто расскажет там, на воле,
Как за братьев и отцов
Честно пал я в чистом поле?

Как в плену окончил путь,
Как меня оковы точат,
Как жестоко ранен в грудь?
«Я скажу!» — орел «клекочет...»

Я И МЕЧ...

Я и меч и — вместе — пламя!
Я во тьме светил над вами.
Я зажег у вас в груди
Упованья и молитвы,
И когда настали битвы —
Я сражался впереди!

И вокруг меня застыли
Трупы бледные друзей.
Кровь лилася как ручей,
Но зато мы победили!

Победили мы — о да!
Но друзья мои убиты...
Мы несем их... И когда
Слышен хор зауспокойный —
С ним и звуки песни стройной
Перемешаны и слиты!..

Но нельзя нам отдаваться
Ни веселью, ни печали:
Снова трубы зазвучали!
Все живые будут драться
С ненавистными врагами!..

Я и меч и — вместе — пламя!

ТИХО СТАЛО КРУГОМ...

Струны порваны! Песня, умолкни теперь!
Все слова мы до битвы сказали.
Снова ожил дракон, издыхающий зверь,
И мечи вместо струн зазвучали.

Потонули в крови города на земле!
Задымились и горы и степи!
Ночь настала опять, притаилась во мгле
И кует еще новые цепи.

Тихо стало кругом: люди грудой костей
В темных ямах тихонько зарыты.
Люди в тюрьмах гниют в кольцах крепких цепей,
Люди в каменных склепах укрыты.

Тихо стало кругом: в этой жуткой ночи
Нет ни звука из жизни бывалой.
Там — внизу — побежденные точат мечи,
Наверху — победитель усталый.

Одряхлел и иссох обожравшийся зверь!
Там, внизу, что-то видит он снова;
Там дрожит и шатается старая дверь,
Богатырь разбивает оковы.

Задохнется дракон под железной рукой,
Из когтей он уронит свободу.
С громким, радостным криком могучий герой
Смрадный труп его бросит народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем сборнике даны избранные произведения поэтов, являвшихся участниками русского пролетарского революционного движения и в своем большинстве сотрудничавших в годы борьбы за победу Великой Октябрьской социалистической революции в большевистских и других демократических изданиях.

В приложение вынесены некоторые стихотворения ряда поэтов, не связанных организационно с пролетарским революционным движением и партийной прессой большевиков; это стихотворения, получившие благодаря своим революционным мотивам широкое распространение в среде русских рабочих и частью использованные нелегальной социал-демократической печатью (главным образом в годы подготовки к первой русской революции и во время самой революции 1905—1907 годов).

При составлении книги был учтен поэтический материал, собранный в изданном «Библиотекой поэта» трехтомнике «Пролетарские поэты» («Советский писатель», Л., том I, 1935, составитель А. Л. Дымшиц; том 2, 1936, составитель Г. Д. Владимирский; том 3, 1939, составитель В. М. Абрамкин); были также приняты во внимание тексты, содержащиеся в сборнике «Революционная поэзия 1890—1917 гг.», изданном в малой серии «Библиотеки поэта» (составитель В. И. Куриленков, «Советский писатель», Л., 1950).

Материал, включенный в книгу, сгруппирован в отделы по хронологическому признаку, соответственно этапам революционного движения в России с 1890-х годов по 1917 год. Внутри отделов, где также преобладает хронологический принцип, материал при этом разбит на две группы: произведений известных авторов и произведений анонимных, авторы которых остались неизвестными. Произведения известных авторов следуют друг за другом в хронологической последовательности (в той мере, в какой она могла быть установлена).

Как правило, тексты даются по позднейшим (вновь проверенным) авторским редакциям; тексты революционных песен публикуются на основании печатных авторских редакций, без отражения изменений, внесенных изустным бытованием.

Подстрочные примечания к текстам принадлежат их авторам или дореволюционным издателям и редакторам.

Сведения о датах написания и публикации произведений общаются в примечаниях составителя.

При составлении примечаний к произведениям Максима Горького, В. В. Маяковского и Демьяна Бедного учтены комментарии к Собранию сочинений Горького в тридцати томах, к Полному собранию сочинений Маяковского в двенадцати томах и Избранные произведения Демьяна Бедного (большая серия «Библиотеки поэта», Л., 1951).

Примечания содержат справки библиографического и историко-литературного характера, а также краткие биографические данные о большинстве поэтов, представленных в книге.

1 8 9 0—1 9 0 1

М. ГОРЬКИЙ

Девушка и Смерть. Написано, согласно сообщению Горького, в Тифлисе, в 1892 году. Вскоре после написания сказки Горький пытался поместить ее в газете «Волжский вестник», но редактор И. Рейнгардт «нашел ее нецензурной». Впервые напечатано в 1917 году. В 1918 году включено Горьким в его книгу «Ералаш и другие рассказы» (изд. «Парус»). 11 октября 1931 года И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов посетили Горького. Писатель прочитал товарищам Сталину и Ворошилову свою сказку, после чего Иосиф Виссарионович написал на 56-й странице 1 тома Сочинений Горького (ГИЗ, 1928), где находилось окончание сказки «Девушка и Смерть»: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (*любовь побеждает смерть*)». И. Сталин. 11. X-31 г.». К. Е. Ворошилов сделал тогда же следующую надпись на 57-й странице книги: «Я люблю М. Горького, как моего и моего класса писателя, который духовно определил наше поступательное движение». Сказка Максима Горького «Девушка и Смерть» печатается по I тому Собрания сочинений М. Горького в 30 томах, М., ГИХЛ, 1949, стр. 22—29.

Легенда о Марко. Первоначально входила в рассказ Горького «О маленькой фее и молодом чабане (Валашская сказка)», помещенный в «Самарской газете» (май, 1895). В воспоминаниях о В. Г. Короленко Горький указывает, что этот рассказ был написан им еще в Тифлисе, то есть в 1892 году, за три года до его опубликования. В начале 900-х годов Горький вернулся к стихотворению о Марко, извлек его из рассказа «О маленькой фее и молодом чабане», существенно переработал стилистически и приписал к нему заключительную строфу, отсутствовавшую в первой публикации. Как совершенно самостоятельное произведение, оно было положено на музыку композитором А. Спендиаровым и издано отдельно, с нотами («Рыбак и фея», 1903). В последующие годы это стихотворение многократно переиздавалось под заглавиями «Валашская фея», «Рыбак и фея», «Фея» и т. д. В 1906 году Горький включил его в свою книгу «Песня о Са-

коле. Песня о Буревестнике. Легенда о Марко» (изд. «Знание»). «Легенда о Марко» издавалась в многочисленных сборниках революционных стихотворений и песен. Стихотворение печатается по V тому Собрания сочинений М. Горького в 30 томах, М., ГИХЛ, 1950, стр. 360—361, где оно воспроизведено по авторской рукописи.

Песня о Соколе. Впервые напечатана в «Самарской газете», 1895, № 50, 5 марта под названием «В Черноморье», с подзаголовком «Песня», в серии «Теневые картинки». В 1898 году включена Горьким под названием «Песня о Соколе» в его книгу «Очерки и рассказы» (изд. Дороватовского и Чарушникова). Во втором издании «Очерков и рассказов» (1899) Горький дал новую редакцию «Песни о Соколе», значительно заострив ее политически, усилив революционные черты в образе Сокола. «Песня о Соколе» печатается по I тому Собрания сочинений М. Горького в 30 томах, М., ГИХЛ, 1949, стр. 481—486, где дана окончательная авторская редакция текста. В примечаниях к этому тому воспроизведена также первая редакция произведения (стр. 506—508) — песня «О соколе и уже», опубликованная в «Самарской газете».

Е. НЕЧАЕВ

Нечаев Егор Ефимович (1859—1925) — старейший рабочий-поэт. Свой трудовой путь рабочего стекольного завода Нечаев начал восьмилетним мальчиком. Как поэт-самоучка, он стал выступать в печати с 1831 года. Нечаев некоторое время находился под влиянием мотивов народнической лирики; позднее, с развитием революционного пролетарского движения, и в его поэзии выразились мотивы классового самосознания и протеста. В советские годы Е. Е. Нечаев выступал в печати также как прозаик.

Безработный. Написано в 1890 году. Печатается по одному тому собранию сочинений поэта «Гута», М.—Л., изд. ЗИФ, 1928, стр. 324—326.

Душно. Написано в 1891 году. Печатается по одному тому собранию сочинений поэта «Гута», стр. 338—339. *Гута* — стеклоплавильный завод.

Язычица. Написано в 1899 году. Печатается по одному тому собранию сочинений поэта «Гута», стр. 367—368.

А. БОГДАНОВ

Богданов Александр Алексеевич (1874—1939) — старейший поэт-революционер, коммунист, вступивший на путь революционной борьбы в 1893 году и более десяти лет находившийся на подпольной партийной работе. Царское правительство шесть раз арестовывало и заключало в тюрьму поэта-большевика. Литературная деятельность А. А. Богданова началась одновременно с его революционной борьбой и была с ней тесно связана. Богданов активно

сотрудничал в партийной печати, писал по заданию партийных организаций стихотворные листовки, печатаясь под многочисленными псевдонимами (чаще всего за подписью — Волжский) или без подписи. В советские годы поэт выпустил несколько сборников стихотворений, в которых объединил политическую лирику дореволюционных лет с новыми лирическими произведениями.

На заводе. Как сообщил автор, стихотворение было написано в середине 90-х годов и напечатано в 1906 году в большевистской газете «Самарская лука». Печатается по книге А. Богданова «Стихи», М., ГИХЛ, 1936, стр. 28—29.

Босяк. Написано в Пензе в 1897 году. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 36—38.

Л. РАДИН

Радин Леонид Петрович (ум. в 1901 году) — выдающийся революционер-марксист, ученый (химик, ученик Д. И. Менделеева) и литератор. Революционную деятельность начал в 80-х годах, выступая сначала как пропагандист-народник. В конце 80-х годов Радин уезжает за границу и серьезно изучает марксистскую научную литературу. Вернувшись в 90-х годах на родину, Радин становится активным революционером-марксистом, создает подпольную типографию и на сконструированном им самим mimeографе печатает пропагандистские брошюры. В 1896 году Радин был арестован и после полутора лет тюремного заключения выслан в Вятку, а затем в Яранск. В тюрьме у него развился туберкулез, который привел его к гибели. Находясь в тюрьме и ссылке, Радин не переставал работать, пропагандируя марксистские идеи в своих сочинениях. Еще в 1895 году ему удалось провести через цензуру научно-популярную книгу для народного читателя: «Простое слово о мудреной науке (Начатки химии)», подписанную псевдонимом «Яков Пасынков»; в этой книге Радин сделал ряд повествовательных отступлений, в которых излагал основы марксистского учения об обществе. В ссылке он написал обширную статью по вопросам эстетики — «Объективизм в искусстве и критике», которая появилась за подписью «А. Северов» в журнале «Научное обозрение», 1901, №№ 11, 12, после смерти ее автора. Эта статья была посвящена Радиным острой критике буржуазного декаданса и эстетических взглядов народников. Л. П. Радин активно боролся с враждебными марксизму «теориями» — выступал с критикой народнического субъективизма и бернштейнианского ревизионизма. Дошедшие до нас революционные песни Радина представляют лишь часть написанных им стихотворений. Л. П. Радин написал целый ряд стихотворных произведений, но они погибли вместе с их автором, уничтоженные царскими охранниками.

Смело, товарищи, в ногу. Написано Л. П. Радиным в 1897 году в одиночке московской тюрьмы на Таганке. Стихотворение пользовалось огромной известностью и любовью в революционных массах. Печаталось почти во всех нелегальных рево-

люционных песенниках и на страницах подпольных периодических изданий. Стихотворение Л. П. Радины было впервые опубликовано в 1900 году в № 3 зарубежного журнала «Красное знамя». Но еще до этого оно получило широкое песенное распространение. В 1902 году вместе с мелодией оно было опубликовано в изданном «Искрой» в Женеве сборнике «Песни революции». В легальной большевистской печати «Смело, товарищи, в ногу...» появилось впервые вместе со стихотворениями Радины — «Снова слышу родную «Лучину»...» и «Смелей, друзья, идем вперед...» в 1914 году. «Путь правды» (одно из переименований большевистской «Правды») в № 75 от 1 мая поместила эти стихотворения в сопровождении мемуарного очерка В. Д. Бонч-Бруевича (подписавшегося — «Старый товарищ») о Радиной. Царская цензура тотчас же отозвалась на эту публикацию, характеризуя ее как «возбуждение их (рабочих) к совершению бунтовщических деяний».

Снова я слышу родную «Лучину». Написано на пересыльном этапе в 1898 году по пути в вятскую ссылку, куда отправляли Л. П. Радины царские власти. Печаталось в зарубежных и подпольных периодических изданиях. В России напечатано в газете «Путь правды», 1914, № 75, 1 мая.

Смелей, друзья, идем вперед. Стихотворное послание, которое Л. П. Радины обратил к своим товарищам по вятской ссылке конца 90-х годов. Написано весной 1900 года, незадолго до смерти автора, как поэтическое завещание боевым соратникам по революционной борьбе. Печаталось в зарубежной и подпольной периодике; затем появилось в газете «Путь правды», 1914, № 75, 1 мая.

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Варшавянка. Вольный перевод польской патриотической песни, сложенной в 1883 году поэтом Вацлавом Свенцицким. Русский перевод был выполнен Г. М. Кржижановским, одним из соратников В. И. Ленина по С.-Петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса. Находясь в 1897 году в заключении (в Бутырской тюрьме), Г. М. Кржижановский сблизился с группой арестованных польских революционеров и получил от них текст «Варшавянки», который был им переложен на русский язык и обработан в соответствии с идейными задачами современной пролетарской борьбы. «Варшавянка» быстро сделалась одной из любимых песен революционных масс. Она печаталась в нелегальных изданиях революционной социал-демократии, выходила в виде листовок, исполнялась на митингах и демонстрациях.

Красное знамя. Вольный перевод песни польских революционных рабочих, написанной в 1881 году во Львове Болеславом Червинским. Русский перевод был осуществлен в 1897 году Г. М. Кржижановским во время его заключения в Бутырской тюрьме. Более поздний перевод принадлежит В. П. Акимову-Махновцу, опубликовавшему его в зарубежном журнале «Рабочее

дело» за 1901 год. «Красное знамя» быстро стало одной из любимых песен русского революционного пролетариата. Его исполняли на митингах и демонстрациях. Оно неоднократно перепечатывалось в подпольных и зарубежных изданиях революционной социал-демократии. Печатается по одной из ранних публикаций в гектографированном «Сборнике революционных песен и стихотворений» (изд. Нижегородского комитета РСДРП, 1903, март, стр. 2—3) с учетом уточнений, сделанных в сборнике В. Перовой [В. М. Величкиной] «Перед рассветом» (Женева, изд. «Искра», 1905).

Беснуйтесь, тираны. Вольный перевод песни польских революционных рабочих, сделанный Г. М. Кржижановским во время его заключения в Бутырской тюрьме в 1897 году (согласно другим данным, этот перевод был осуществлен Г. М. Кржижановским в 1898 году в сибирской ссылке). В основу перевода легла галицийская революционная песня, опубликованная во львовском студенческом журнале и получившая широкое распространение в среде польских пролетариев. Русский текст песни приобрел большую популярность в кругах революционных рабочих; он многократно перепечатывался в подпольных периодических изданиях, листовках и песенниках. Печатается по газете «Южный рабочий», орган Николаевского комитета РСДРП, 1900, № 1, январь, стр. 14.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Вперед! Напечатано без подписи в № 1 подпольной газеты «Вперед!» (киевская рабочая газета) за 1896 год. Печатается по машинописной копии, хранящейся в Институте Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС.

«Прогнали основы, и рушиться зданье». Стихотворение датировано 1896 годом. В неполном виде (без 5-го четверостишия) было помещено в «Саратовском рабочем» (гектографированное издание саратовской группы социал-демократов), 1899, № 2, стр. 24, в «Южном рабочем», 1901, № 7, декабрь, стр. 25, и других подпольных изданиях. Печатается по наиболее исправному тексту, опубликованному в журнале «Рассвет», Женева, 1904, № 8—9, август—сентябрь, стр. 199.

«Ты ведь не раз уж встречался с законом». Напечатано без подписи в «С.-Петербургском рабочем листке» (непериодическое издание Союза борьбы за освобождение рабочего класса), выходившем в Женеве, 1897, № 2, сентябрь, стр. 8.

«Марсельеза». За подписью «Веди-Слово» напечатано в «Ежегоднике» (журнал русского социал-демократического общества в Нью-Йорке), 1898, стр. 35—36. Стихотворение представляет одну из первых попыток переработки «Марсельезы» в духе идей пролетарской борьбы, путем создания нового текста на старый песенный напев. Припев («К оружию, народ!..») повторяет припев русского перевода «Марсельезы», осуществленного П. Л. Лавровым.

Праздник 1-го Мая. Напечатано в «Рабочей мысли», 1899, № 6, апрель; написано в связи с десятилетием постановления Международного социалистического конгресса в Париже о праздновании Первого мая. До появления «Интернационала» была самой популярной песней на маевках. Песня известна в многочисленных вариантах. С годами строка «Уж приходит год десятый...» заменялась строками «Уж прошел и год десятый» или «Уж приходит год двадцатый...», а песня не переставала быть одной из любимых песен русского пролетариата. Революционная борьба обогатила песню рядом новых поэтических мотивов. Так, например, в 1905 году в песне появилось такое четверостишие:

Встаньте, встаньте ратью смелой!
Силу дал нам бодрый труд:
Словно лен перегорелый,
Наши цепи упадут!
(Сборник «Песни революции»,
СПб., 1905, стр. 15).

Сказка о попе и черте. Напечатана в «Рабочей мысли», 1899, № 7, июнь, стр. 2. Часто перепечатывалась в революционных песенниках и периодических изданиях социал-демократической партии (напр., в сборнике «Песни борьбы», Женева, 1902, стр. 76—79, в журнале «Рассвет», 1904, № 2, и др.). «Сказка о попе и черте» представляет собой стихотворную обработку сатирической народной сказки, широко распространенной во второй половине прошлого века среди рабочих уральских (и других) заводов. И в прозаическом и в стихотворном виде эта сказка была чрезвычайно популярной в рабочей среде. Известно много вариантов стихотворной «Сказки о попе и черте», записанных от старых рабочих различных предприятий. Характерно, что в тех или иных местных условиях «Сказка о попе и черте» насыщалась мотивами, характеризующими и критикующими эти условия. Пелась «сказка» на мотив «Из-за острова на стрежень».

Кама р и н с к а я. Печатается по листовке, изданной С.-Петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса. Песня публиковалась в газетах, журналах и сборниках РСДРП (например, в сборнике «Песни борьбы», Женева, 1902, и др.). Отправляясь от мотивов и ритмики народной песни о камаринском мужике и от стихотворения Л. Трефолева «Песня о камаринском мужике», неизвестный автор «Камаринской» создал революционный памфлет, направленный против купцов-капиталистов, духовенства и царя. *Савва Морозов* — известный капиталист, владелец так называемых морозовских мануфактур. В 1905 году пролетарская «Камаринская» проникла в легальную печать; однако публиковалась она в урезанном виде, без приведения открытых мотивов революционного протеста. Так, например, она была помещена под названием «Фабричная камаринская» в сатирическом журнале «Скорпион» за 1906 год. Но и в этой публикации песня была дана без революционных призывов. Вместо Саввы Морозова здесь фигурировал Савва Миронов, резкие антипоповские мотивы были сняты, самая песня оказалась сокращенной до половины.

Развернувши знамена победные. Напечатано без подписи в киевской рабочей газете «Вперед», 1899—1900, № 8—9, ноябрь—март, стр. 2.

Кто под землей и на земле. Вольный перевод революционной песни польских рабочих, выполненный неизвестным автором. Польская песня вызвала живой интерес среди первых поэтов русского рабочего класса, которые создали несколько переложений и поэтических переработок этой песни, получивших широкую известность в среде русских рабочих. Песня «Кто под землей...» печатается по тексту, смещенному в киевской рабочей газете «Вперед», 1899—1900, № 8—9, ноябрь—март, стр. 46. В последовавших позднее переводах-переделках песни польских рабочих (ср.: «Песня пролетариев» А. Богданова, «Песня» («Кто шьет одежды наши...»), «Кто в рудниках тантся...») был значительно усилён мотив политической борьбы рабочего класса.

Памяти друга. Напечатано без подписи в киевской рабочей газете «Вперед», 1900, № 10, декабрь, стр. 14. Стихотворение предшествует в газете двум некрологам, посвященным борцам, павшим за дело социалистической революции: Ю. Д. Мельникову, рабочему-слесарю, члену Киевского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, скончавшемуся в ссылке, и И. Масловскому — юному революционеру, замученному тюремщиками.

Ночью в мастерской. За подписью «Автор — рабочий» печаталось в журналах и сборниках, издававшихся РСДРП. Наиболее исправный текст помещен в сборниках «Перед рассветом», сост. В. Перова [В. М. Величкина], Женева, изд. «Искра», 1905, стр. 74—76, и «Вперед», сост. Михаил Львович, изд. «Донская речь», 1906, стр. 68—70. Точную датировку стихотворения установить трудно, но содержание его позволяет предполагать, что оно возникло в 90-х годах прошлого века или в самом начале нашего столетия, до открытых революционных боев рабочего класса с его угнетателями.

Машиношка. Переработка (с использованием мелодии) известной народной песни «Дубинушка», ярко выразившей некоторые характерные черты крестьянского революционного движения, патристические чувства русского народа и особенности его национального характера: ясный ум, терпение, трудолюбие, смелость. «Машиношка» развивает тему классового антагонизма, запечатлевшуюся в «Дубинушке»; она отображает новый этап капиталистической эксплуатации, воспекает героическую классовую борьбу русских рабочих против самодержавия и капитализма. Мотивы крестьянско-бурлацкой песни «Дубинушка» были поэтически обработаны литераторами радикальной демократии 60-х и 70-х годов прошлого века — В. Богдановым (псевдоним — Влас Точечкин), Л. Трефолевым и А. Ольхиным, приобрели с их помощью широкую всенародную популярность и боевое революционное значение. Автор-

ство «Машинушки» остается неустановленным. Песня эта была широко распространена в рабочей среде, печаталась многократно на страницах журналов и газет РСДРП, выходила в виде листовок. В данном сборнике «Машинушка» печатается по одному из наиболее исправных и полных ее текстов, помещенному в «Социаль-демократе» (1905, № 4, янв.—февр.).

1 9 0 1—1 9 0 4

М. ГОРЬКИЙ

Песня о Буревестнике. Впервые напечатана в журнале «Жизнь», 1901, книга четвертая, апрель, стр. 322—323. Песня является заключительной частью прозаического произведения Горького — аллегорической фантазии «Весенние мелодии», которая была запрещена царской цензурой и печаталась до революции полностью только в подпольных (на гектографе) и зарубежных изданиях. «Песня о Буревестнике» — после напечатания ее в журнале «Жизнь» — приобрела необыкновенно широкое распространение, стала одним из самых сильных поэтических призывов к революционной борьбе. Это произведение перепечатывалось в революционной печати, размножалось на гектографе и на пишущей машинке, во время первой русской революции исполнялось на митингах и с эстрады. В широких общественных кругах Горького стали именовать буревестником и буреглашатаем, поэтом революционной бури. В. И. Ленин высоко ценил это произведение и использовал его образы в 1906 году в статье «Перед бурей» (Сочинения, том 11, стр. 117). «Песня о Буревестнике» печатается по V тому Собрания сочинений М. Горького в 20 томах, М., ГИХЛ, 1950, стр. 325—327; в томе V (стр. 483—486) содержится подробный комментарий к этому произведению.

Солнце всходит и заходит. Песня, включенная М. Горьким в его пьесу «На дне» и после первых представлений этой пьесы в Московском Художественном театре (в декабре 1902 года) получившая всенародную популярность. В 1907 году песня «Солнце всходит и заходит» была напечатана в большевистской газете «Чвени Цховреба» (№ 1, 19 февраля), которой руководил И. В. Сталин. Песня была сложена Горьким до написания пьесы «На дне» и положена на музыку его женой Е. П. Пешковой. Для спектакля в Московском Художественном театре она была аранжирована А. Гольденвейзером.

А. БОГДАНОВ

Песня пролетариев. Вольный перевод революционной песни польских рабочих (ср.: «Кто под землей и на земле...»). Первый вариант песни был написан А. А. Богдановым по поручению известной прогрессивной деятельницы А. М. Калмыковой (которая предоставила поэту подстрочный перевод с польского)

в 1900 году. Калмыкова переслала стихотворение Богданова за границу, где оно и появилось в сборнике РСДРП «Песни революции» (Женева, 1902, стр. 14—15) без заголовка и подписи. (История возникновения песни рассказана А. Богдановым в статье «Стихи и революция», напечатанной в «Литературной газете», 1934, № 55, 5 мая, стр. 4). В 1905 году А. Богданов, под псевдонимом «Прибой», поместил песню в «Пролетарской борьбе» (орган Саратовского комитета РСДРП, № 1, 15 июня, стр. 1), введя в нее ряд строк, откликавшихся на события русско-японской войны и начавшейся первой русской революции. «Песня пролетариев» печатается по книге А. Богданова «Стихи», М., ГИХЛ. 1936, стр. 78—79, в которой представлена окончательная авторская редакция этого произведения.

Студенческая марсельеза. Одно из многочисленных революционно-агитационных стихотворений, распевавшихся на мотив «Марсельезы». Стихотворение возникло в ответ на террористические действия властей, расправлявшихся с демократически настроенной молодежью арестами и отдачей в солдаты. «Студенческая марсельеза» распространялась в революционных кругах посредством списков, печаталась в виде листовок, выходила в зарубежных социал-демократических изданиях. Царские жандармы подозревали в ее авторстве М. Горького. На самом же деле она была в начале века написана А. Богдановым. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 61—63.

Перед заводами. Написано в начале века. Включено А. Богдановым в виде главки в поэму «Бездомные», законченную в 1908 году. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 144—145.

«Боже, царя храни». Революционная песня, написанная в виде пародии на официальный гимн царской России. Впервые помещена в тексте анонимного фельетона «Фельдфебель и тюремщик — отцы командиры народного образования» в журнале для рабочих «Свобода», Женева, 1901, № 1, стр. 74. Очень скоро этот пародийный, сатирический «гимн» получил широкое распространение в революционной среде. Его часто перепечатывали в изданиях РСДРП (например, в сборнике «Перед рассветом», Женева, изд. «Искра», 1905, стр. 15—16, и др.).

Опричники. Стихотворение написано в связи с разгоном царскими властями демонстрации 4 марта 1901 года у Казанского собора в Петербурге. Печаталось в журналах «Свобода», Женева, 1901, № 1, стр. 9, и «Рабочее дело», Женева, 1901, № 9, май, стр. 104. Вошло в сборник «Песни борьбы», Женева, 1902, стр. 118; помещалось и в других нелегальных изданиях начала века. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 64.

18 апреля (1 мая) 1901 года. Стихотворение написано в петербургской тюрьме «Кресты» и выражает переживания заключенного революционера, услышавшего весть о готовящейся перво-

майской демонстрации питерских рабочих. Как сообщает А. Богданов, стихотворение было передано на волю (спрятанное в папиресе) во время свдзания. Помещено без подписи в «Рабочей мысли», 1901, № 13, декабрь, стр. 15. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 66—67.

Первое мая (1903 г.). Написано после революционной демонстрации в Саратове 5 мая 1902 года, распространено в списках при подготовке к маевкам 1903 года. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 69—70.

Свободное слово. Написано в 1904 году и распространялось в списках. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 73—74.

А. К О Ц

Коц Аркадий Яковлевич (1872—1943) — один из старейших революционных поэтов. В середине 90-х годов работал в шахтах подмосковного и донецкого угольных бассейнов. С 1897 по 1902 год жил в Париже, где учился в горном институте и связался с кругами революционных эмигрантов. Вернувшись в 1903 году на родину, участвовал в деятельности революционных социал-демократических организаций, вел пропагандистскую работу в Мариуполе и Одессе. Литературную деятельность начал в 1902 году, создав русский перевод «Интернационала». В 1907 году поэт пытался выпустить отдельным изданием свои стихи, печатавшиеся до того главным образом в подпольных журналах и газетах; его книга «Песни пролетариев» была напечатана и сразу же конфискована цензурой. А. Я. Коц и в последующие годы не прекращал литературной работы, совмещая ее с деятельностью горного инженера. В советские годы — вплоть до эпохи Великой Отечественной войны — Коц публиковал лирические стихи на политические темы и занимался переводами произведений Эжена Потье и других французских поэтов.

Интернационал. Вольный перевод с французского, осуществленный А. Коцем и напечатанный без подписи в заграничном издании журнала «Жизнь» (Лондон, 1902, № 5, август, стр. 201). А. Коц перевел первую, вторую и шестую строфы знаменитого международного пролетарского гимна, написанного поэтом-коммунаром Эженом Потье и положенного на музыку Пьером Дегейтером, рабочим из Лилля (35 лет спустя А. Коц перевел остальные три строфы «Интернационала» и поместил их в журнале «Звезда», 1937, № 11; полный текст гимна в переводе А. Коца см. также в книгах: Эжен Потье. Избранные стихотворения. Гослитиздат, 1938; Эжен Потье. Избранное. Гослитиздат, 1950, и Эжен Потье. Интернационал. Гослитиздат, 1939; в последней из этих книг содержится обширный исторический комментарий, посвященный гимну). Три строфы «Интернационала» в русском переводе, после опубликования их «Жизнью», приобрели широчайшее распространение и стали гимном российского пролетариата,

гимном борцов за социалистическую революцию. В. И. Ленин неоднократно пользовался в своих сочинениях образами и целыми строками из русского текста «Интернационала». В 1907 году А. Коц включил перевод «Интернационала» в свою книгу: Д—н. «Песни пролетариев», которая была конфискована царской цензурой. В 1937 году он рассказал о своей работе над переводом «Интернационала» в статьях «Эжен Потье» («Звезда», № 10) и «Наш гимн» («Звезда», № 11). В настоящее время «Интернационал» является гимном Коммунистической партии Советского Союза. Русский текст «Интернационала» приводится по авторской публикации 1907 года.

Песнь пролетариев. Впервые без подписи и под заголовком «Пролетарская» напечатана в журнале «Жизнь», Лондон, 1902, № 5, август, стр. 199—200, и затем многократно перепечатывалась в журналах, газетах и листовках большевиков. Песня выражала стремление автора использовать мелодию «Марсельезы» для пропаганды в песенно-поэтической форме идей научного социализма, изложенных Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте». В письме к В. Д. Бонч-Бруевичу от 28 июня 1930 года А. Я. Коц отметил решающее значение идей и образов гениального произведения основоположников научного социализма для создания «Песни пролетариев». «Из всего прочитанного мною, — писал он, вспоминая о своей революционной работе начала века, — наиболее глубокий след оставил во мне Коммунистический манифест, который по вложенному в него пафосу, по силе бичующей сатиры, по сжатости, ясности и огненности его языка мне представлялся как величайшее художественное произведение, как подлинная поэма социализма, возвещающая наступление новой эры на смену дряхлеющего буржуазного мира. Отсюда, естественно, родилась идея создания новой песни, новой «Пролетарской марсельезы». взамен опустошенного в своем содержании гимна французской буржуазии. Русская «Марсельеза», на слова Лаврова («Отречемся от старого мира»), эсеровского характера, не удовлетворяла меня и, я думаю, многих...»

Я слышу звук его речей. Написано в ответ на непротивленческую проповедь Л. Н. Толстого. Напечатано под псевдонимом «Данин» в «Жизни», Лондон, 1902, № 5, август, стр. 21—22. В конце 1906 года А. Коц включил это стихотворение в свой сборник «Песни пролетариев» (который, за подписью «Д—н», был выпущен книгоиздателем «Наш голос», СПб., 1907, стр. 21—22), внося при этом некоторые исправления в текст, учтенные в настоящей книге. Будучи юным революционером, рабочим-шахтером, А. Я. Коц посетил в Ясной Поляне Л. Н. Толстого, в котором он ценил гениального художника, являясь решительным противником его непротивленческой пропаганды. Как сообщил А. Я. Коц, его стихотворение было отчасти навеяно встречей с Толстым, но вызвано в первую очередь сознанием необходимости противопоставить реакционной «толстовщине», отрицательно влиявшей на остальные слои народа, боевую революционную идеологию пролетариата.

Майская песнь. Напечатано в книге: Д—н [А. Я. Коц]. «Песни пролетариев». СПб., 1907, стр. 16.

Гимн свободе. Напечатано в книге: Д—н [А. Я. Коц]. «Песни пролетариев», стр. 31—32.

А. БЕЛОЗЕРОВ

Белозеров Александр Андреевич (род. в 1883 году) — активный участник революционного движения в Нижнем-Новгороде. Литературную деятельность начал в первые годы нашего века. Был многолетне связан с Максимом Горьким, сотрудничал в большевистских изданиях, легальных («Правда» и др.) и подпольных. В советские годы продолжает литературную деятельность, выступая в печати со стихами и статьями-очерками исторического и этнографического содержания. А. А. Белозеровым написаны также интересные воспоминания о деятельности большевистских организаций в Нижнем-Новгороде и о встречах с Горьким.

Из песен труда. Печатается по книге Александра Белозерова «Песни борьбы и свободы» (книга первая, 1902—1906), Нижний-Новгород, 1906, стр. 4—5. Книга Белозерова составлена по хронологическому принципу, и место данного стихотворения в этом сборнике позволяет предположительно отнести его к 1902 или 1903 году.

Е. ТАРАСОВ

Тарасов Евгений Михайлович (1882—1943), будучи студентом, вел пропагандистскую работу среди петербургских рабочих в начале 900-х годов. Вскоре он был арестован и выслан из Петербурга. Вторично арестован и выслан на 8 лет в Печору в 1903 году. Вернувшись по амнистии в 1905 году, Тарасов принял участие в московском вооруженном восстании. Во время баррикадных боев на Пресне он был дружинником, и его впечатления и переживания этого времени отразились в его лучших стихотворениях, составивших ему репутацию «поэта декабрьских боев». Как поэт Тарасов выступал в печати главным образом в годы 1905—1909. Впоследствии он отошел от литературной деятельности; вышедшая после революции его книга «Стихотворения» (1919) не содержала новых произведений, а представляла собой собрание лучших дореволюционных стихотворений поэта. В советские годы Е. М. Тарасов занимался исследовательской работой в области экономических наук.

На левом берегу. Написано в 1903 году. Помешено в книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», кн-во «Новый мир», 1906, стр. 5—6, раздел «Из-под замка». По своей поэтической форме стихотворение представляет вариацию «Песни рубильщиков» П. Я. [кубовича-Мельшина], строки из которой взяты Е. Тарасовым в качестве эпиграфа.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

На заре нового века. Помещено без подписи в «Рабочем листке», Пб., изд. С.-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, 1901, № 6, январь, стр. 2.

Солдатская песнь. Возникла в качестве отклика на разгон и избивание казаками и полицией студенческой демонстрации у Казанского собора (в Петербурге) 4 марта 1901 года. В литературном отношении песня тесно связана с традицией, представленной такими произведениями, как известная сева­стопольская песня Л. Толстого и революционно-народнические песенные стихотворения — «Тайное собрание» (авторы Н. Морозов и Д. Кле­менц) и «Песня о Громе­ве-генерале». *Клейгельс* Н. — петербургский градоначальник, организатор расправы с демонстрантами. Князь *Вяземский* — член Государственного совета, присутствовавший при расправе и тщетно пытавшийся «усоветить» погромщиков, которые были предварительно подпоены по приказу *Клейгельса*. «Солдатская песня» пользовалась широкой популярностью в среде революционных рабочих. Печатается по газете «Южный рабочий», 1902, № 8, февраль, стр. 13.

Майский праздник. Напечатано в виде листовки С.-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса в апреле 1901 года.

В погоне за миллионами. Помещено без подписи в иллюстрированном приложении к № 8 «Искры» (10 сентября 1901 года) в виде подписей к карикатурам, изображающим поездку Николая II во Францию и разоблачающим контрреволюционный смысл так называемого «франко-русского сближения». *Витте* С. Ю. — с 1892 по 1903 годы царский министр финансов. *Вальдек-Руссо* Пьер-Мари — с 1899 до 1902 года глава французского правительства. *Делькассе* Теофиль — министр иностранных дел в кабинете Вальдека-Руссо, ярый сторонник реакционного «франко-русского альянса». *Мильеран* Александр — известный ревизионист и реформист, министр «социалист» в кабинете Вальдека-Руссо.

Тяжко мне. За подписью «Донской рабочий» напечатано в органе РСДРП «Южный рабочий», 1901, № 7, декабрь, стр. 4—5.

Кто в рудниках таится. Стихотворение представляет один из вольных переводов польской рабочей революционной песни (ср. со стихотворением «Кто под землей и на земле...» и примечанием к нему). Напечатано в рабочей газете «Наше дело», Николаев, 1902, № 4, стр. 1.

Песня. Стихотворение представляет одно из переложений польской революционной рабочей песни, наиболее ранний перевод которой дан выше (см. стихотворение «Кто под землей и на земле...»). Напечатано в выпущенном на гектографе «Ремесленном листке», Саратов, изд. ремесленного с.-д. союза, 1902, № 1, апрель, стр. 10—11.

На улицу! Листовка, изданная Одесским комитетом РСДРП в феврале 1902 года.

Первое мая. Написано, повидимому, в первые годы нашего столетия. Печатается по сборнику РСДРП «Перед рассветом», составила В. Перова [В. М. Величкина], Женева, изд. «Искра», 1905, стр. 100—101.

Майская песня. Напечатано без подписи в «Ремесленном листке», стр. 70—71.

Майская песня рабочих. Напечатано в зарубежном социал-демократическом издании «Первое мая 1902», изд. с.-д. организации «Жизнь», Лондон, 1902, стр. 2.

Прочь с дороги. Подписано псевдонимом «Днепровский». Печатается по «Летучему листку» РСДРП, Екатеринославль, 1902, № 7, сентябрь, стр. 1. Стихотворение неоднократно перепечатывалось в изданиях и листовках РСДРП (например, в сборнике «Перед рассветом», 1905, стр. 90—91, и в листовке «Молодая Русь», СПб., РСДРП, 1904, изд. типографии «Вольный станок»).

Дума рабочего. За подписью «Рабочий» напечатано в рабочей газете «Наше дело», Николаев, 1903, № 6, 1 января, стр. 1.

Призыв. Напечатано без подписи в «Социальдемократе», 1904, № 3, декабрь.

1 9 0 5—1 9 0 7

Е. ТАРАСОВ

...Возникла в глухую январскую ночь. Поэтический отклик на события 9 января 1905 года. Стихотворение было названо царским цензором в числе «аргументов» для наложения ареста на сборник стихотворений Тарасова. Печатается по книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», кн-во «Новый мир», 1906, стр. 78—79, раздел «Город».

Руки прочь! Написано вскоре после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года, в ответ на предательство либеральной буржуазии, пошедшей на союз с самодержавием и совместные действия против народа. Вместе со стихотворениями Е. Тарасова «Привет товарищам», «Смолкли залпы запоздалые...» (под названием «Вечерние гимны»), «Око за око», «Братья» — под общим заглавием «Декабрь» — было напечатано в большевистском сборнике «Текущий момент» (1906), конфискованном царской цензурой. Печатается по книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», стр. 80—81.

Пройди стороной. Печатается по книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», стр. 84—85.

Дерзости слава. Впервые напечатано в московской большевистской газете «Борьба» в день начала вооруженного восстания на Пресне («Борьба», 1905, № 9); перепечатано в революционной студенческой газете «Молодая Россия», 1906, № 1, 4 января. Печатается по книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», стр. 82 .

Смолкли залпы запоздалые. Написано в связи с разгромом декабрьского вооруженного восстания московских рабочих в 1905 году. Печатается по книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», стр. 88—89. Стихотворение было названо царским цензором в числе «имеющих возбуждающий характер» и призывающих «к мятежническим и бунтовщицеским деяниям» произведений Е. Тарасова, из-за которых петербургская судебная палата в 1907 году наложила арест на его книгу.

Братьям. Написано под новый, 1906 год и отражает впечатления от разгрома декабрьских баррикад в Москве. Являясь поэтическим реквиемом, посвященным павшим борцам за дело народа, стихотворение вместе с тем отражает веру в новый подъем революционной борьбы. Печатается по книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», стр. 93.

Ты говоришь, что мы устали. Этим стихотворением, носящим программно-поэтический характер, автор заключил свою первую книгу стихотворений. Печатается по книге Евг. Тарасова «Стихи 1903—1905», стр. 94—95.

Песня о свинце. Опубликовано в профсоюзном журнале московских рабочих печатного дела «Печатник», 1906, № 4, 21 мая, стр. 7; включено в книгу Евг. Тарасова «Земные дали», раздел «Изломы молний», СПб., изд. «Шиповник», 1908, стр. 58.

На Волге. Печатается по книге Евг. Тарасова «Земные дали», стр. 59. Впервые опубликовано Горьким в сборнике товарищества «Знание» за 1906 год, книга 12, стр. 296—297.

Меж хлебов. Опубликовано в журнале «Образование», 1906, № 7, стр. 37; включено в книгу Евг. Тарасова «Земные дали», раздел «Равнины», стр. 9, по тексту которой печатается в настоящем сборнике.

Старый дом. Опубликовано в журнале «Образование», 1906, № 9, стр. 14; включено в книгу Евг. Тарасова «Земные дали», раздел «Равнины», стр. 14—15.

Быть урожаю. Печатается по книге Евг. Тарасова «Земные дали», раздел «Равнины», стр. 20—21.

Забить не могу. Напечатано в журнале «Образование», 1906, № 11, стр. 48; включено в книгу Евг. Тарасова «Земные дали», раздел «Равнины», стр. 16.

Будем смеяться. Печатается по книге Евг. Тарасова «Земные дали», раздел «Стертые линии», стр. 86—87.

А. КОЦ

9 января. Написано под непосредственным впечатлением событий 9 января 1905 года. В печати в дореволюционные годы не появлялось, но распространялось в 1905—1906 годах в рукописных копиях и читалось на революционных сходках. Впервые опубликовано в книге «Пролетарские поэты», том I, «Советский писатель», 1935, стр. 125—126, по автографу, предоставленному автором. Положено на музыку Д. Шостаковичем.

Клятва. Написано в начале 1905 года, было выпущено в свет в виде листовки, изданной комитетом РСДРП г. Николаева (дата — июль 1905 года). Печатается по книге А. Коца «Песни пролетариев» (подписанной псевдонимом «Д—н»), СПб., кн-во «Наш голос», 1907, стр. 5—7.

А. БЕЛОЗЕРОВ

Первое мая. Напечатано в цикле стихотворений А. Белозерова (относящихся к 1905 году) в сборнике «Под знамя „Правды“» (Первый сборник общества пролетарских искусств), П., изд. «Прибой», 1917, стр. 89—90, по тексту которого печатается в настоящей книге. В 1912 году сокращенный вариант этого стихотворения был напечатан в «Правде» (№ 8 от 1-го мая). За напечатание этого стихотворения был наложен арест на № 8 «Правды». Стихотворение А. Белозерова «Первое мая» перекликается с «Майской песнью» А. Коца (см.); оба эти стихотворения используют мотивы известной «Союзной песни» немецкого революционного поэта Георга Гервега.

Вопли матерей. Написано во время русско-японской войны как протестующий отклик на военные события. Включено в книгу А. Белозерова «Песни борьбы и свободы» (книжка первая, 1902—1906), Нижний-Новгород, 1906, стр. 23, по тексту которой печатается нами.

Перед боем. Напечатано в цикле стихотворений А. Белозерова (относящихся к 1905 году) в сборнике «Под знамя „Правды“», стр. 91.

На баррикадах. Написано в 1905 году. Однако автор не мог включить это произведение в свои подцензурные сборники «Песни борьбы и свободы» (1905) и «Стихотворения» (1910). Опубликовано в сборнике «Под знамя „Правды“», стр. 92—93.

Узник. Напечатано в книге А. Белозерова «Стихотворения» (лирические, 1905—1910, книжка вторая), Нижний-Новгород, 1910, стр. 31. Перепечатан стихотворение в сборнике «Под знамя „Правды“», (стр. 85), автор указал, что оно написано «в тюрьме в 1905 г.»

А. МИКУЛЬЧИК

Песня кузнеца. Печатается по книге А. Микульчика «Стихотворения рабочего», СПб., тип. Н. Н. Фридберга, 1906.

«Не верь врагам». Печатается по книге А. Микульчика «Стихотворения рабочего», раздел «Из тюремных песен» (как явствует из пометок под рядом стихотворений этого раздела, автор был за участие в революционном движении заключен в минскую тюрьму в начале 1906 года).

«Хоть вяжи не вяжи». Печатается по книге А. Микульчика «Стихотворения рабочего».

А. БОГДАНОВ

В подполье. Датировано: 1904—1906 гг. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», М., ГИХЛ, 1936, стр. 80—81. Жуковский А. А., которому посвящено стихотворение, — старый большевик (скончался в 1922 году), активно работавший в дореволюционные годы по поручению партии в подпольных типографиях Поволжья.

После боя. Написано в конце 1906 года в связи с годовщиной декабрьского вооруженного восстания в Москве. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 91—92.

П. ЭДИЕТ

На десятой версте от столицы. Стихотворение П. К. Эдиета — участника революционных молодежных кружков 1905 года — было напечатано в «Новой жизни», 1905, № 21, 25 ноября. Посвящено памяти жертв 9 января, трупы которых в ночь на 13 января были вывезены из больниц за город. Часть трупов была отвезена на Преображенское кладбище (расположенное на 10-й версте от города), где в общую могилу было свалено 88 убитых. «На десятой версте от столицы...» получило широкую известность в революционных кругах. Это стихотворение перепечатывалось большевистскими изданиями, пелось на демонстрациях.

Безумству храбрых поем мы славу. Напечатано в книге «Песни революции» (Сборник революционных песен и стихотворений), Киев. кн-во «Народное дело», 1906, стр. 48. Составители — П. Эдиет и Б. Семичев.

И. ПРИВАЛОВ

Привалов Иван Ефимович (род. в 1872 году) — сын крестьянина-бедняка, с 11-летнего возраста рабочий-текстильщик. С 1897 года активно участвовал в революционном движении. Арестовывался и высылался в 1905 году и с 1907 по 1913 годы. С 1913 по 1917 годы был вынужден работать фрезеровщиком, так как полиция препятствовала его возвращению в среду ткачей. После революции работал ткачом на одном из ленинградских предприятий. И. Е. Привалов был в дореволюционные годы сотрудником профсоюзной печати, помещал стихи в журналах профсоюза текстильщиков (1905—1907) и в «Металлисте» (после 1913 года). В 1907 году петроградский союз текстильщиков издал книгу стихов И. Е. Привалова «Песни прядильщика», которая была распространена лишь частью тиража, так как большая часть экземпляров была захвачена и уничтожена по распоряжению цензуры.

Не талантом меня наделила судьба. Стихотворение, открывающее книгу И. Привалова «Песни прядильщика», СПб., тип. Отто Унфуг, 1907.

По поводу положения о Думе. По сообщению автора, стихотворение было написано им как непосредственный отклик на манифест об учреждении совещательной Государственной думы, обнародованный 6 августа 1905 года. И. Е. Привалов находился в то время в качестве административно высланного из Петербурга в Тверской губернии, где пробыл с конца января по ноябрь 1905 года. Здесь он и написал стихотворение, направленное против реакционной булыгинской думы. Печатается по книге И. Привалова «Песни прядильщика», стр. 32.

Друзья! Довольно слез и стона. В сокращенном виде и без подписи опубликовано в «Известиях Совета Рабочих Депутатов», СПб., 1905, № 5, 3 ноября. Затем включено автором в его книгу «Песни прядильщика», стр. 28, по тексту которой воспроизводится в настоящем сборнике. Царский цензор, требуя уничтожения книги стихов Привалова, назвал это стихотворение в числе произведений автора, наиболее «энергически высказывающих... уверенность в победе рабочего класса...»

Прядильщики. Напечатано в профсоюзном журнале «Ткач», 1906, № 7, 29 сентября, стр. 1. Включено в книгу И. Привалова «Песни прядильщика», стр. 9—10. Написано по мотивам знаменитого стихотворения Генриха Гейне «Ткачи», которое получило высокую оценку Маркса и Энгельса и широко пропагандировалось в русском переводе большевистской печатью. В первоначальном тексте отсутствовали строфы 3-я и 4-я, вместо которых имелась следующая, позднее опущенная автором строфа:

Проклятье расшитым парчою мундирам,
Безбожным, безжалостным к нам командирам.

Что наших отцов и братьев расстреляли,
И тем, что приказы стрелять отдавали,
И жгли наши груди и сердце огнем.
Прядем мы день целый, прядем.

Царский цензор, потребовавший изъятия и уничтожения книги Привалова, отнес это стихотворение к числу тех, которые не только «в самых мрачных красках изображают жизнь рабочего класса», но «сверх того воспевают борьбу рабочих с современным социально-политическим порядком, проникнуты непримиримой ненавистью к этому порядку и имеют явно бунтовщический характер». Как сообщил автор, его стихотворение получило во время первой русской революции довольно широкую лесенную популярность в рабочей среде.

Безработный. Напечатано в профсоюзном журнале «Ткач», 1906, № 8, 14 октября, стр. 2—3; включено в книгу И. Привалова «Песни прядильщика», стр. 20—21, по тексту которой воспроизводится в настоящем сборнике. В первопечатном тексте имеется ряд строк (главным образом во второй части стихотворения), впоследствии переработанных автором.

Кузнецу. Напечатано в профсоюзном журнале «Вестник работниц и рабочих волокнистых производств», 1907, № 1, 7 февраля, стр. 4. Включено в книгу И. Привалова «Песни прядильщика», стр. 19. Как сообщил автор, товарищем, которому он посвятил свое стихотворение, был питерский рабочий-литейщик А. Пискарев.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

К юбилею 9 января. Напечатано в «Пролетарии», Женева, 1905, № 13, 9(22) августа.

Два либерала. Сатирическая «баллада» А. В. Луначарского была напечатана в «Пролетарии», Женева, 1905, № 16, 14 сентября. В номере большевистской газеты это стихотворение было помещено рядом со статьями В. И. Ленина, В. В. Воровского, А. В. Луначарского и др., разоблачавшими изменническую, контрреволюционную природу буржуазного либерализма. Первые строки стихотворения пародируют начало известного стихотворения Генриха Гейне — «Два гренадера». Стреле П. Б. — в то время стоял во главе журнала либералов «Освобождение», выходившего в Париже. Петрункевич И. И. и Трубецкой С. Н. — активные деятели либерально-реформистского движения, трусливо заискивавшие перед царским правительством. Участники депутации к Николаю II от 19(6) июня 1905 года. «Недаром лакей из дворцовой людской Поднес мне вот эти перчатки...» — намек на постыдный факт, случившийся с Петрункевичем во время приема у Николая II, когда лейб-гвардии полковник Путятин отдал ему свои перчатки, дабы тот выглядел соответствующим придворному этикету. «Искра» — к этому времени перешла к меньшевикам и стала органом социал-лакеев буржуазии.

Стихотворение А. В. Луначарского обратило на себя внимание В. И. Ленина, который перефразировал одну из его строк для характеристики взаимоотношений либеральной буржуазии с правительством: *«Буржуазия обещала на скидочку скидкой ответить»* (Сочинения, т. 9, стр. 230).

Е. НЕЧАЕВ

Мой храм. Написано в 1905 году. Печатается по книге Е. Нечаева «Гута», стр. 377.

Гутарям. Написано в 1905 году. Печатается по книге Е. Нечаева «Гута», стр. 377—378.

С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

Басов-Верхоянцев — псевдоним Басова Сергея Александровича (1869—1952). Выйдя из дворянской семьи, С. А. Басов порвал со своим социальным окружением и с 1887 года включился в революционную борьбу против самодержавия. В течение ряда лет он работал народным учителем, чернорабочим, кузнецом. С 1896 года началась его литературная деятельность. Годы 1893—1904 Басов-Верхоянцев провел в тюрьмах и ссылке. Участвуя в революционной борьбе, поэт проделал путь от народничества к марксизму, который привел его в начале революции в ряды Коммунистической партии. Как поэт Басов-Верхоянцев активно разрабатывал традиции народного сатирического лубка. В этом жанре его лучшим произведением являлся «Конек-Скакунок», неоднократно переиздававшийся в дореволюционные годы подпольно в России и за границей.

Из поэмы «Конек-Скакунок». Печатается по книге С. А. Басова-Верхоянцева «Конек-Скакунок», М., «Советский писатель», 1935, стр. 45—70. Поэма впервые опубликована в 1906 году и приобрела широкую известность среди революционных рабочих и крестьян. С. Басов-Верхоянцев в сатирико-аллегорической форме, в жанре памфлетной сказки откликнулся на события революционного 1905 года, звал народ к продолжению борьбы против самодержавия. В предисловии к изданию 1935 года автор писал: «Разумеется, нельзя искать в этом произведении доподлинного отражения исторических событий (9-е января и проч.), завершившихся Октябрьской революцией. «Конек-Скакунок» — сказка, памфлет, родившийся за 11 лет до Октября. Его назначением было: революционно воздействовать на крестьянские массы, поднять их на новое восстание, на поддержку борьбы пролетариата против дворянско-буржуазного строя». В первом издании «Конек-Скакунок» содержал элементы народных влияний; автор не был еще в то время революционером-марксистом. После Великой Октябрьской социалистической революции Басов-Верхоянцев не раз дополнял и дорабатывал свою сатирическую поэму. Для издания 1935 года поэт вновь «пересмотрел текст и внес в него необходимые изменения и дополнения, выправившие идеологический

стержень поэмы» (из предисловия С. А. Басова-Верхожанцева к данному изданию). В своей сатирической поэме С. А. Басов-Верхожанцев широко использовал традиции народной сказки и известной стихотворной сказки П. Ершова «Конек-Горбунок». В образах «царя Берендея» и «воеводы Сыся» поэт вывел царя Николая II и министра С. Ю. Витте.

М. САВИН

Савин Михаил Ксенофонтович (1876—1947) — поэт, связанный с суриковским литературно-музыкальным кружком и до революции 1905 года стоявший в стороне от революционной борьбы. В 1906 году выступил с рядом революционных стихотворений, редактировал профсоюзный журнал «Булочник», который был запрещен властями. В 1907 году выпустил сборник стихов «Новые песни».

Хозяева и рабочие. Стихотворение М. Савина было под псевдонимом «Дедушка с Протвы» первоначально помещено в виде сатирических куплетов в журнале «Булочник» (Профессионально-экономический и литературно-поэтический журнал). Москва, 1906, № 2, 26 февраля, стр. 27. В первой публикации имело название — «Тонкое чутье рабочих». Затем в окончательной редакции напечатано в журнале «Листок булочников и кондитеров» (орган, посвященный защите интересов рабочих булочно-кондитерского производства). СПб., 1906, № 4—5, 8 июня, стр. 5.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Девятое января. Стихотворение написано в качестве непосредственного отклика на события «кровавого воскресенья» и помещено в «Социальдемократе», 1905, № 4, январь-февраль.

Страшитесь, палачи! За подписью «Вельде» напечатано в «Социальдемократе», 1905, № 6, апрель-май.

Смерть революционера. За подписью «В. Ш.» напечатано в «Социальдемократе», 1905, № 9, 7 июля. Написано неизвестным автором в Женеве 30 июня 1905 года (как явствует из пометы под стихотворением).

К солдату. Широко распространенная во время первой русской революции в среде рабочих и солдат агитационная большевистская песня. Наиболее ранний текст песни опубликован в «Социальдемократе», 1905, № 11, 4 августа за подписью «Симферополец-эмигрант». Позднее песня многократно перепечатывалась, иногда без подписи, иногда за измененной подписью «Солдат-рабочий» (например, в либавском «Солдате», 1906, № 3, апрель). Она получила всероссийскую известность. В. В. Маяковский вспоминал в автобиографии «Я сам», что, будучи подростком, познакомился с этой песней через листовку, привезенную сестрой из Москвы на Кавказ. В различных вариантах песня была записана фольклористами от старых рабочих-революционеров.

Песня солдат. Стихотворение, посвященное памяти участников героических восстаний в Свеаборге и Кронштадте. За подписью «Артиллерист» было издано в виде листовки в Финляндии военной организацией большевиков. В большевистской «Казарме», 1906, № 6, 12 августа было напечатано в черной рамке в знак траура по солдатам и матросам, восставшим в Кронштадте и Свеаборге и павшим в борьбе с самодержавием.

Последний царь. Стихотворение В. Ш., обличающее политику Николая II и предсказывающее скорую гибель кровавого царя, было напечатано в «Социальдемократе», 1905, № 12, 18 августа.

Крестьянская песня. Песня пользовалась широким распространением во время первой революции и в последующие годы, когда в деревнях продолжались революционные восстания, свирепо подавлявшиеся властями. Печатается по листовке, выпущенной в 1905 году краматорской организацией константиногорловской группы Донецкого союза РСДРП. Известны варианты этой песни, в которых (например, в сборнике «Песни революции», СПб., 1905, стр. 6—7) за каждой строфой следовал призывный припев, позаимствованный (в незначительно измененном виде) из «Марсельезы» в переводе П. Л. Лаврова:

Вставай, подымайся, весь русский народ
Вставай на борьбу, брат голодный,
Раздайся крик мести народной:
Вперед, вперед, вперед!

Девятнадцатое февраля 1861 года — дата «освобождения» крестьян царем, представлявшего злейший обман народа.

На смерть Баумана. Стихотворная листовка МК РСДРП, посвященная похоронам выдающегося революционера-большевика Н. Э. Баумана, памяти которого В. И. Ленин посвятил в № 24 «Пролетария» за 1905 год специальную статью — «Николай Эрнстович Бауман» (см.: В. И. Ленин. Сочинения. т. 9, стр. 405—406). Н. Э. Бауман был убит в Москве черносотенцем Поквешенне на Баумана, его убийство было одним из наглых террористических актов, предпринятых правительством (после манифеста 17 октября) против рабочего класса. Похороны Н. Э. Баумана вылились в революционную демонстрацию, во время которой его вдова обратилась к рабочим с призывом к вооруженному восстанию.

На бат. Стихотворение опубликовано в «Известиях Совета Рабочих Депутатов» СПб., 1905, № 7, 7 ноября. Эпиграф взят из стихотворения П. Якубовича-Мельшина «Юность» (1890).

Ни шагу назад. За подписью «Н. У—ский» напечатано в издании военной организации при Рижском комитете партии «Голос солдата», 1905, № 2, 23 декабря, стр. 2.

Песня. Печаталась в ряде изданий большевистских военных организаций 1905—1907 годов. Известны следующие издания, поместившие эту большевистскую агитационную песню: «Голос солдата» (Рига, 1905, № 2, 23 декабря, стр. 4), «Солдат» (Либава, 1906, № 5, 8 марта), «Голос казармы» (Тифлис, 1907, № 5, 28 февраля, стр. 1). Автор «Песни» переработал в соответствии с задачами большевистской агитации среди солдат старую песню, вышедшую в 1862 году из среды демократически настроенной части офицерства и получившую широкое распространение в солдатской массе (ср.: сборник «Солдатские песни», изданный лондонской Вольной русской типографией в 1862 году, стр. 18—20). Пелась «Песня» на хорошо известный в старой армии мотив: «Братья, дружно веселую грянем песню в добрый час!»

Эпиграмма. Стихотворение неизвестного автора-большевика, написанное в начале 1906 года в петербургской пересыльной тюрьме и вынесенное на волю под подкладкой ботинка. Опубликовано поэтом А. А. Богдановым (Волжским) в статье «Стихи и революция» («Литературная газета», 1934, № 55, 5 мая, стр. 4). *Нововременец* — сотрудник черносотенной газеты А. С. Суворина «Новое время». *Семеновец* — военный Семеновского полка, участвовавшего в кровавом подавлении вооруженного восстания московских рабочих. *Октябрист* — член реакционно-помещичьей партии «октябристов», организовавшей в 1905 году. Эпиграмма неизвестного автора использует в качестве образца известную эпиграмму Пушкина «На Булгарина» («Не то беда, что ты поляк...»).

Осел и собака. Сатирическое стихотворение неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом «Иван Крамольный». Напечатано в органе рижской военной организации большевиков «Голос солдата», 1906, № 14, 27 июля, стр. 5. Под *гончим псом* автор имел в виду кровавого палача — полковника Г. А. Мина, произведенного за его «подвиги» в борьбе с революцией в генерал-майоры. В образе *осла* выведен генерал А. Н. Куропаткин, главнокомандующий во время русско-японской войны, пытавшийся оправдать свои поражения «проповедью» терпения и выжидательной «тактики». *Трепов Д. Ф.* — один из царских сатрапов, бывший с 1896 по 1905 годы обер-полицмейстером Москвы, после 9 января 1905 года — генерал-губернатором Петербурга, а затем товарищем министра внутренних дел, командующим полицией и отдельным корпусом жандармов. Трепову принадлежал один из самых свирепых контрреволюционных приказов, предписывавший «холостых залпов не давать, патронов не жалеть».

Мы — братья. Широко распространенное в годы первой революции и реакции среди солдат и рабочих агитационное стихотворение, принадлежащее перу неизвестного автора. Самой ранней из известных нам публикаций является листовка, выпущенная подпольной типографией Красноярского комитета партии в количестве 4000 экземпляров (датирована 17 июня 1906 года). В этой листовке дана и наиболее полная редакция стихотворения. В 1906—

1907 годах стихотворение было перепечатано изданиями большевистских военных организаций: «Казарма» (1906, № 5, 8 июля), «Голос казармы» (Тифлис, 1907, № 5, 28 февраля), «Штык» (Латвия, 1907, № 5, июнь) и «Голос солдата» (Рига, 1906, № 15, 12 августа). В «Казарме» и «Штыке» под стихотворением была поставлена подпись — «Рабочий», в «Голосе казармы» — «Василий Чужой».

1 9 0 8—1 9 1 1

А. Г М Ы Р Е В

Гмырев Алексей Михайлович (1887—1911) — рабочий-революционер, четыре раза заключавшийся в тюрьму за время с 1903 по 1906 годы. В 1908 году, после двух лет тюремного заключения, приговорен на «основании» ложного обвинения к 7 годам каторги, но оставлен в тюремной одиночке, где он погиб от туберкулеза. В тюрьме Гмырев написал множество стихотворений, из которых в печать попали лишь некоторые, так как рукописи поэта только частично дошли после его смерти до друзей покойного. В 1926 году был издан небольшой сборник стихотворений поэта, замученного царскими тюремщиками, под названием «За решеткой»: в нем, наряду со стихами и письмами поэта, опубликованы воспоминания о Гмыреве, характеризующие его как убежденного и боевого марксиста.

М о и п е с н и. Печатается по книге Алексея Гмырева «За решеткой», М., изд. ВЦСПС, 1926, стр. 25.

Н а б а т. Печатается по книге Алексея Гмырева «За решеткой», стр. 26.

П р и з ы в. Печатается по книге Алексея Гмырева «За решеткой», стр. 26—27.

О н и п о б е д и л и. Печатается по книге Алексея Гмырева «За решеткой», стр. 28—29.

Н е ж д и м е н я. Напечатано в «Вестнике приказчика», 1913, № 7, 17 февраля; извлечено из литературного наследия поэта.

С о к о л. Опубликовано после смерти автора в «Невской звезде», 1912, № 2, 3 мая. Дважды перепечатано в «Правде» (1912, № 6, 28 апреля и № 26, 30 мая).

Я п о г и б н у, н о в м е с т е с о м н о й н е у м р у т. Напечатано после смерти автора в «Правде» (1912, № 116, 13 сентября) и в «Невской звезде» (1912, № 26, 16 сентября) вместе с некрологом, помещенным в связи с годовщиной смерти Гмырева.

А. БОГДАНОВ

Дорожка. Написано в 1907 году в самарской тюрьме. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», М., ГИХЛ, 1936, стр. 116.

Былое. Впервые помещено в журнале «Русское богатство», 1910, № 10, стр. 236. под названием «Из песен безвременья». Перепечатано (и датировано 1909 годом) в книге «Под знамя „Правды“» (Первый сборник общества пролетарских искусств). П., «Прибой», 1917, стр. 53—54. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 118—119.

Два стана. Написано в 1911 году. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 105. Стихотворение направлено против буржуазных декадентов и клеймит от имени революционных борцов их предательские, антинародные действия. *Чары навии*. — Автор имеет в виду роман Федора Сологуба «Навии чары», одно из «программных» произведений литературы буржуазного декаданса, выражавшее мистические и контрреволюционные тенденции декадентского «искусства».

Возвращение. Написано в 1911 году. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 129.

А. БЕЛОЗЕРОВ

Памяти товарища. Написано в ноябре 1910 года. Впервые напечатано в газете «Нижегородец», 1912, № 140 (эта публикация представляет первоначальный вариант стихотворения). Печатается по рукописи, предоставленной автором и содержащей окончательную редакцию. *Генкина Ольга Михайловна* — революционерка, работавшая в большевистском подполье в Нижнем-Новгороде (1904—1905). Была арестована полицией и в октябре 1905 года освобождена из тюрьмы рабочими. Месяцем позже была убита в Иваново-Вознесенске, куда доставила по заданию Московского комитета партии транспорт оружия. О. М. Генкина была схвачена на вокзале бандой черносотенцев, которая зверски убила ее. Поэт А. А. Белозеров близко знал О. М. Генкину, работал с ней в Нижнем-Новгороде.

Н. РЫБАЦКИЙ

Песня пария. Напечатано в журнале профсоюза металлистов «Единство», 1909, № 8, 10 августа, стр. 3. В посмертном сборнике стихотворений Николая Рыбацкого «На светлый путь» (П., изд. Пролеткульта, 1919, стр. 9) помещено под названием «Песня» и с пропуском пятой строфы; там же сообщается, что стихотворение написано в 1906 году в петербургской тюрьме «Кресты». Николай Рыбацкий — псевдоним Н. И. Чиркова, питерского рабочего-революционера.

9-е января. Печатается по книге Н. Рыбацкого «На светлый путь», стр. 15.

Перестукиваемся. Печатается по книге Н. Рыбацкого «На светлый путь», стр. 16—17.

А. ПОМОРСКИЙ

Поморский Александр Николаевич (род. в 1891 году) — сын литератора Н. Пружанского, с юных лет работал на фабрике, в 1908 году вступил в партию большевиков. Литературную деятельность начал в 1912 году в кругу поэтов-«правдивов». С 1913 по 1917 годы неоднократно арестовывался, заключался в тюрьмы, высылался за активную партийную работу в подполье и большевистскую агитацию. Первая книга стихов А. Н. Поморского вышла в 1917 году под названием «Цветы восстания». В советские годы А. Н. Поморский сочетает партийную работу с литературной деятельностью, выступает с новыми стихами.

Рабочий дворец. Написано в 1909 году. Напечатано в сборнике «Наши песни», вып. 2-й, М., изд. «Трудовая семья», 1914. Этот сборник рабочих-поэтов власти постановили конфисковать, но организовавшие его поэты-«правдивы» (А. Маширов, А. Поморский и др.) успели распространить тираж. Почти одновременно с выпуском стихотворения в сборнике автор опубликовал его в журнале «Объединение», 1914, № 1, 25 января, стр. 4. За напечатание стихотворения «Рабочий дворец» цензура возбудила преследование и против журнала «Объединение». Стихотворение задолго до его опубликования пользовалось популярностью среди рабочих, его пели на маевках, в рабочих клубах. Печатается по книге Александра Поморского «Рождение песни», М., «Советский писатель», 1952, стр. 215—216.

«Ты меня, любимая, спрбсила». Написано в 1909 году в заключении (в Орловском центральном). Печатается по книге Александра Поморского «Рождение песни», стр. 200.

И. ПРИВАЛОВ

Если, товарищ. Написано в 1907 году в ссылке (где поэт пробыл с 1907 по 1913 годы). Первые строки стихотворения и его ритмический строй навеяны стихотворением революционерки-семидесятницы В. Н. Фигнер «Если, товарищ, на волю ты выйдешь...» Печатается по книге И. Привалова «Песни прядильщика», СПб., 1907, стр. 40. *Лиговский дом* — так называемый Лиговский Народный дом в Петербурге, где под видом легальной культурно-просветительной работы иногда удавалось вести революционную пропаганду среди рабочих; в этом доме существовали и кружки рабочих-поэтов, которые активно сотрудничали в дореволюционной большевистской печати (А. И. Маширов-Самобытник и др.).

Ф. ШКУЛЕВ

Шкулев Филипп Степанович (1868—1930) — сын крестьянина-бедняка, в девятилетнем возрасте был отдан в учение на фабрику. После полугода непосильного труда он попал правой рукой в машину и остался навсегда инвалидом. Вслед за этим Шкулев провёл два года в больнице, а затем служил «за харчи» подручным в овощной лавке в Москве. Писать стихи Шкулев начал в пятнадцатилетнем возрасте; только в начале 90-х годов поэту-самоучке удалось поместить в печати свои первые стихотворения. Однако ранние произведения поэта были лишены пролетарского классового самосознания, носили на себе печать мелкобуржуазных влияний. Шкулев стал революционным поэтом, талантливым пролетарским лириком только под влиянием революционных событий 1905 года. В 1905 году и в годы реакции Шкулев был одним из самых революционно настроенных поэтов в среде суриковского литературно-музыкального кружка. В эти годы он вместе с Максимом Леоновым издавал брошюры революционного характера, редактировал газеты и журналы, которые были запрещены цензурой. Таким путем Шкулев пришел к сотрудничеству в большевистских газетах периода предвостановочного подъема, к созданию известной песни «Мы — кузнецы...» В советские годы поэт создал ряд новых стихов и песен («Я — коммунист», «Гимн коммунаров» и др.).

Из моего прошлого. Печатается по книге Ф. С. Шкулева «Смелые песни», М., изд. Н. Н. Травиной, 1911, стр. 6—7.

Гимн труду. Печатается по книге Ф. С. Шкулева «Смелые песни», стр. 11—12.

К у е м. Впервые помещено в сатирическом журнале «Народный рожок», 1910, № 5 (этот журнал с № 3 редактировал — под псевдонимом «Фиша-Пастушок» — Ф. Шкулев). Печатается по книге Ф. С. Шкулева «Смелые песни», стр. 16.

Я. КОРОБОВ

Коробов Яков Евдокимович (1874—1928) — сын крестьянина-бедняка, в юности — рабочий, затем (в конце прошлого века) — солдат. В период революции 1905 года Коробов был связан с революционными кругами, его идейному развитию содействовал литератор-большевик П. И. Лебедев (Вал. Полянский), который вел партийную работу во Владимире. К этому же времени относится начало литературной деятельности Якова Коробова. Вслед за тем Коробов активно сотрудничал как поэт и журналист во владимирской печати, издал три книжечки стихов (в 1910 г. — «Песни вечерние» и в 1914 г. совместно с Дм. Семеновским — два сборника «Сребролунный орнамент», содержавшие пародии на стихи декадентов-футуристов из группы Игоря Северянина). В послереволюционные годы Яков Коробов выступал в печати как прозаик — автор ряда повестей и рассказов о советской деревне

и двухтёмных воспоминаний («На утренней заре» и «На острие ножа»).

Последний день. Печатается по сборнику стихотворений Якова Коробова «Песни вечерние», Владимир, изд. газеты «Старый Владимирец», 1910.

Весьма вероятно, что в образе революционера-боевика, павшего в баррикадном бою, запечатлелись черты талантливого социал-демократического агитатора, мвромского рабочего Лакина, убитого в ноябре 1905 года близ Владимира черносотенцами. Памяти товарища Лакина Яков Коробов в конце 1905 года посвятил стихи, которые были напечатаны в одной из владимирских газет.

А. БЛАГОВ

Благов Александр Николаевич (род. в 1883 г.) — один из старейших рабочих поэтов, старый большевик, всю свою жизнь связанный с рабочим классом и пролетарской печатью Иванова-Вознесенска. До Октября сотрудничал в революционной периодической печати, в советские годы выпустил несколько книг стихотворений. В 1953 году советская общественность отметила семидесятилетие А. Н. Благова и сорокалетие его литературной деятельности. Президиум Верховного Совета СССР наградил поэта орденом Трудового Красного Знамени.

Стон ткачихи. Печатается по книге А. Благова «Избранные стихи», М., «Советский писатель», 1946, стр. 12—13. Стихотворение датировано 1910 годом.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

«С тревгой жуткою привык встречать я день». Написано в 1908 году. Напечатано за подписью «Е. Придворов» в «Русском богатстве», 1909, № 1, стр. 232.

Сынок. Написано в 1908 году и предложено автором журналу «Русское богатство». Однако либерально-народнический журнал не решился опубликовать это революционное стихотворение, и впервые оно было напечатано за подписью «Е. Придворов» в большевистской «Звезде», 1911, № 35, 25 декабря. Из опасения перед цензурой редакции «Звезды» пришлось сократить стихотворение, опустив последние его тринадцать строк (от строки «Душою чист и мощен телом...»). Печатается по авторской редакции 1930 года.

О Демьяне Бедном, мужике вредном. Стихотворение написано в 1909 году, в период сотрудничества автора в «Русском богатстве». Однако либерально-народнический журнал не решился опубликовать это революционное произведение молодого поэта. Впервые стихотворение опубликовано за подписью «Е. Придворов» в большевистской «Звезде», 1911, № 18, 16 апреля. Печатается по окончательной авторской редакции 1937 года, которая

незначительно отличается от первоначального текста (в «Звезде» — вероятно, из опасения цензуры — последняя строка не носила открыто призывного характера; здесь стояло: «Эх, брат Демьян!..»). *Демьян* — имя дяди поэта, крестьянина-бедняка. Этим стихотворением началось сотрудничество Демьяна Бедного в большевистской печати. Из его заглавия был впоследствии позаимствован и широко известный псевдоним Е. А. Придворова.

«Ночной порбй, когда луна». Написано в 1911 году. Напечатано за подписью «Е. Придворов» в «Звезде», 1912, № 6, 2 февраля.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕПЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Утро 1-го Мая. Напечатано за подписью «Чеченец» в профсоюзном журнале «Рабочий по металлу», 1907, № 13, 28 апреля, стр. 3. *Чеченец* — псевдоним неизвестного автора, о котором в журнале союза рабочих-металлистов «Единство» (1909, № 1) сообщалось: «литейщик одного из местных (т. е. петербургских) заводов, долгое время был делегатом союза и работал в правлении. Занесен в «черный список» и вскоре выслан из Петербурга»

Вороженный. Напечатано за подписью «Чеченец» (см. примечание к стихотворению «Утро 1-го Мая») в профсоюзном журнале «Рабочий по металлу», 1907, № 21, 24 сентября, стр. 3. *На Дворцовой площади...* — имеется в виду царская расправа с мирной демонстрацией рабочих 9 января 1905 года. *Тетушка Фемидушка...* — т. е. Фемида, в древнегреческой мифологии богиня правосудия.

Песня рабов. Напечатано за подписью «Чеченец» в профсоюзном журнале «Рабочий по металлу», 1907, № 22, 10 октября, стр. 3.

Зима. Напечатано за подписью «Чеченец» в журнале профсоюза металлистов «Единство», 1909, № 11, 1 декабря, стр. 3.

Он думает, что победил. Стихотворение неизвестного автора, напечатанное в подпольной газете «Вперед», 1907, 14 января.

Не для цепей, а для мечей. Напечатано за подписью «Ш» в профсоюзном журнале «Вестник золотосеребряников и бронзовщиков», 1907, № 8, 23 мая, стр. 3. Под стихотворением пометка, указывающая на то, что оно написано в петербургской тюрьме «Кресты», где содержались политические заключенные.

«Очнись, воспрянь! Смотри кругом». Напечатано в гектографированном журнале «Тюрьма», который С. М. Киров издавал в томской тюрьме в 1907 году. Номера этого журнала, конспиративно печатавшиеся на гектографе, распространялись не только среди заключенных, но и передавались на волю, в город

Томск. Настоящее стихотворение было помещено в конце № 2 журнала «Тюрьма».

Всероссийский алкоголик. Памфлет на Николая II, имевший широкое распространение в народных массах и записанный фольклористами в различных вариантах. Иногда исполнялся на мотив «Дело было под Полтавой!...» Печатается по изданию большевистской военной организации Латышского края «Штык», 1908, № 8, август, стр. 3.

1 9 1 2—1 9 1 4

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Лена. Напечатано в «Звезде», 1912, № 27, 8 апреля; посвящено кровавой расправе с рабочими ленских приисков, вызвавшей волну забастовок, демонстраций и митингов протеста. Номер «Звезды», в котором было напечатано стихотворение Демьяна Бедного, открывался сообщением, окаймленным траурной рамкой: «На Ленских приисках убито 270, ранено 250». В день шестидесятилетия ленского расстрела «Правда» перепечатала стихотворение «Лена» за подписью «Е. Придворов» и с эпитафией, которого не было при первой публикации («Правда», 1918, № 76, 17 апреля).

Полна страданий наших чаша. Напечатано за подписью «Е. Придворов» в «Правде», 1912, № 1, 22 апреля.

Кукушка. Напечатано в «Звезде», 1912, № 12, 23 февраля. В этой басне Демьян Бедный с ленинских позиций защищает память А. И. Герцена от либерально-кадетской фальсификации его образа. В связи со столетием со дня рождения Герцена либерально-буржуазная пресса принялась шумно рекламировать свое «родство» с великим русским писателем и публицистом, скрывая от читателя революционное содержание его деятельности и творчества, пытаясь изобразить его «отцом русского либерализма». Своей басней Демьян Бедный дал отпор одному из лидеров «конституционно-демократической» (кадетской) партии — Ф. И. Родичеву, выступившему в роли хвастливой и лживой кукушки, твердившей, что Герцен являлся предшественником... кадетской буржуазии.

«Трибун». Напечатано в «Звезде», 1912, № 17, 13 марта. *Маклай* — В. А. Маклаков, видный деятель кадетской партии и думский оратор, по профессии адвокат, не брезгавший так называемыми «темными деньгами», т. е. солидными гонорарами, получаемыми от своих подзащитных — промышленных и финансовых магнатов, совершавших уголовные преступления.

Гуманность. Напечатано в «Звезде», 1912, № 29, 12 апреля. *Лисий Нос* — местность на берегу Финского залива близ Петербурга, где царские власти вешали и расстреливали революционеров, приговоренных к смертной казни.

Газета. Напечатано в «Правде», 1912, № 4, 26 апреля. С выхода первого номера «Правды» начались бессчетные правительственные репрессии против газеты и ее сотрудников. За два с лишним года, до ее разгрома царской охранкой, «Правде» пришлось несколько раз менять свое название; она выходила под названиями: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Трудовая правда».

Порода. Напечатано в «Правде», 1912, № 25, 29 мая.

Дом. Этот басенный памфлет на «дом Романовых» был напечатан в «Невской звезде», 1912, № 21, 12 августа. В 1913 году в письме к критику П. Мирецкому Демьян Бедный указывал, что эпиграф из черносотенного «Нового времени» был взят им для прикрытия «контрабанды», для того чтобы скрыть от цензуры обобщение, лежащее в основе басни, и представить ее в качестве невинного фельетона по поводу городского происшествия. «Уберите эпиграф — и «дом» погибнет по 128 статье». — замечал Демьян Бедный («Молодая гвардия», 1935, № 5). В 1919 году в «Правде» (№ 155, 17 июля) поэт опубликовал послесловие к «Дому» (см. в книге: Демьян Бедный. Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1952, стр. 355).

Лапоть и сапог. Напечатано в «Невской звезде», 1912, № 22, 19 августа. Басня была направлена против реакционной столыпинской реформы и агитировала за союз рабочих и крестьян в борьбе с самодержавным гнетом. Царский цензор писал о басне Демьяна Бедного, что в ней «автор возбуждает крестьян сплотиться подобно рабочим и противодействовать правительству, а то и воевать с ним, если оно будет вводить реформы среди крестьян, подобные отрубной, которая приводит их к окончательному разорению».

Кларнет и рожок. Напечатано в журнале «Современный мир», 1912, № 10, стр. 136.

Свеча. Напечатано в журнале «Просвещение», 1913, № 2, стр. 20—21. Басня Демьяна Бедного ратовала за продолжение, за доведение революции до конца. Поэт иронизировал над «куцой конституцией» Николая II, над царским манифестом, данным 17 октября 1905 года («Ты помнишь ли те дни...»), и либеральными восторгами по поводу этого манифеста, оказавшегося «заместо сотенной свечи» — «копеечным огарком». Цензура, основываясь на 128 статье Уголовного уложения, возбудила преследование против большевистского журнала «Просвещение» за напечатание этой басни. Номер журнала был изъят, редакцию оштрафовали, а редактора приговорили к тюремному заключению. На опубликование в «Просвещении» басни Демьяна Бедного и полицейскую расправу с редактором журнала отозвался В. И. Ленин в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» (В. И. Ленин. Сочинения, том 19, стр. 120).

Клоп. Напечатано в журнале «Современный мир», 1913, № 7, стр. 264.

Ерши и вьюны. Напечатано в большевистской газете «Наш путь», 1913, № 10, 5 сентября. Басня направлена против меньшевиков-ликвидаторов, именуемых поэтом «вьюнами».

И там и тут. Напечатано в газете «Путь правды», 1914, № 43, 22 марта. Много лет спустя Демьян Бедный в беседе с молодыми писателями назвал эту эпиграмму своим наиболее удачным произведением. «Оно, — сказал поэт, — было написано мною в 1914 году, в те дни, когда в Петербурге на некоторых заводах произошли случаи массового отравления рабочих. Особенно на свинцово-белильных фабриках. Это вызвало бурные рабочие демонстрации на улицах. Царское правительство ответило на демонстрации свинцовыми пулями. По этому поводу я написал исключительно дерзкое четверостишие, а старая «Правда» не побоялась его напечатать, хотя в нем шла речь фактически о вооруженном отпоре царским усмирителям» (Демьян Бедный. «О писательском труде». М.—Л., ГИХЛ, 1931, стр. 19—20). *Литвинов-Фалинский* — чиновник министерства торговли, занимавшийся вопросами «рабочего законодательства».

Май. Напечатано в газете «Путь правды», 1914, № 75, 1 мая.

А. БОГДАНОВ

Так было — так будет. Написано как отклик на ленский расстрел 4/17 апреля 1912 года. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 125—126. Заголовок стихотворения А. Богданова подчеркивал, что оно возникло в качестве революционного ответа царскому министру Макарову, нагло заявившему в связи с думским запросом относительно ленского расстрела: «Так было и так будет».

А. МАШИРОВ

Маширов Алексей Иванович (1884—1942) — сын рабочего-ремесленника, рабочий-металлист, коммунист с 1905 года. Выступил со стихами в печати в 1912 году, активно сотрудничал в «Правде». Печатался главным образом под псевдонимом «Самобытник». В годы 1910—1914 был деятельным организатором молодых рабочих писателей, группировавшихся вокруг «Правды»; выступал с докладами и лекциями по литературным вопросам для рабочих-кружковцев. С начала войны 1914 года находился на нелегальном положении; в 1916 году был арестован и выслан в Сибирь. Первая книга стихотворений Самобытника вышла после революции («Под красным знаменем», 1918); за ней последовал ряд других стихотворных сборников А. И. Маширова. Впоследствии А. И. Маширов отошел от поэтической деятельности и занялся научно-исследовательской работой: он был директором Ленинградской Консер-

ватории, затем директором Научно-исследовательского института театра и музыки.

Ручьи. Напечатано за подписью «Самобытник» (псевдоним поэта А. И. Маширова) в «Правде», 1912, № 4, 26 апреля.

Гребцы. Напечатано в «Правде», 1912, № 101, 26 августа. В первопечатном тексте отсутствовали две (заключительные) строфы стихотворения:

Злой туман нас не обманет,
Знаем мы, что там, вдали,
Скоро, скоро солнце встанет
И укажет край земли.

Солнце злой туман рассеет
И в живых своих лучах
Нас, пловцов, теплом согреет
На заветных берегах.

Автор вскоре дописал эти строфы (например, в сборнике рабочих-поэтов «Эло ответное», СПб., 1913), но затем убедился, что редакция, приданная стихотворению в «Правде», значительно лучше. Стихотворение «Гребцы» стало среди рабочих популярной песней. А. И. Маширов поместил его и в «Первом сборнике пролетарских писателей», СПб., «Прибой», 1914, организованном М. Горьким. Позднее автор неоднократно перепечатывал свое стихотворение под названием «Пловцы». К нему примыкают и такие произведения А. И. Маширова, как «Песня пловцов» («За правду», 1913, № 28, 5 ноября), «Песня пловцов. II» («Пролетарская правда», 1913, № 16, 25 декабря), «Песня пловцов. III» («Пролетарская правда», 1914, № 19, 1 января).

После работы. Напечатано в «Правде», 1912, № 163, 8 ноября; перепечатано в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914, по тексту которого печатается в настоящей книге.

Красный цветок. Напечатано в «Рабочей правде», 1913, № 4, 17 июля.

Зарницы. Напечатано в «Пролетарской правде», 1913, № 7, 18 сентября; перепечатано в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914.

Новому товарищу. Напечатано в «Пролетарской правде», 1914, № 13, 17 января.

Весенний привет. Напечатано в «Работнице», 1914, № 7, 26 июня.

Не говори в живом признании. Напечатано в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914.

Ф. ШКУЛЕВ

«Гуди призывом благодатным». Напечатано в «Звезде», 1912, № 28, 10 апреля. Это стихотворение явилось одним из «оснований» для наложения ареста на номер газеты (арест утверждён петербургской судебной палатой 1 августа 1912 года). «Стихотворение это, — писал в своем донесении от 19 июля 1912 года царский цензор, — представляет собой обращенный к народу явный призыв к борьбе против существующего строя...»

«Громадные стены как листья дрожат». Напечатано в газете «Невская звезда», 1912, № 5, 10 мая.

Мы кузнецы, и дух наш молод. Напечатано в газете «Невская звезда», 1912, № 8, 27 мая. Стихотворение явилось одним из «оснований» для наложения ареста на номер газеты. Царский цензор в своем рапорте от 28 мая 1912 года писал: «...вышеназванное стихотворение написано в сильных выражениях, проникнутых революционным настроением и направленными к тому, чтобы возбудить народ к бунту...» Впоследствии (в том числе и в первые годы советской эпохи) автор еще не раз дополнял и обрабатывал свое стихотворение, которое стало широко известной народной песней. Как установлено в музыковедческой литературе (см., например, сборник «50 русских революционных песен», Л., Музгиз, 1938, стр. 234), «массовое бытование песня получает в последние годы империалистической войны, сначала в окопах, и уже отсюда демобилизованные солдаты распространяли ее по городам и селам. Повсеместную популярность песня приобрела в годы гражданской войны...»

Великан. Печатается по книге Ф. Шкулева «Смелые песни», М., изд. Н. Н. Травиной, 1911.

А. ПОМОРСКИЙ

«Звезда». Написано в 1912 году, посвящено большевистской газете «Звезда», которая возвестила начало нового революционного подъема. Печатается по книге Александра Поморского «Рождение песни», М., «Советский писатель», 1952, стр. 202—205.

Пролетарию-поэту. Напечатано в «Северной правде», 1913, № 24, 30 августа. Перепечатано в сборнике рабочих-поэтов «Наши песни», вып. 2-й, М., изд. «Трудовая семья», 1914, где явилось для цензуры одним из «аргументов» для возбуждения преследования против книги.

Фонарщик. Напечатано в газете «Правда труда», 1913, № 19, 8 октября; в существенно измененном виде вошло в «Первый сборник пролетарских писателей», 1914. Печатается по книге Александра Поморского «Рождение песни», стр. 208, где дана окончательная авторская редакция.

Ярки зори золотые. Напечатано в газете «За правду», 1913, № 38, 17 ноября.

Я. БЕРДНИКОВ

Бердников Яков Петрович (1889—1940) — выходец из крестьянской среды, до революции — рабочий, активный участник революционной борьбы 1905 года. В годы реакции находился в ссылке. С 1912 года, будучи в Петербурге рабочим-токарем, печатался в «Правде». В 1917 году вышла в свет первая книга стихов Бердникова «Сонет рабочего». В советские годы Я. П. Бердников выступал в печати с лирическими стихотворениями и поэмами, выпустил несколько книг стихов.

К свободе. Напечатано в «Звезде», 1912, № 16, 11 марта.

С работы. Напечатано в «Трудовой правде», 1914, № 22, 22 июня.

Литейщик. Напечатано в журнале «Рабочий», 1914, № 8, 23 июня. Отрывок из поэмы «Шуми, вагранка... Дуй сильней...» стал популярной в свое время песней рабочих. Начало поэмы написано под очевидным влиянием «Мцыри» Лермонтова.

Н. РЫБАЦКИЙ

Песня кузницы. Написано в 1912 году. Печатается по сборнику Н. Рыбацкого «На светлый путь», П., изд. «Пролеткульт», 1919.

Хлеба! Напечатано в «Правде», 1913, № 78, 3 апреля.

Иди! Напечатано в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914.

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

Семеновский Дмитрий Николаевич (род. в 1894 году) в дореволюционные годы — активный сотрудник большевистской печати, поэт, пользовавшийся вниманием и творческой помощью Максима Горького. После революции издал несколько сборников стихотворений, выполнил перевод «Слова о полку Игореве» (1937), опубликовал ряд очерковых произведений и интересную книгу воспоминаний о Горьком.

Микула. Напечатано за подписью «Дм. С—кий» в «Невской звезде», 1912, № 20, 5 августа. Автор учился в семинарии, из которой был вскоре исключен за участие в забастовке. В своей книге «А. М. Горький (Письма и встречи)», М., «Советский писатель», 1940, Дм. Семеновский вспоминает: «Кое-какие стихи я отправил в «Невскую звезду» и «Правду». Стихи были напечатаны, но я об этом не знал, так как большевистские газеты до нас (семинаристов. — А. Д.) не доходили» (стр. 3).

Кузнец. Написано в 1913 году. Печатается по книге Д. Семеновского «Стихи», М., «Советский писатель», 1947. Стихотворение «Кузнец» нравилось М. Горькому. Автор вспоминает, что когда он в конце 1914 года гостил у Горького в Финляндии, Алексей Максимович однажды заметил ему: «Лучше всего у вас выходят вещи, написанные в фольклорном стиле, и такие стихи, как «Кузнец» (Дм. Семеновский «А. М. Горький», М., «Советский писатель», 1940, стр. 62). Вероятно, М. Горький был знаком с тем вариантом этого стихотворения, который был напечатан в журнале «Вопросы страхования» (1915, № 2, 20 марта, стр. 5) и начинался строками:

Пусть в кузнице дымной черно,—
Товарищ, скорее за дело!
Раздуй золотое горно,
Чтоб пламя, как буря, гудело..

В. КУЙБЫШЕВ

Море жизни. Стихотворение принадлежит видному деятелю Коммунистической партии В. В. Куйбышеву. Как сообщает в своей книге «Валериан Владимирович Куйбышев (По воспоминаниям сестры)» Елена Куйбышева, это стихотворение было написано Валерианом Владимировичем в нарымской ссылке, т. е. между августом 1910 и маем 1912 года. В той же книге (М., Госполитиздат, 1938, стр. 28) Е. Куйбышева приводит и другие стихотворения брата. «Море жизни» распространялось в списках и пелось в среде революционеров. Елена Куйбышева со слов В. В. Куйбышева рассказывает о том, что в 1915 году ему пришлось услышать, как политические ссыльные на этапе пели его произведение.

Д. ОДИНЦОВ

Там, где все проблески жизни объяла. За подписью «Д. О.» напечатано в «Звезде», 1911, № 11, 26 февраля.

Вперед. Напечатано в «Правде», 1912, № 156, 31 октября. Помещено в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914. В предисловии к названному сборнику М. Горький откликнулся на заключительную строчку стихотворения Д. Одинцова. Он писал: «Один из поэтов, участников в сборнике, восклицает: «Вперед, к культуре мировой!» — Добрый путь, товарищи! Да здравствуют разум и воля, создавшие мировую культуру!»

Н. РАТМЦРОВ

«Свинцовой мглой седая хмара». Напечатано в «Звезде», 1911, № 31, 26 ноября.

И. УЛЬЯНОВ

Н е р о б е й. Напечатано в «Звезде», 1912, № 11, 12 февраля.

С. НАХИМСОН

Нахимсон Семен Михайлович (1885—1918) — революционер-коммунист и литератор. В 1905 году активно участвовал в революционной борьбе, вел большевистскую агитацию в годы первой мировой войны. В 1918 году, будучи председателем ярославского губисполкома, расстрелян белыми во время контрреволюционного мятежа в Ярославле. Нахимсон вел литературную работу в «Правде»; в 1917 году редактировал большевистскую газету «Окопный набат».

Кадет. Сатирическое стихотворение (подписанное псевдонимом «Павел Салин») напечатано в «Звезде», 1912, № 16, 11 марта и посвящено разоблачению политической сущности и тактики деятелей буржуазно-помещичьей «конституционно-демократической партии» (кадетов). *Таврический зал* — имеется в виду зал заседаний Государственной думы в Таврическом дворце в Петербурге.

С. ГАНЬШИН

Ганьшин Сергей Евсеевич (1878—1930) — сын крестьянина-бедняка, был некоторое время рабочим на подмосковных фабриках, затем (до 1908 года) находился в заключении за политическую деятельность. Литературную работу начал в 1908 году. С 1910 года Ганьшин состоял членом суриковского литературно-музыкального кружка, являясь одним из его наиболее революционно настроенных поэтов. В 1912 году вышла его первая книга стихов «Искра». Две другие книжки стихов Ганьшина, «Предрасветные песни» (1913) и «Песни гражданина» (1916), были конфискованы цензурой. В 1916 году поэт был выслан в Вятскую губернию, откуда его вернула на свободу и к литературной работе революция.

Т о в а р и щ а м. Напечатано в «Звезде», 1912, № 22, 25 марта. Стихотворение обратило на себя внимание царского цензора и, вместе с другими материалами, послужило «основанием» («явный призыв «товарищей» к борьбе со знаменем свободы в руках», — писал цензор) для наложения ареста на номер газеты.

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Д у м а. Напечатано в «Звезде», 1912, № 26, 5 апреля, за подписью «Б. В.» Стихотворение отражает ряд реальных фактов: разгон Второй Государственной думы, захват Думы реакцией, избрание в Думу рабочих депутатов, окруженных ненавистью думского большинства. . . *бабушка Ненила* — образ из стихотворения Н. А. Некрасова «Забятая деревня», поэтическую манеру которого использует автор, скрывшийся под инициалами на страницах «Звезды».

И. ВОИНОВ

Воинов Иван Авксентьевич (1884—1917) — сын крестьянина-бедняка, рабочий петербургских заводов, журналист и поэт. Активный сотрудник «Звезды» (с 1910 года) и корреспондент «Правды» (с 1912 года). За политическую деятельность арестовывался и высылался царскими властями в 1912 и 1914 годах. В 1917 году, вернувшись в Петроград, вновь выступил на страницах «Правды» как ее боевой сотрудник-большевик. 5 июля 1917 года, когда была разгромлена редакция «Правды», Иван Воинов участвовал в выпуске «Листка «Правды». При распространении этого листка 6 июля Воинов был захвачен и зверски убит бандой юнкеров.

Буря народная. Напечатано в «Звезде», 1912, № 27, 11 апреля. Стихотворение было помещено рядом со статьями, откликающимися на кровавые события на Ленских золотых приисках. Эти материалы вызвали требование цензора — арестовать номер газеты. О стихотворении «Буря народная» цензор писал, что «оно заключает в себе явный призыв народа к революционным выступлениям против существующего порядка». № 27 «Звезды» был арестован, захваченные полицией экземпляры были уничтожены «путем разрывания на мелкие части».

А. БЕЛОЗЕРОВ

За стеной. Написано в 1914 году и, как сообщил автор, послано им М. Горькому, который напечатал стихотворение в большевистском журнале «Просвещение». Помещенное за подписью «Ал. Б.—ов», это стихотворение неоднократно перепечатывалось: из «Просвещения» (1914, № 5, май, стр. 82) его перепечатал, в частности, большевистский журнал «Вопросы страхования» (1915, № 4, 15 мая). В 1917 году «За стеной» было включено в сборник «Под знамя „Правды“» (изд. «Прибой»), а затем помещено в книге стихов А. Белозерова «Воскресшие песни», 1918).

Ткачи. Написано, как сообщил автор, в 1914 году. Печатается по книге Белозерова «Мятельные вихри», Нижний-Новгород, изд. «Культура», 1928, стр. 42. *Красна* — ткацкие станки с уже начатой работой.

А. МАЛЫШКИН

Ни свет зари, ни луч заката. Дважды напечатано за подписью «А. М.» в «Правде» за 1912 год: в № 16 от 11 мая и в № 94 от 18 августа. Под инициалами «А. М.» скрывался А. Г. Малышкин, впоследствии видный советский писатель-прозаик. В 1912 году А. Г. Малышкин был начинающим литератором, связанным с большевистскими кругами; в 1913 году он сотрудничал в журнале «Студенческие годы», который находился под сильным влиянием большевиков и подвергался свирепым цензурным репрессиям.

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Наши песни. Дважды напечатано в «Правде» за 1912 год: в № 16 от 11 мая под псевдонимом «Степан» и в № 38 от 13 июня за подписью «С—н».

И. КОРОБОВ

Плиту асфальта пробивая. Напечатано в «Невской звезде», 1912, № 9, 28 мая; помещено также в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914.

А. СКОРБИИ

Пальто рабочего. Напечатано в «Правде», 1912, № 27, 31 мая.

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Болото. Напечатано за подписью «Вл. Юс—кий» в «Правде», 1912, № 42, 17 июня.

К. ЮДИИ

Дым. Напечатано в газете «Невская звезда», 1912, № 26, 16 сентября. Царский цензор писал в своем докладе от 17 сентября 1912 года: «Стихотворение «Дым» противопоставляет рабочих хозяевам в резкой и враждебной форме, называя первых рабами, а вторых «властелинами», и возбуждает рабочих к «битве» с «врагом вековечным своим». Преступное деяние это предусмотрено п. 6 ст. 129 Уголовного уложения». За напечатание стихотворения К. Юдина «Дым» на номер газеты был наложен арест, утвержденный петербургской судебной палатой 28 сентября 1912 года.

И. САДОВСКИЙ

Еще не последняя песня пропета. Напечатано в «Невской звезде», 1912, № 26, 16 сентября. При наложении ареста на этот номер газеты было учтено донесение цензора, в котором о стихотворении Ивана Садовского сказано, что оно «поднимает революционное настроение рабочих, разжигает в них чувство ненависти и возбуждает их к борьбе, вследствие чего содержание этого стихотворения носит признаки преступного деяния, караемого ч. 1 ст. 129 Уголовного уложения».

В. СВЕТОБОР

Дума. Напечатано в «Правде», 1912, № 128, 27 сентября. Сатирическое стихотворение В. Светобора, обличавшее антинародную сущность III Государственной думы, пользовалось большим успехом у рабочего читателя. Строки:

Эх ты, Дума, Дума-матушка,
На гнилой дыре заплатушка... —

стали бытовать в рабочей среде на правах поговорки. Характеристика черносотенно-кадетской Думы, данная в стихотворении В. Светобора, приобретала особенно злободневное значение, так как стихотворение появилось в тот момент, когда царское правительство занималось обеспечением предвыборных махинаций для завоевания контрреволюционного большинства в IV Думе.

П. ГОРБАЧЕВ

Ручей. Напечатано в «Правде», 1913, № 38, 15 февраля.

Л. КОТОМКА

Гляжу в свое оконце. Напечатано в «Правде», 1913, № 71, 26 марта. *Леонтий Котомка* — псевдоним Зеленского Владимира Иосифовича (род. в 1890 г.), советского поэта и журналиста.

М. ЖУРАВЛЕВА

Скалы и дубы. Напечатано за подписью «М. Борецкая» в журнале «Металлист», 1913, № 1, 19 апреля.

А. СЕРГЕЕВ

Гроза играет. Напечатано в «Рабочей правде», 1913, № 14, 28 июля.

Л. УЛАГАЙ

Наш путь. Напечатано в газете «Наш путь», 1913, № 2, 27 августа. Стихотворение Л. Улагая послужило одним из «оснований» для конфискации номера газеты.

Прощание. Напечатано в газете «Наш путь», 1913, № 8, 3 сентября.

П. СЕРГЕЕВ

Металл разбит. Напечатано в газете «Наш путь», 1913, № 5, 30 августа. Этим стихотворением московская большевистская газета (сама подвергавшаяся яростным преследованиям со стороны царских властей) выступила против цензурного террора, который свирепствовал в отношении «Правды».

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Кузнец. Напечатано за подписью «В—ый» в газете «Социал-демократ», 1913, 15 декабря.

А. БЛАГОВ

Дума. Написано в 1914 году. Печатается по книге А. Блага «Избранные стихи», М., «Советский писатель», 1946, стр. 14.

И. ДОДАЕВ

Разве не слышите?.. Напечатано в газете «Пролетарская правда», 1914, № 11(29), 15 января, затем в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914, по тексту которого воспроизводится.

В. ЛЬВОВ

Ожидание. Напечатано под псевдонимом «Кузьма Теркин» в газете «Путь правды», 1914, № 17, 20 февраля.

М. АРТАМОНОВ

Артамонов Михаил Дмитриевич (род. в 1888 году) — сын крестьянина-бедняка, служил лесным сторожем, затем фабричным рабочим в Иванове. Печататься начал в 1906 году, в 1913 году выпустил в Иванове две книги стихов — «Когда звонят колокола» и «Улица фабричная». На стихи Артамонова обратил внимание Горький, считавший его одаренным пролетарским поэтом. Годы первой мировой войны поэт провел в армии и вернулся к литературной работе только после революции.

Забастовка. Первоначально помещено в «Правде», 1914, № 42, 21 марта, затем (со стилистическими исправлениями) включено в «Первый сборник пролетарских писателей», по тексту которого печатается в настоящей книге.

В. А. КИЧУЙСКИЙ

Поэт. Напечатано в «Первом сборнике пролетарских писателей», 1914. Стихотворение пользовалось широкой популярностью среди рабочих; его заучивали, переписывали в дневники и тетради, распространяли в списках. Его большая известность привела к тому, что в 1917 году, в период боев за революцию, неизвестный рабочий корреспондент переделал его, убрал мотивы поэтической декларации и превратив в программно-политическое стихотворение. С этой целью он, за подписью «Н. В.», напечатал в «Донецком пролетарии» (1917, № 56, 1 сентября, стр. 3) стихотворение «Я верю», в котором полностью использовал 2-ю и 3-ю строфы произведения В. Кичуйского, 4-ю строфу отбросил, а 1-ю переработал следующим образом:

Я — борец за свободу,
Я — борец рокового прибоа,
Острый меч для холодных и черствых сердец,
Рядовой пролетарского строя.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Пушка и соха. Написано в августе 1914 года на фронте, под Люблином. Впервые напечатано в кооперативном журнале «Объединение», 1914, № 17, 12 декабря, перепечатано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 1, январь. Публикуется по авторизованной редакции 1930 года.

Закон и «Правда». Эпиграмма напечатана в журнале «Современный мир», 1915, № 11, стр. 152. Редакция «Праздны» была разгромлена царской охранкой 8 июля 1914 года, и газета была закрыта. Сообщение меньшевистской газеты «День» о том, что судебная палата сняла арест с №№ 18 и 19 «Правды» за 1913 год, дало Демьяну Бедному повод для острого сатирического стихотворения.

Барабан. Написано в 1915 году с целью обличения буржуазно-шовинистической прессы военного времени. Напечатано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 1. В 1917 году поэт включил это стихотворение в главу V второй части своей поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю».

Строки. Написано в 1915 году. Напечатано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 1. Стихотворение выражало протест против террористических действий царской военной цензуры, из-за которых многие журналы и газеты выходили с «белыми пятнами», свидетельствующими о цензурных изъятиях. Эпиграф взят из стихотворения Ф. Тютчева «Весенняя гроза».

Брак богов. Написано в 1914 году, напечатано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 2. В годы первой мировой войны Демьян Бедный, не имея возможности открыто выступать с антивоенными стихотворениями на страницах печати, взялся за переводы басен древнегреческого поэта Эзопа, подчеркивая при переводе антивоенные мотивы, усиливая в этом направлении идеи оригинала.

Кблесо и конь. Написано в 1915 году, напечатано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 2.

Плакальщицы. Написано в 1916 году, напечатано в журнале «Жизнь для всех», 1916, № 2.

«Баталисты». Написано в 1916 году. До революции не печаталось. Публикуется по авторизованной редакции 1930 года. Эпиграмма направлена против буржуазных литераторов, выступавших в годы первой мировой войны с шовинистическими и милитаристическими произведениями. А. Федоров и В. Муйжель были беллетристами, связанными с либерально-народническими кругами.

Среди «им подобных» литераторов, унизившихся до антихудожественной милитаристической пропаганды, Демьян Бедный имел в виду М. Арцыбашева, Леонида Андреева, Ф. Сологуба и др.

В. МАЯКОВСКИЙ

Из поэмы «Облако в штанах». Поэма писалась Маяковским с осени 1914 по июль 1915 года. Первое отдельное издание поэмы выпущено О. М. Бриком (П., 1915) с множеством цензурных изъятий. Второе издание, в котором поэт восстановил цензурные купюры, вышло после революции (М., изд. «Асис», 1918). В предисловии к этому изданию Маяковский подчеркивал революционное содержание своей поэмы, ее резко выраженный антибуржуазный характер: «Долой вашу любовь», «Долой ваше искусство», «Долой ваш строй», «Долой вашу религию» — четыре крика четырех частей». Вторая часть поэмы, включенная в настоящую книгу, печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, М., ГИХЛ, т. 1, 1939, стр. 188—193. *Крупны* — владельцы крупнейших предприятий империалистической Германии, работавших для военных целей. *Заратустра* — мифический пророк, реформатор религии в древнем Иране. *Бастилия* — крепость в Париже, превращенная с XV века в тюрьму. В 1789 году революционные массы штурмом захватили здание Бастилии, которое затем было снесено по решению Учредительного Собрания.

Вам! Резкий памфлет Маяковского, направленный против буржуазии, обогащавшейся на военных спекуляциях, был написан в феврале 1915 года и тогда же прочитан поэтом в петербургском артистическом подвале «Бродячая собака», где стихотворение вызвало бурю негодования со стороны буржуазной публики. Помещено под названием «Вам, которые в тылу» в сборнике «Взял», П., декабрь 1915, стр. 1 (при этом военной цензурой были сняты слова: «приведенный на убой»). Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. 1, стр. 75. *Северянин Игорь* (псевдоним И. В. Лотарева) — декадентский поэт, эстетские «поэзы» которого пользовались в то время большой популярностью в буржуазных кругах.

Гимн судье. Памфлет Маяковского, направленный против реакционногò правосудия», представлял одновременно замаскированную сатирическую атаку на самодержавие, угнетавшее народы России. Строки «В бедном Перу стихи мои даже в запрете под страхом пыток» (а именно в это время поэт особенно страдал от террора царской военной цензуры) говорят о том, что под «родной Перу» Маяковский имел в виду царскую Россию. Напечатано под названием «Судья» (с иллюстрацией художника А. Радакова) в журнале «Новый сатирикон», 1915, № 9, 26 февраля, стр. 2. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. 1, стр. 76—77.

Гимн ученому. Памфлет против буржуазной, антинародной псевдонауки; напечатан под названием «Ученый» (с иллюстрацией А. Радакова) в журнале «Новый сатирикон», 1915, № 12, 19 марта,

стр. 12. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. 1, стр. 78—79.

Гимн взятке. Памфлетное стихотворение, направленное против взяточничества, широко распространившегося в царской России; напечатано под инициалом «В.» (с иллюстрацией художника А. Радакова) в журнале «Новый сатирикон», 1915, № 35, 27 августа, стр. 2. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. 1, стр. 96—97.

Внимательное отношение к взяточникам. Вместе с другим стихотворением, «Гимн взятке» (см.), напечатано в журнале «Новый сатирикон», 1915, № 35, 27 августа, стр. 4. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. 1, стр. 98—99.

Мое к этому отношение. Памфлетный «портрет» капиталиста; помещено (без подзаголовка) в журнале «Новый сатирикон», 1915, № 38, 17 сентября, стр. 5. Подзаголовок «Гимн еще почтее» появился в сборнике В. Маяковского «Все сочиненное...» (1909—1919). Изд. ИМО, где стихотворение «Мое к этому отношение» (стр. 61) следовало за стихотворением «Теплое слово кое-каким порокам» (стр. 59), снабженным подзаголовком «Почти гимн». Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. 1, стр. 102—103. *Сытин* И. Д. — известный книгоиздатель и книготорговец дореволюционного времени. *Апухтин* А. Н. — поэт, стоявший на позициях «чистого искусства» и получивший широкую известность в эпоху реакции 80-х годов; отличался необыкновенной тучностью.

Х в о и. Антивоенное произведение, помещенное Маяковским под видом «рождественского», «елочного» стихотворения в журнале «Новый сатирикон», 1916, № 52, 22 декабря, стр. 11. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. 1, стр. 132—134.

А. ПОМОРСКИЙ

«Правда». Написано в 1914 году вскоре после разгрома царскими охранниками редакции «Правды», в первые дни империалистической войны. До революции не публиковалось. Печатается по книге Александра Поморского «Рождение песни», М., «Советский писатель», 1952, стр. 214.

Почта. Написано в 1916 году в Харьковской губернской тюрьме, куда автор был заключен за участие в демонстрации против империалистической войны. До революции не публиковалось. Печатается по книге Александра Поморского «Рождение песни», стр. 193—195.

А. МАШИРОВ

«...Еще скажи: в годину бед». Напечатано в журнале «Вопросы страхования», 1916, № 6—7, 30 июля, стр. 13. Перепе-

чатано в книге А. Маширова-Самобытника «Под красным знаменем», П., изд. «Пролеткульт», озаглавлено — «Завет» и датировано 1915 годом.

И. САДОФЬЕВ

Садофьев Илья Иванович (род. в 1889 году) — сын крестьянина, с восьми лет — «в люлях», с 1905 года — рабочий Семяниковского завода в Петербурге. Активно участвовал в революции 1905 года, был арестован. В 1916 году вновь арестован и выслан в Сибирь. К литературным интересам И. И. Садофьева энергично приобщал поэт-рабочий Николай Рыбацкий. Печататься Илья Садофьев начал в 1912 году в рабочей печати. В дореволюционные годы он был известен как «правдист», состоял в переписке с Максимом Горьким. В советские годы И. И. Садофьев выпустил ряд книг стихов; он выступает в печати как лирический поэт и переводчик белорусских, украинских и др. поэтов.

Четырнадцатый год. Написано в августе 1914 года. Печатается по книге Ильи Садофьева «Песня о Родине», Л., «Советский писатель», 1953, стр. 31.

Январские огни. Написано в декабре 1914 года, накануне десятилетия «кровавого воскресенья» 1905 года. Вспоминая события первой русской революции: 9-е января, восстания в Свеаборге и Кронштадте, бои на Красной Пресне и т. д., поэт утверждает неизбежность грядущей победы революционного народа. Печатается по книге Ильи Садофьева «Песня о Родине», стр. 32—35.

На пашне. Написано И. Садофьевым в начале 1916 года и первоначально представляло собой вторую часть стихотворения «Картины». В письме к М. Горькому от 2 апреля 1916 года автор просил выделить вторую часть стихотворения «Картины» в самостоятельное произведение, если Горькому удастся продвинуть в печать стихи из посланной ему тетради (см. «М. Горький. Материалы и исследования». Изд. Академии наук СССР, 1934, том 1, стр. 427—428). «На пашне» было впервые напечатано под псевдонимом «Аксень-Ачкасов» в «Правде» за 1917 год (№ 92, 10 июля).

А. БЕЛОЗЕРОВ

В мастерской. Написано в 1915 году. Печатается по книге Александра Белозерова «Мятежные вихри», Нижний-Новгород, изд. «Культура», 1928, стр. 44.

На борщике. Написано, как сообщил автор, в 1916 году. Печатается по книге Александра Белозерова «Мятежные вихри», стр. 45, с добавлением последней строфы, по недосмотру пропущенной в названной книге.

ВАЛ. КИЧУЙСКИЙ

Таежные напевы. Напечатано в журнале «Вопросы страхования», 1915, № 3, 16 марта, стр. 8.

Свидание. Напечатано в журнале «Вопросы страхования», 1915, № 6, 30 июля, стр. 4—5.

Л. КОТОККА

Поэту. Напечатано в журнале «Вопросы страхования», 1915, № 6, 30 июля, стр. 5.

Песня волн. Напечатано в журнале «Рабочие ведомости», 1916, № 1, август, стр. 7.

И. ЛОГИНОВ

Логинов Иван Степанович (1891—1941) — сын крестьянина-бедняка, поэт-коммунист. С 14 лет служил заводским рабочим в Петербурге. Литературную деятельность начал в 1913 году, активно сотрудничал как лирический поэт и сатирик в большевистской печати. В 1917 году вышел в свет первый сборник стихов И. Логинова «У станка», за которым в 20-х годах последовал ряд новых книг поэта.

Марсельеза социал-шовинистов. Написано в июле 1916 года и распространялось в списках, машинописных копиях и в виде листовок. Благодаря тому, что политический памфлет И. Логинова использовал хорошо известный мотив «Марсельезы», он получил в рабочей среде и в армии широкую песенную популярность. Напечатать это стихотворение удалось только после свержения самодержавия — в «Правде», 1917, № 38, 5 мая, стр. 1, и в московском «Социал-демократе», 1917, № 39, 8 мая, стр. 2. Вторая из этих публикаций была сделана без участия автора и существенно отличается от авторского текста (этот вариант приведен в сборнике «Пролетарские поэты», Л., «Советский писатель», 1939, т. III, стр. 322—323). Памфлет И. Логинова был направлен против шовинистического «патриотизма» эсдеков-меньшевиков (от Плеханова до депутата Государственной думы А. Ф. Бурьянова и предательской «рабочей» группы гучковского Военно-промышленного комитета). Вместе с тем поэт с позиций ленинского пролетарского интернационализма клеймил социал-предательский шовинизм деятелей Второго Интернационала (Вандервельде, Шейдемана, Геда и др.), ставших на путь сотрудничества с империалистическими правительствами своих стран и раскола международного пролетарского движения.

Поэту-мещанину. Напечатано в журнале «Наше слово», 1917, № 1, 24 января, стр. 9.

Певцу-пролетарию. Напечатано в журнале «Наше слово», 1917, № 4—5, 19 февраля, стр. 16; датировано: «Январь,

1917». Посвящено поэту-коммунисту А. И. Маширову (псевдоним — «Самобытник»), в то время сосланному за революционную деятельность в Восточную Сибирь.

Февраль — октябрь 1917

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Тофута мудрый. Написано сразу после свержения самодержавия и выражает большевистские позиции поэта, требующего завершения революции как социалистической. Напечатано в «Известиях Петроградского Совета Рабочих Депутатов», 1917, № 2, 1 марта. Под *Тофугой* поэт имеет в виду Николая II, под *Протоплутом* — царского министра внутренних дел А. Д. Протопопова.

«Власть» тосковала по «твердыне». Эпиграмма написана в связи с заключением царских министров в Петропавловскую крепость, служившую при царизме тюрьмой для политических заключенных. Напечатана в «Правде», 1917, № 1, 5 марта

Бабушка Ненила. Первоначально под названием «В хвосте за хлебом» напечатано в «Правде», 1917, № 20, 29 марта; затем включено в XXII главу третьей части поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю» (1917). Демьян Бедный использовал в своем стихотворении традиции фольклорной сатирической песни и образ бабушки Ненилы, позаимствованный из стихотворения Н. А. Некрасова «Забятая деревня».

Рабочие — солдатам. Первоначально напечатано под названием «Братья» в «Правде», 1917, № 23, 1 апреля; затем включено в XXV главу третьей части поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю».

Песня о земле. Сатирическое стихотворение, направленное против антинародной политики Временного правительства; напечатано в «Правде», 1917, № 28, 9 апреля; затем включено в XXII главу третьей части поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю».

Под знамя «Правды». Напечатано в «Правде», 1917, № 34, 16 апреля. Это стихотворение Демьян Бедный впоследствии включил в XXVI главу третьей части поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю», но иногда печатал его и отдельно.

Укрепляйте «Правду»! Напечатано в «Правде», 1917, 23 апреля. Большевистская «Правда» существовала на средства, собираемые рабочими. Поэт-«правдист» Демьян Бедный призывал рабочих поддержать свою газету, вербовать новых подписчиков, помочь редакции приобрести свою типографию и т. д. (аналогичные мотивы имеются в третьей части поэмы Демьяна Бедного

«Про землю, про волю, про рабочую долю», создававшейся в разгаре революционных боев 1917 года).

Приказано, да правды не сказано. Напечатано за подписью «Солдат Яшка—медная пряжка» в газете «Рабочий и солдат», 1917, № 9, 2 августа и под псевдонимом «Кастерный» в газете «Социал-демократ», 1917, № 159, 16 сентября. Стихотворение получило широчайшую известность в народных массах, настроения и чаяния которых оно выражало. В буржуазной печати в ответ на это стихотворение появились требования о привлечении автора к судебной ответственности. Свою «солдатскую песню» Демьян Бедный включил в XI главу четвертой части поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю» (1917).

«Либердан». Впервые напечатано в большевистской газете «Социал-демократ», М., 1917, № 141, 25 августа. Включено Демьяном Бедным в XIX главу четвертой части поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю». *Либердан*—словечко, образованное путем сочетания имен меньшевистских лидеров, прислушников буржуазии—М. И. Либера и Ф. И. Дана, активных участников так называемого Московского Государственного совещания, созданного контрреволюционными кругами в августе 1917 года.

Мой стих. Напечатано под названием «Стиль» и за подписью «Мужик вредный» в газете «Рабочий путь», 1917, № 17, 22 сентября. В первой редакции стихотворение имело продолжение, представлявшее собой ответ на клеветнические нападки меньшевистской «Новой жизни» (poleмический характер стихотворения подчеркивался эпиграфом: «Новая жизнь» не одобряет стиля «Мужика вредного»). Стихотворение печатается в окончательной авторской редакции.

Социал-зайки. Стихотворение, направленное против меньшевистско-эсеровских социал-предателей народа, напечатано, за подписью «Друг сердечный», в газете «Рабочий путь», 1917, № 18, 23 сентября.

В. МАЯКОВСКИЙ

Революция. Стихотворение датировано: «17 апреля 1917 года. Петроград». Напечатано с подзаголовком «Хроника» в газете «Новая жизнь», 1917, № 29, 21 мая. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. II, стр. 9—16. В литературной автобиографии поэт отмечает, что с первых дней после свержения самодержавия взялся за написание «поэтохроники» «Революция» (отражавшей события февральской революции и выражавшей надежду на торжество революции социалистической). *Волынский полк*—первый из полков петроградского гарнизона, перешедших на сторону революции. *Военная автомобильная школа*—место военной службы Маяковского, который во время революции «пошел с автомобилями к Думе... Принял на несколько дней команду автошколы» (из автобиографии поэта). *Марсельский марш*—«Марсельеза», которую в 1792 году под названием «Гимн

марсельцев» принес в Париж марсельский батальон. *Марат* Жан-Поль — один из виднейших вождей французской буржуазной революции конца XVIII века.

Сказка о красной шапочке. Напечатано под названием «Сказочка» и с ироническим подзаголовком «Цвету интеллигенции посвящаю» в газете «Новая жизнь», 1917, № 88, 30 июля (с причинах скорого разрыва Маяковского с этой газетой см. в примечании к стихотворению «К ответу!»). Стихотворение представляет памфлет на так называемую конституционно-демократическую (кадетскую) партию, маскировавшуюся заигрыванием с «республиканскими элементами» свою буржуазно-дворянскую, контрреволюционную сущность. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. II, стр. 17.

К ответу! Написано в августе 1917 года. Напечатано в «Новой жизни», 1917, № 96, 9 августа. (Эту газету, руководители которой колебались между соглашателями и большевиками, Маяковский вскоре покинул из-за ее меньшевистского характера). Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. II, стр. 18—19. *Албания* — в 1917 году была захвачена англо-французскими и сербскими войсками. *Босфор* — пролив между Черным и Мраморным морями, захват которого являлся одной из целей империалистического антантовского союза во время первой мировой войны. *Месопотамия* — в период первой мировой войны провинция Османской империи, захваченная и временно порабощенная английскими войсками.

Интернациональная басня. Написано в 1917 году. Тема сатирического стихотворения Маяковского: распад Антанты в связи со свержением самодержавия в России. Печатается по Полному собранию сочинений В. В. Маяковского, т. II, стр. 20. *Петух* (галльский) — Франция. *Дог* — Англия. *Вор* — царь Николай II.

А. БОГДАНОВ

Песня о красном знамени. Написано в виде эпилога к поэме «Бездомные» (1907—1908). Помещено в 1917 году в «Рабочей газете», № 6, 12 марта, стр. 1. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», М., ГИХЛ, 1936, стр. 146—147.

Погибшим товарищам. Напечатано в день похорон борцов за революцию в газете «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1917, № 22, 23 марта, стр. 1.

Интернационал. Вольный перевод 3-й, 4-й и 5-й строф международного пролетарского гимна, написанного Эженом Потье. В осуществленном А. Коцем русском переводе «Интернационала» (см.), ставшем гимном русских рабочих и Коммунистической партии, эти строфы отсутствовали, и А. Богданов решил дополнить русский текст «Интернационала» тремя новыми строфами, кото-

рые в 1917 году, в период между февралем и Октябрем, звучали чрезвычайно актуально. Печатается по книге А. Богданова «Стихи», стр. 151—152.

А. БЕЛОЗЕРОВ

Клич призывный. Написано в 1917 году при первом известии о начале революционных событий в Петрограде (свержение самодержавия). Печатается по книге Александра Белозерова «Мятежные вихри», Нижний-Новгород, изд. «Культура», 1928, стр. 47.

Хлеба и мира. Написано в 1917 году как отклик на революционные и антивоенные действия петроградских рабочих в дни свержения самодержавия. Печатается по книге Александра Белозерова «Мятежные вихри», стр. 62.

Я. БЕРДНИКОВ

«Свершилось... И рухнули своды». Написано Я. Бердниковым в день свержения самодержавия. Напечатано за подписью «Я. Б.» в «Правде», 1917, № 2, 7(20) марта, стр. 4.

Жертвам революции. Напечатано в «Правде», 1917, № 59, 30 мая, стр. 3.

Думы солдатские. Напечатано в газете «Солдатская правда», 1917, № 24, 30 мая, стр. 1.

И. САДОФЬЕВ

В тюрьме. Напечатано в газете «Рабочий», 1917, № 9, 13 сентября, за подписью «Аксень-Ачкасов». В основе этого стихотворения лежат мотивы стихов, написанных И. Садофьевым в 1916 году во время заключения в тюрьме «Кресты». Взяв за основу стихотворение, написанное годом ранее (текст его см. в книге: «Пролетарские поэты». Л., «Советский писатель», 1939, т. III, стр. 336; см. также окончательную редакцию стихотворения 1916 года в книге Ильи Садофьева «Песня о Родине», стр. 38), поэт актуализировал его в соответствии с политической борьбой осени 1917 года, подчеркнул зависимость «республиканцев» из Временного правительства от их зарубежных империалистических хозяев, заклеил политику контрреволюционного, антинародного террора, осуществлявшуюся Временным правительством.

Перед рассветом. Напечатано за подписью «Аксень-Ачкасов» в газете «Рабочий путь», 1917, № 32, 23 октября.

А. ПОМОРСКИЙ

Крестьянские мотивы. Напечатано в «Правде» за 1 апреля 1917 года, № 23, стр. 4.

И. ЛОГГИНОВ

Поклянемся. Напечатано в «Правде», 1917, № 17, 25 марта. Стихотворение посвящено памяти борцов революции, похороны которых состоялись 23 марта 1917 года на Марсовом поле в Петрограде.

Накануне. Напечатано в «Правде», 1917, № 25, 6(19) апреля. Стихотворение помещено среди материалов, посвященных подготовке к Первомайскому празднику.

Путь пролетария. Напечатано в «Правде», 1917, № 31, 13(26) апреля.

На заводе. Напечатано в «Правде», 1917, № 31, 13(26) апреля.

Кровавый сенокос. Напечатано в «Правде», 1917, № 97, 15 июля.

Братание. Напечатано в газете «Рабочий и солдат», 1917, № 14, 8 августа.

Поповский манифест. Напечатано в газете «Солдат», 1917, № 41, 2 сентября.

Опека. Напечатано в газете «Солдат», 1917, № 43, 5 октября.

А. КРАЙСКИЙ

Крайский Алексей — псевдоним Кузьмина Алексея Петровича (1892—1942), поэта, сотрудника большевистских изданий и участника революционного движения. Литературную деятельность начал в 1916 году. В советские годы выступал в печати как поэт и автор литературно-критических работ и пособий в помощь начинающим писателям.

Еще немного. Напечатано за подписью «А. П. Кузьмин» (фамилия поэта, избравшего затем псевдоним — Алексей Крайский) в книге «Под знамя „Правды“» (Первый сборник общества пролетарских искусств), П., изд. «Прибой», 1917, стр. 9.

Л. КОТОМКА

Привет «Правде». Стихотворный отклик, приветствующий возобновление выхода центрального органа партии большевиков. Напечатано без подписи в «Правде», 1917, № 53, 23 мая. В книге «Пролетарские поэты», Л., «Советский писатель», 1939, т. III, стр. 338, установлено, что автором этого стихотворения является поэт Леонтий Котомка (В. Зеленский).

«Холодные дни миновали». Напечатано в «Правде», 1917, № 53, 23 мая в разделе «Крестьянское движение».

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

Товарищ. Написано в 1917 году. Печатается по книге Д. Семеновского «Стихи», М., «Советский писатель», 1947.

Сходка. Написано в 1917 году. Печатается по книге Д. Семеновского «Стихи».

А. БЛАГОВ

Призыв. Написано в 1917 году. Печатается по книге А. Благова «Избранные стихи», Ивановское обл. гос. изд-во, 1933, стр. 35.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

«Смелей в борьбу, молодые силы!» Напечатано за подписью «Пролетарий» в № 1 восстановленной после свержения самодержавия большевистской «Правды» (1917, 5 марта).

Привет товарищам. Напечатано без подписи в «Правде», 1917, № 7, 12 марта в связи с объявлением амнистии политическим узникам самодержавия.

Пора! Напечатано за подписью «Владимир К—н» в «Правде», 1917, № 10, 16 марта.

Е. ДОЛЬСКИЙ

В день похорон. Напечатано в «Правде», 1917, № 16, 23 марта, стр. 2. Посвящено памяти борцов за революцию, похороны которых состоялись 23 марта на Марсовом поле в Петрограде.

И. РАТОМСКИЙ

Воинам революции. Напечатано в «Правде», 1917, № 22, 31 марта, в разделе «Единение солдат и рабочих».

А. ХУТОРОВ

Из каторжных мотивов. Напечатано в «Правде», 1917, № 31, 13 апреля, в разделе «Единение солдат и рабочих».

И. ИВАНОВ

К товарищам. Напечатано в «Правде», 1917, № 33, 15 апреля.

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Узники. Напечатано без подписи в «Правде», 1917, № 24, 5 апреля.

Ф. ШВЕДОВ

Меньшевикам. Обличительное стихотворение Ф. Шведова, клеймящее предателей народа — меньшевиков, напечатано в газете московских большевиков «Социал-демократ», 1917, № 59, 19 мая, стр. 2.

Д. СЕМЕНОВ

Пала старая власть. Напечатано в «Правде», 1917, № 61, 1 июня, стр. 3. Демьян Семенов, автор стихотворения, — слесарь на железной дороге.

В. СОРОКИН

Доколе ж, братья. Напечатано в газете «Социал-демократ», Саратов, 1917, № 30, 15 июня, стр. 3. Однако в первой публикации отсутствовали сопровождающие строки (от слов: «Враги народа, лжецы, шакалы...»). Перепечатано и дополнено в «Правде», 1917, № 78, 23 июня. *Нацепившие банты...* — имеются в виду представители буржуазных и мелкобуржуазных партий, «украсившиеся» республиканскими кокардами и продолжавшие политику войны под прикрытием демагогических фраз о «демократии».

А. СОЛОВЬЕВ

Соловьев Алексей Николаевич — сын рабочего, сменивший множество профессий — от чернорабочего до деревенского батрака. В революции 1905 года участвовал активно, был арестован и содержался в тюрьме «Кресты». Печататься начал в «Правде» в 1914 году под псевдонимом «Нелюдим».

«Выше знамя, товарищи, выше!» Напечатано под псевдонимом «Нелюдим» в «Социал-демократе», 1917, № 118, 27 июля, стр. 2.

Б. ГАНЦЕВ

Бойня. Напечатано в «Правде», 1917, № 99, 18 июля. Автор стихотворения — солдат, коммунист. *Шейдемань* — нарицательное определение социал-демократических реформистских предателей, в годы мировой войны поддерживавших и проводивших политику империалистической буржуазии (от имени Филиппа Шейдемана — одного из наиболее реакционных представителей германской правой социал-демократии).

Клеветникам. Напечатано за подписью «Солдат 171-го пехотного полка Б. Ганцев» в «Пролетарской правде», 1917, № 11, 22 августа. Стихотворение клеймит продажную буржуазную печать, злобно клеветавшую на вождей и руководителей социалистического рабочего революционного движения.

И. БАТИЩЕВ

Интернационал. Напечатано в «Пролетарской правде» (Тула), 1917, № 16, 10 сентября, стр. 2—3. Автор — Ив. Ив. Батищев (1889—1917), рабочий, коммунист, с 1903 года участвовавший в революционной борьбе.

Приложения

Г. ГАЛИНА

Г. Галина — псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг, лирической поэтессы, выступившей в начале века с книгами «Стихотворения» (1902) и «Предрасветные песни» (1906) и сборником сказок для детей («Сказки», 1904).

Лес рубят. Стихотворение было написано в знак протеста против правительственных репрессий, направленных на расправу с революционно настроенной частью студенчества. 29 июля 1899 года царским правительством были изданы «временные правила» об отдаче в солдаты студентов участников «крамольных действий». В январе 1901 года эти террористические «правила» были применены к 183 киевским студентам. 4 марта 1901 года в Петербурге состоялась революционная демонстрация против правительственной расправы со студентами.

Как вспоминает писатель Скиталец (С. Г. Петров), Г. Галина прочитала свое стихотворение накануне этой демонстрации в петербургском «Союзе писателей», вскоре закрытом властями. «На эстраде, — рассказывает Скиталец, — молодая поэтесса декламировала свои стихи, в которых заключались всем понятные намеки на готовящуюся демонстрацию...» (Сб. «Горький на родине», Горьковское обл. изд., 1937, стр. 150). При чтении стихотворения присутствовали В. Г. Короленко, Максим Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко и другие видные деятели литературы, журналистики и театра. В связи с демонстрацией 4 марта 1901 года и новыми репрессиями властей против студенчества стихи Г. Галиной получили широкую известность. Без подписи автора они неоднократно печатались в подпольных и зарубежных социал-демократических изданиях. После 1905 года они печатались легально, за авторской подписью.

Стихотворение печатается по сборнику «Избранные произведения русской поэзии». Составил В. Бонч-Бруевич. Изд. «Знание», изд. 5-е, 1909, стр. 224.

Последний выстрел. Написано в 1901 году в связи с событиями англо-бурской войны. Стихотворение было популярно в революционной среде как произведение, воспевающее борцов за свободу и независимость. Печатается по сборнику «Избранные произведения русской поэзии», стр. 225.

О. ЧЮМИНА

Чюмина Ольга Николаевна (1864—1909) — поэтесса и переводчица, автор ряда лирических стихотворений, проникнутых революционными настроениями, и стихотворных памфлетов, направленных против деятелей царского режима. Сатирические стихи О. Чюмина печатала под псевдонимами «Бой-Кот» и «Оптимист».

Памяти А. Н. Плещеева. Написано в 1903 году к десятилетию кончины известного русского поэта-демократа Алексея Николаевича Плещеева, участника кружка Петрашевского, автора популярного революционного стихотворения «Вперед, без страха и сомненья...» Печатается по книге О. Н. Чюминой (Михайловой) «Новые стихотворения», СПб., 1905, т. 3 (1898—1904), стр. 28—29.

Лебединая песнь. Написано в 1904 году как отклик на кончину А. П. Чехова. Стихотворение выражало отношение прогрессивных демократических кругов к Чехову, в творчестве которого демократы по праву видели предвестие наступающих революционных событий. Печатается по книге О. Чюминой (Михайловой) «Новые стихотворения», стр. 30—31.

Колыбельная песня. Стихотворение, пародийно использующее форму известной лермонтовской «Казачьей колыбельной песни», представляет собой памфлет на генерал-майора Д. Ф. Трепова, одного из свирепейших сатрапов Николая II, являвшегося в 1905 году петербургским генерал-губернатором, а затем товарищем министра внутренних дел. Трепов был вдохновителем кровавых черносотенных погромов, ему принадлежал приказ «патронов не жалеть» при расправах с революционными рабочими. Кровавая палаческая деятельность Трепова развернулась особенно широко после опубликования царского манифеста от 17 октября 1905 года, которым даровалась так называемая «куцая конституция». С мотивами сатирического стихотворения О. Чюминой перекликалась опубликованная в сатирическом журнале 1905 года «Пулемет» карикатура, изображавшая отпечаток кровавой лапы Трепова на «высочайшем манифесте» царя. Стихотворение печатается по книге Бой-Кот «Песни о четырех свободах», СПб., изд. «Прогресс нашей жизни», 1906, стр. 3—4.

Заем. Написано в 1906 году. Стихотворение по форме представляет вариацию известного произведения шотландского поэта Роберта Бернса — «Финдлей» («Кто там стучится в поздний час?» — «Конечно, я — Финдлей!» ...»). Памфлет О. Чюминой направлен против царского министра финансов графа В. Н. Кокорцова, который широко прибегал к внешним займам, «укреплял» бюджет винной монополией, боролся против расширения финансовых и бюджетных прав Государственной думы. Печатается по книге Бой-Кот «Песни о четырех свободах», стр. 15.

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952) — известная поэтесса и переводчица, автор многочисленных работ по вопросам

театра и мемуаров о выдающихся деятелях русской литературы и театра («Дни моей жизни», 1928, и др.).

На родине. Написано в 1905 году, широко использовалось большевистской печатью 1905—1907 годов. За подписью «Гренадер» было напечатано в подпольном издании «Солдатская жизнь», 1906, № 1, печаталось также (без подписи) в нелегальных газетах большевиков: «Солдатская беседа», 1906, № 2, «Голос солдата», Рига, 1906, № 5. Было помещено в «Солдатской газете» (1907, № 1), один из экземпляров которой был отобран у В. В. Маяковского при аресте его в марте 1908 года. . . в Александровском парке в Петербурге 9 января 1905 года (при расстреле рабочей демонстрации на Дворцовой площади) царскими полицейскими было убито множество детей.

• Д. ЦЕНЗОР

Цензор Дмитрий Михайлович (1879—1947) — поэт, получивший известность в 1905—1906 годы благодаря ряду удачных произведений революционной лирики. В годы первой революции некоторые его стихотворения печатались большевистскими газетами. В советские годы много работал в сатирических жанрах, писал стихи для детей, вел активную общественную работу, вступил в Коммунистическую партию.

Их расстреляли. Написано в декабре 1905 года как отклик на кровавую расправу с восставшими московскими рабочими. Помещено в журнале «Молот», 1906, № 2, 8 января, к годовщине «кровавого воскресенья» — 9 января 1905 года. Стихотворение Д. Цензора пользовалось большой популярностью в революционной среде: оно многократно перепечатывалось, исполнялось с эстрады. Печатается по книге Дмитрия Цензора «Стихотворения» (1903—1938), Л., «Советский писатель», 1940, стр. 23—24.

На братской могиле. Написано в 1905 году. Печатается по книге Дмитрия Цензора «Стихотворения» (1903—1938), стр. 40.

И. м. Написано в 1906 году. Печатается по книге Дмитрия Цензора «Стихотворения» (1903—1938), стр. 16.

Солдатская песня. Написано в 1906 году, опубликовано в большевистской подпольной газете «Казарма», 1906, № 8. Печатается по окончательной авторской редакции (содержащей незначительные стилистические исправления по сравнению с первопечатным текстом), представленной в книге Дмитрия Цензора «Стихотворения» (1903—1938), стр. 25—26.

В. БОГОРАЗ-ТАН

Богораз Владимир Германович, псевдоним — Н. А. Тан (1865—1938), беллетрист и поэт, ученый-этнограф. В 80-х годах

был связан с народовольческим движением, провел около 10 лет в ссылке в Якутии. После революции 1905 года встал на либерально-народнические позиции. В советские годы вел активную научную работу в Академии наук СССР и Ленинградском университете.

Песня. Впервые напечатана под заглавием «Из Уота Уитмана» и с подзаголовком «Перевод с английского» (а также за подписью «Тан») в журнале «Начало» 1899, № 3, март, стр. 209—210. Стихотворение Тана вызвало злобное раздражение царских цензоров. Петербургский цензурный комитет писал в Главное управление по делам печати, что «в мартовской книге журнала «Начало» продолжается подкапывание под современный строй России во всех отношениях. Участники журнала являются злейшими врагами России... Они стараются даже поэтизировать свою поистине проклятую задачу». И далее цензор цитировал стихи Тана как ярко революционные. В революционных кругах стихи Тана были приняты чрезвычайно тепло; они стали популярнейшим произведением, часто перепечатывавшимся большевистской печатью. При этом они печатались по тексту журнала «Начало» (где Тан выступал как переводчик). В таком виде они были помещены, в частности, в «Сборнике революционных песен» (изд. Петербургского комитета РСДРП, 1916) и в «Правде» за 1917 год, 1 мая, № 35. Между тем стихотворение «Из Уота Уитмана» не было переводом, а представляло собой оригинальное произведение, использующее отдельные мотивы, характерные для поэзии американского писателя-демократа Уитмена, но разрабатывающее их вполне самостоятельно. В 1899 году Тану пришлось прибегнуть к маскировке, представать в печати в качестве переводчика, чтобы провести стихотворение через цензуру. Дважды месяцами позже он пытался повторить этот прием и поместить в № 5 «Начала» свое революционное стихотворение «Прилив» также под видом перевода. Однако на этот раз его замысел был разгадан цензурой. (См. примечание к стихотворению «Прилив»). Впоследствии, включая стихотворение в свои сборники, выходившие после 1905 года, Тан печатал его как оригинальное, а не как перевод. «Песня» печатается по тексту, помещенному в книге В. Г. Тана «Стихотворения», СПб., изд. 4-е, 1910, стр. 14—15 (заголовок дан нами на основании других публикаций стихотворения). В окончательной редакции Тан исключил несколько строф из первопечатного текста в котором за третьей строфой следовали еще две:

Кто выронил молот и острый резец?
Мы рвемся работать взамен
И строить великий народный дворец
Из камня разобранных стен.

Чьи мутные взоры поникли к земле?
Пытливо глядим мы вперед,
Упрямо стремимся увидеть во мгле
Зари отдаленный восход.

Первопечатный текст содержал также следующую предпоследнюю строфу:

И ветер пред утром повеял теплый
Во мраке на каждом шагу,
Незримые струйки оживших ключей
Уж роятся тайно в снегу.

Уitmenовские оптимистические мотивы этого стихотворения высоко ценил И. В. Сталин, который три раза (в 1912, 1917, 1924 годах) процитировал в своих произведениях строки:

Мы живы, кипит наша алая кровь
Огнем неистраченных сил.

(И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 225,
т. 3, стр. 142, т. 6, стр. 273.)

Прилив. Написано в 1899 году. Тан пытался выдать это стихотворение за перевод с английского, но царская цензура разобралась в предпринятой автором мистификации. Характеризуя материалы № 5 журнала «Начало», представленные для утверждения к печати, цензор написал: «Чтобы выяснить отношение журнала «Начало» к принципам революции, следует отметить стихотворение г. Тана «Прилив», переведенное якобы с английского, из несуществующего, повидимому, поэта Гранмора». Впоследствии, не нуждаясь более в маскировке, Тан публиковал это стихотворение как оригинальное. «Прилив» печатается по книге В. Г. Тана «Стихотворения», стр. 19—22. А. М. Калмыкова, которой посвящено стихотворение, — видный педагог, общественница, оказывавшая материальную помощь большевистским издательствам.

Песня о паре. Стихотворение активного чартистского деятеля, публициста и поэта Эдуарда П. Мида, опубликованное в 1843 году и вскоре переведенное на немецкий язык Фридрихом Энгельсом. Приводя целиком это стихотворение в шестой главе своей работы «Положение рабочего класса в Англии», Энгельс сопроводил его следующим замечанием: «В заключение приведу стихотворение, выражающее взгляд самих рабочих на фабричную систему. Оно написано Эдуардом П. Мидом из Бирмингама и верно передает господствующее среди рабочих настроение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 470). Перевод стихотворения Мида — одного из ранних произведений рабочей социалистической поэзии — печатается по книге В. Г. Тана «Стихотворения», стр. 30—31.

Предсмертная песня. Написано летом 1906 года. В основе стихотворения лежит подлинный исторический факт: расстрел семи кронштадтских моряков-минеров, участвовавших в восстании на форте «Константин». По приказу коменданта Кронштадта Адлерберга минеров заставили перед казнью копать могилы. Расстрелом моряков «командовал» генерал Ракинт. Стихотворение Тана было размножено в виде специальной листовки, выпущенной

десятитысячным тиражом большевистской газетой «Казарма» в июле—сентябре 1906 года. За подписью «Тан» стихотворение было помещено в подпольной газете большевиков «Голос солдата», Рига, 1906, № 21, 14 ноября, под названием «Перед смертью». В 1917 году «Предсмертная песня» была, под названием «Минирам», перепечатана «Голосом правды», Кронштадт, № 60, 10 июня.

Царские гости. Написано в конце 1906 года. Стихотворение было вызвано очередным кровавым преступлением контр-революционеров — произведенным под руководством коменданта кронштадтской крепости генерала Адлерберга расстрелом 19 матросов-революционеров. Матросы были расстреляны 21 сентября на батарее «Литке», трупы их были уложены в девять мешков и брошены в море у Толбухина маяка. Стихотворение было без подписи помещено в большевистской газете «Казарма», 1907, № 11, 25 января и перепечатано целым рядом изданий большевистских военных организаций. Авторство В. Богораза-Тана было установлено в статье И. Эвентова «Подпольная солдатская поэзия 1905—1907 гг.» («Звезда», 1935, № 8) и подтверждено Таном.

СКИТАЛЕЦ

Скиталец — псевдоним Степана Гавриловича Петрова (1869—1941), известного поэта и беллетриста, члена демократических писательских объединений «Среда» и «Знание». Многие стихи и песни Скитальца, созданные в начале века, в период наибольшего сближения их автора с Максимом Горьким, пользовались любовью рабочих-революционеров, участников первой русской революции.

Кузнец. Написано в 1901 году. Печатается по книге Скитальца «Избранные стихи и песни», М., ГИХЛ, 1936, стр. 26—27.

Я упал с облаков. Написано в 1901 году и опубликовано в 1902 году в сборнике «Литературное дело». В стихотворении отчетливо сказывается влияние горьковской «Песни о Соколе». Печатается по книге Скитальца «Избранные стихи и песни», стр. 60.

Нет, я не с вами. Написано в 1902 году. В декабре этого года прочитано на литературном вечере в московском зале «Благородного собрания». Резко антибуржуазный характер этого стихотворения вызвал бурную реакцию собравшихся. Присутствовавший на вечере писатель Н. Телешов вспоминает: «Полицейский пристав, сидевший на дежурстве в первом ряду кресел, не дожидаясь конца, не поднялся, а вскочил и резко заявил, что прекращает концерт. Публика с криками бросилась с мест к эстраде, придвинулась вплотную, а молодежь полезла даже на самый помост, чтобы приветствовать автора...» (Н. Телешов. «Записки писателя», М., ГИХЛ, 1953, стр. 48). После этого выступления Скитальцу пришлось временно уехать из Москвы, а устроителей вечера полиция привлекла к судебной ответственности. Стихотворение печатается по книге Скитальца «Избранные стихи и песни», стр. 24—25.

У з н и к. Написано в 1906 году. Печтается по книге Скитальца «Избранные стихи и песни», стр. 51—52.

Я и меч. Написано в 1906 году. Вошло в книгу Скитальца «Рассказы и песни», СПб., изд. «Знание», 1907, том 2, по тексту которой печатается в данном сборнике.

Тихо стало кругом. Написано в 1906 году, тогда же напечатано в девятой книге сборников «Знание». Под тем же названием вошло во второй том «Рассказов и песен» Скитальца. Без заглавия перепечатано в книге Скитальца «Избранные стихи и песни», стр. 33—34.

На это стихотворение Скитальца обратил внимание В. И. Ленин, использовавший его образы для характеристики периода затишья после отчаянной борьбы, когда наверху «отдыхает уставший от победы», обожравшийся зверь, а внизу «точат мечи», собирая новые силы для новых великих боев (см.: В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 194). При этом В. И. Ленин привел в подстрочном примечании три строфы из стихотворения Скитальца: первую, четвертую и пятую.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Максим Горький* — между стр. 48—49.
- Г. М. Кржижановский* (1895) — между стр. 64—65.
- А. Я. Коц* (фото конца 90-х годов) — между стр. 112—113.
- А. В. Луначарский* — между стр. 192—193.
- С. А. Басов-Верхоянцев* (1905) — между стр. 208—209.
- И. Е. Привалов* (1905) — между стр. 272—273.
- Я. Е. Коробов* — между стр. 288—289.
- Демьян Бедный в студенческой форме* (1905—1907) — между стр. 304—305.
- Группа поэтов-«правдистов»: *Я. Бердников, И. Садофьев, И. Логинов, А. Маширов* — между стр. 320—321.
- А. А. Белозеров* (фото 1902 года) — между стр. 432—433.
- В. В. Маяковский* — между стр. 448—449.
- А. А. Богданов* (Волжский) — между стр. 464—465.
- А. Н. Благов* — между стр. 496—497.
- Скиталец* (С. Г. Петров) — между стр. 512—513.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Вступительная статья. А. Дымшиц 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1890 — 1901

М. ГОРЬКИЙ

Девушка и Смерть 37 544
Легенда о Марко 44 544
Песня о Соколе 46 545

Е. НЕЧАЕВ

Безработный 51 545
Душно 53 545
Язычница 55 545

А. БОГДАНОВ

На заводе 57 546
Босяк 59 546

Л. РАДИН

Смело, товарищи, в ногу... 61 546
Снова я слышу родную «Лучину»... 62 547
Смелей, друзья, идем вперед... 63 547

¹ Первая цифра соответствует странице стихотворения, вторая — странице примечания.

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Варшавянка	64 547
Красное знамя	66 547
Беснуйтесь, тираны...	68 548

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Вперед!	69 548
«Прогнили основы, и рушиться зданье»	70 548
Ты ведь не раз уж встречался с законом...	71 548
«Марсельеза»	72 548
Праздник 1-го Мая	75 549
Сказка о попе и черте	77 549
Камаринская	80 549
Развернув знамена победные...	83 550
Кто под землей и на земле...	84 550
Памяти друга	86 550
Ночью в мастерской	87 550
Машинушка	90 550

1901 — 1904

М. ГОРЬКИЙ

Песня о Буревестнике	93 551
Солнце всходит и заходит...	95 551

А. БОГДАНОВ

Песня пролетариев...	96 551
Студенческая марсельеза	97 552
Перед заводами	100 552
«Боже, царя храни...»	101 552
Опричники	102 552
18 апреля (1 мая) 1901 года	103 552
Первое мая (1903 г.)	104 553
Свободное слово	106 553

А. КОЦ

Интернационал	107 553
Песнь пролетариев	109 554
Я слышу звук его речей...	111 554
Майская песнь	113 555
Гимн свободе	114 555

А. БЕЛОЗЕРОВ

Из песен труда	116 555
--------------------------	---------

ЕВГ. ТАРАСОВ

На левом берегу 118 555

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

На заре нового века	120 556
Солдатская песнь	121 556
Майский праздник	124 556
В погоне за миллионами	126 556
Тяжко мне...	128 556
Кто в рудниках таится...	130 556
Песня	132 556
На улицу!	134 557
Первое мая	135 557
Майская песня	137 557
Майская песня рабочих	139 557
Прочь с дороги...	141 557
Дума рабочего	143 557
Призыв	144 557

1905 — 1907

ЕВГ. ТАРАСОВ

...Возникла в глухую январскую ночь...	146 557
Руки прочь!	148 557
Пройди стороной	150 558
Дерзости слава	151 558
Смолкли залпы запоздалые...	152 558
Братьям	154 558
Ты говоришь, что мы устали...	155 558
Песня о свинце	157 558
На Волге	158 558
Меж хлебов	159 558
Старый дом	160 558
Быть урожаю	162 558
Забуть не могу	164 559
Будем смеяться	165 559

А. КОЦ

9 января	167 559
Клятва	169 559

А. БЕЛОЗЕРОВ

Первое мая	171 559
Вопли матерей	173 559
Перед боем	175 559
На баррикадах	176 559
Узник	177 560

А. ЖИКУЛЬЧИК

Песня кузнеца	178 560
«Не верь врагам»	179 560
«Хоть вяжи не вяжи»	180 560

А. БОГДАНОВ

В подполье	181 560
После боя	182 560

И. ЭДИЕТ

На десятой версте от столицы	183 560
Безумству храбрых поем мы славу	185 560

И. ПРИВАЛОВ

Не талантом меня наделила судьба	186 561
По поводу положения о Думе	187 561
Друзья! Довольно слез и стона	189 561
Прядильщики	191 561
Безработный	193 562
Кузнецу	195 562

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

К юбилею 9 января	197 562
Два либерала	203 562

Е. НЕЧАЕВ

Мой храм	205 563
Гутарям	206 563

С. ВАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

Из поэмы «Конек-Скакунок»	207 563
-------------------------------------	---------

М. САВИН

Хозяева и рабочие	219 564
-----------------------------	---------

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Девятое января	221 564
Страшиться, палачи!	223 564
Смерть революционера	224 564
К солдату	227 564
Песня солдат	229 565

Последний царь	230 565
Крестьянская песня	234 565
На смерть Баумана	236 565
Набат	238 565
Ни шагу назад...	239 565
Песня	240 566
Эпиграмма	241 566
Осел и собака	242 566
Мы — братья	245 566

1 9 0 8 — 1 9 1 1

А. Г М Я Р Е В

Мои песни	247 567
Набат	249 567
Призыв	250 567
Они победили...	251 567
Не жди меня...	252 567
Сокол	253 567
Я погибну, но вместе со мной не умрут...	254 567

А. Б О Г Д А Н О В

Дорожка	255 568
Былое	256 568
Два стана	257 568
Возвращение	258 568

А. Б Е Л О З Е Р О В

Памяти товарища	259 568
---------------------------	---------

Н. Р Ы Б А Ц К И Й

Песня пария	260 568
9-е января	262 569
Перестукиваемся	264 569

А. П О М О Р С К И Й

Рабочий дворец	266 569
«Ты меня, любимая, спросила»	268 569

И. П Р И В А Л О В

Если, товарищ...	269 569
--------------------------	---------

Ф. ШКУЛЕВ

Из моего прошлого	271 570
Гимн труду	273 570
Куем	275 570

Я. БОРОВОВ

Последний день	276 571
--------------------------	---------

А. БЛАГОВ

Стон ткачихи	278 571
------------------------	---------

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

«С тревогой жуткою привык встречать я день»	280 571
Сынок	281 571
О Демьяне Бедном, мужике вредном	283 571
«Ночной порой, когда луна»	284 572

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Утро 1-го Мая	285 572
Вороженный	286 572
Песня рабов	288 572
Зима	289 572
Он думает, что победил...	291 572
Не для цепей, а для мечей...	292 572
«Очнись, воспрянь! Смотри кругом»	294 572
Всероссийский алкоголик...	295 573

1 9 1 2 — 1 9 1 4

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Лена	296 573
«Полна страданий наших чаша»	297 573
Кукушка	298 573
«Трибун»	300 573
Гуманность	302 573
Газета	304 574
Порода	305 574
Дом	307 574
Лапоть и сапог	310 574
Кларнет и рожок	313 574
Свеча	314 574
Клоп	316 575
Ерши и вьюны	317 575
И там и тут	319 575
Май	320 575

А. БОГДАНОВ

Так было — так будет 321 575

А. МАШИРОВ

Ручьи 322 576
Гребцы 323 576
После работы 324 576
Красный цветок 325 576
Зарницы 326 576
Новому товарищу 327 576
Весенний привет 328 576
Не говори в живом признании 329 576

Ф. ШКУЛЕВ

«Гуди призывом благодатным» 330 577
«Громадные стены как листья дрожат» 331 577
Мы кузнецы, и дух наш молод 333 577
Великан 334 577

А. ПОМОРСКИЙ

«Звезда» 335 577
Пролетарию-поэту 338 577
Фонарщик 339 577
Ярки зори золотые 340 578

Я. БЕРДНИКОВ

К свободе 341 578
С работы 342 578
Литейщик 343 578

Н. РЫВАЦКИЙ

Песня кузницы 346 578
Хлеба! 349 578
Иди! 351 578

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

Микула 352 578
Кузнец 354 579

В. КУЙБЫШЕВ

Море жизни 355 579

Д. ОДИНЦОВ

Там, где все проблески жизни объяла 357 579
Вперед 358 579

Н. РАТШИРОВ

«Свинцовой мглой седая хмара...» 359 579

П. УЛЬЯНОВ

Не робей... 360 580

С. НАХИМСОН

Кадет 362 580

С. ГАНЬШИН

Товарищам 363 580

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Дума 364 580

П. ВОИНОВ

Буря народная 366 581

А. БЕЛОЗЕРОВ

За стеной 367 581

Ткачи 368 581

А. МАЛЫШКИН

Ни свет зари, ни луч заката... 369 581

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Наши песни 370 582

И. КОРБОВ

Плиту асфальта пробивая... 371 582

А. СКОРЬШ

Пальто рабочего 372 582

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Болото 373 582

К. ЮДИН

Дым 374 582

И. САДОВСКИЙ

Еще не последняя песня пропета. 375 582

В. СВЕТОБОР

Дума 376 582

И. ГОРБАЧЕВ

Ручей 377 583

Л. КОТОМКА

Гляжу в свое оконце. 378 583

М. ЖУРАВЛЕВА

Скалы и дубы 379 583

А. СЕРГЕЕВ

Гроза играет 381 583

Л. УЛАГАЙ

Наш путь 382 583

Прощание 383 583

И. СЕРГЕЕВ

Металл разбит 384 583

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Кузнец 385 583

А. БЛАГОВ

Дума 387 584

Н. ДОДАЕВ

Разве вы не слышите? 388 584

В. ЛЬВОВ

Ожидание 389 584

М. АРТАМОНОВ

Забастовка 390 584

ВАЛ. КИЧУЙСКИЙ

Поэт 391 584

1914 — 1917

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Пушка и соха 392 585
Закон и «Правда» 393 585
Барабан 394 585
Строки 395 585
Брак богов 396 585
Колесо и конь 397 585
Плакальщицы 398 585
«Баталисты» 399 585

В. МАЯКОВСКИЙ

Из поэмы «Облако в штанах» 400 586
Вам! 405 586
Гимн судье 406 586
Гимн ученому 408 586
Гимн взятке 410 587
Внимательное отношение к взяточникам 411 587
Мое к этому отношение 413 587
Хвои 415 587

А. ПОМОРСКИЙ

«Правда» 417 587
Почта 418 587

А. МАШИРОВ

«...Еще скажи: в годину бед» 421 587

И. САДОФЬЕВ

Четырнадцатый год 422 588
Январские огни 423 588
На пашне 426 588

А. БЕЛОЗЕРОВ

В мастерской 428 588
Наборщику 429 588

ВАЛ. КИЧУЙСКИЙ

Тажные напевы 430 589
Свидание 431 589

Л. КОТОМБА

Поэту	433 589
Песня волн	434 589

И. ЛОГИНОВ

Марсельеза социал-шовинистов	435 589
Поэту-мещанину	437 589
Певцу-пролетарию	438 589

Ф е в р а л ь — О к т я б р ь
1 9 1 7

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Тофута мудрый	439 590
«Власть» тосковала по «твердыне»	441 590
Бабушка Ненила	442 590
Рабочие — солдатам	443 590
Песня о земле	444 590
Под знамя «Правды»	445 590
Укрепляйте «Правду!»	447 590
Приказано, да правды не сказано	449 591
«Либердан»	450 591
Мой стих	451 591
Социал-заики	452 591

В. МАЯКОВСКИЙ

Революция	454 591
Сказка о красной шапочке	461 592
К ответу!	462 592
Интернациональная басня	464 592

А. БОГДАНОВ

Песня о красном знамени	465 592
Погибшим товарищам	466 592
Интернационал	468 592

А. БЕЛОЗЕРОВ

Клич призывный	469 593
Хлеба и мира	470 593

Я. БЕРДНИКОВ

«Свершилось... И рухнули своды»	471 593
Жертвам революции	472 593
Думы солдатские	473 593

И. САДОФЬЕВ

В тюрьме	474 593
Перед рассветом	475 593

А. ПОМОРСКИЙ

Крестьянские мотивы	476 593
-------------------------------	---------

И. ЛОГИНОВ

Покляемся	477 594
Накануне :	478 594
Путь пролетария	479 594
На заводе	480 594
Кровавый сенокос	481 594
Братание	482 594
Поповский манифест	483 594
Опека	484 594

А. КРАЙСКИЙ

Еще немного	485 594
-----------------------	---------

Л. КОТОМКА

Привет «Правде»	486 594
«Холодные дни миновали»	487 594

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

Товарищ	488 595
Сходка	489 595

А. БЛАГОВ

Призыв	490 595
------------------	---------

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

«Смелей в борьбу, молодые силы!»	491 595
Привет товарищам	492 595
Пора!	493 595

Е. ДОЛЬСКИЙ

В день похорон	494 595
--------------------------	---------

И. РАТОМСКИЙ

Воинам революции	495 595
----------------------------	---------

А. ХУТОРОВ

Из каторжных мотивов 496 595

И. ИВАНОВ

К товарищам 497 595

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Узники 498 595

Ф. ШВЕДОВ

Меньшевикам 499 596

Д. СЕМЕНОВ

Пала старая власть 500 596

В. СОРОКИН

Доколе ж, братья... 501 596

А. СОЛОВЬЕВ

«Выше знамя, товарищи, выше!» 503 596

Б. ГАНЦЕВ

Бойня 504 596

Клеветникам 505 596

И. БАТИЩЕВ

Интернационал 506 597

Приложения

Г. ГАЛЛИНА

Лес рубят... 508 597

Последний выстрел 509 597

О. ЧЮМИНА

Памяти А. Н. Плещеева 510 598

Лебединая песнь 511 598

Колыбельная песня 512 598

Заем 514 598

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

На родине : 516 599

Д. ЦЕНЗОР

Их расстреляли 518 599
На братской могиле 519 599
Им 520 599
Солдатская песня 521 599

В. БОГОРАЗ-ТАН

Песня 523 600
Прилив 525 601
Песня о паре 528 601
Предсмертная песня 530 601
Царские гости 532 602

СКИТАЛЕЦ

Кузнец 534 602
Я упал с облаков 535 602
Нет, я не с вами... 536 602
Узник 538 603
Я и меч... 539 603
Тихо стало кругом... 540 603

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания 541
Список иллюстраций 604

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еголин, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев*

*Редактор В. Друзин
Художник И. Серов
Техн. редактор В. Комм
Корректоры З. Петрова и
П. Суздальский*

*Подписано в печать 17/II 1954 г. М 16948.
Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$ — 9,69 бум. л. =
31,78 печ. л. Авт. л. 21,32. Уч.-изд. л. 22,46
Тираж 25 000. Зак. № 1195. Цена 10 р. 00 к.*

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

